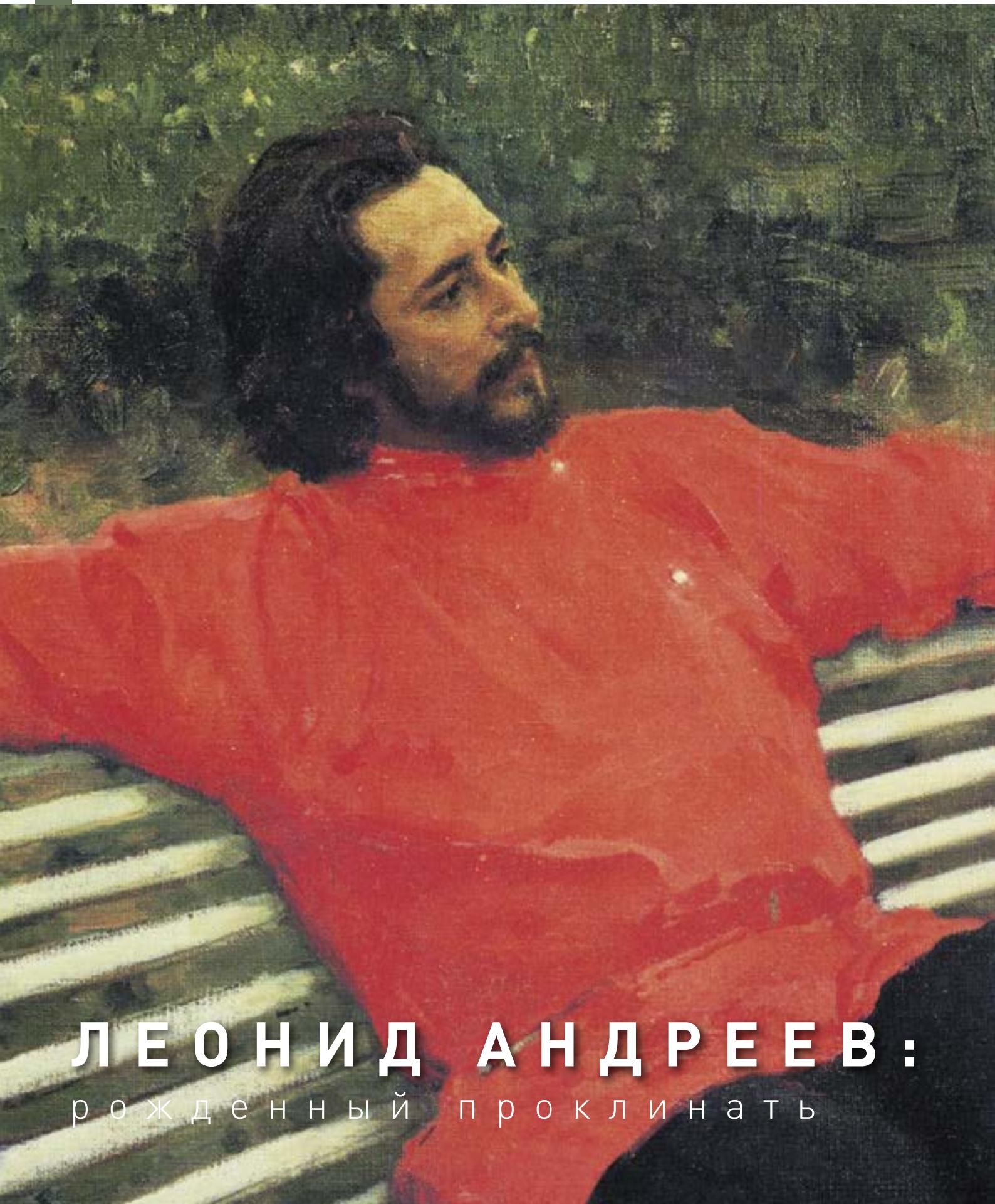


Русский Мир.ру

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ



ЛЕОНИД АНДРЕЕВ:
рожденный проклинать

ЗАБЫТАЯ И НЕ ЛЕГЕНДАРНАЯ

В АВГУСТЕ 1914 ГОДА НАЧАЛАСЬ Первая мировая война. Не круглая дата. Не юбилей. А что, в прошедшие юбилеи о ней кто-то вспомнил? Кто-то вспомнил про то, что миллионы наших соотечественников шли в бой за Отечество? И умирали за него. А не за государя императора. Как умирали потом в Великую Отечественную за Родину. Но не за Сталина, как нам то внушили много-много лет.

Первая мировая война – едва ли не самая «забытая», но также и самая оболганная война в истории России. Вся Европа усеяна памятниками ветеранам двух мировых войн – и Первой, и Второй. У нас, кажется, нет ни одного памятника героям той войны, из которой Россия лишь в самый последний момент волею судеб, национального предательства тех, кто жаждал «поражения своего правительства» и породил в конечном счете национальную катастрофу, была вычеркнута из списка стран-победителей.

На войну был навешан презрительный ярлык «империалистическая». Ее не изучали историки. О ней не издавали мемуаров. Ее герои были забыты и толком даже не похоронены. Георгиевские кресты, предмет гордости героев, были втоптаны в грязь невежества тех, кто хотел разом перечеркнуть великую историю во имя смутных сказочных грез так и не сбывшегося коммунизма. А идеалы тех, кто верил в справедливость защиты своего тогдашнего Отечества, были растоптаны и перечеркнуты в угоду новым – тоже по-своему идеалов, – из-за которых Отечество схлестнулось само с собой в кровавой Гражданской войне.

Мы сегодня стоим перед лицом очередного российского исторического парадокса. Триумфально выиграв Вторую мировую войну, мы толком еще не закончили Первую. **❶**



**ВЕРБИЦКАЯ
ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА**

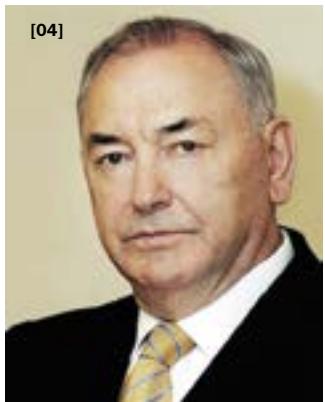
Председатель
попечительского совета,
президент Международной
ассоциации
преподавателей русского
языка и литературы,
президент Санкт-
Петербургского
государственного
университета [01]



[02]



[03]



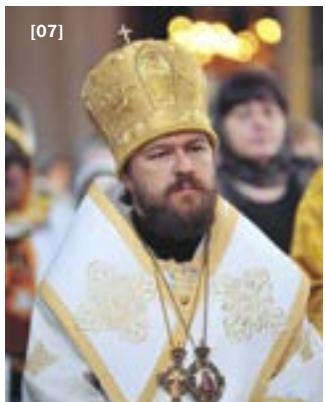
[04]



[05]



[06]



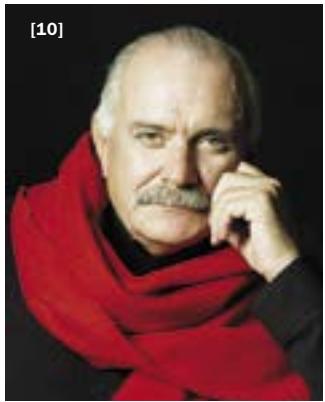
[07]



[08]



[09]



[10]

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

**БОГДАНОВ
СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ**
Председатель наблюдатель-
ного совета Российского
общества преподавателей
русского языка и литера-
туры, проректор Санкт-
Петербургского государствен-
ного университета [02]

**ВИНОКУРОВ
СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ**
Начальник Управления
Президента Российской Фе-
дерации по межрегиональ-
ным и культурным связям
с зарубежными
странами [03]

**ДЗАСОХОВ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**
Заместитель председателя
Комиссии Российской
Федерации по делам
ЮНЕСКО [04]

**ДОБРОДЕЕВ
ОЛЕГ БОРИСОВИЧ**
Генеральный директор
ФГУП «Всероссийская
государственная телевизи-
онная радиовещательная
компания» [05]

**ИГНАТЕНКО
ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ**
Генеральный директор
ИТАР-ТАСС [06]

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ
ВАЛЕРИЕВИЧ)**
Митрополит Волоколам-
ский, председатель Отдела
внешних церковных
связей Московского
патриархата [07]

**КОСТОМАРОВ
ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**
Президент Государствен-
ного института русского языка
им. А.С. Пушкина [08]

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ**
Министр иностранных дел
Российской Федерации [09]

**МИХАЛКОВ
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ**
Президент Российского
фонда культуры [10]

**МУХАМЕТШИН
ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ**
Руководитель Федераль-
ного агентства по делам
СНГ, соотечественников,
проживающих за рубежом,
и по международному гума-
нитарному сотрудничеству
«Россотрудничество») [11]



**НИКОНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Исполнительный директор
правления фонда «Русский
мир», президент фондов
«Политика», «Единство
во имя России» [\[17\]](#)



СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**НАРОЧНИЦКАЯ
НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА**
Президент Фонда истори-
ческой перспективы, глава
отделения Некоммерческо-
го фонда «Институт демо-
кратии и сотрудничества»
в Париже [\[12\]](#)

**ПИОТРОВСКИЙ
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ**
Директор ФГУК «Государ-
ственный Эрмитаж» [\[13\]](#)

**ФУРСЕНКО
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Министр образования
и науки Российской
Федерации [\[14\]](#)

**ЮРКОВ
ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ**
Заместитель генерального
секретаря Международной
ассоциации преподава-
телей русского языка и
литературы, заведующий
кафедрой филологического
факультета СПбГУ [\[15\]](#)

**ЯКУНИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**
Президент ОАО «Россий-
ские железные дороги»,
председатель попечитель-
ского совета Фонда Андрея
Первозванного и Центра
национальной славы [\[16\]](#)

**МОРГУНОВ
СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ**
Член правления фонда
«Русский мир» [\[18\]](#)

**КАЛИНА
ИСААК ИОСИФОВИЧ**
Руководитель
Департамента
образования
Москвы [\[19\]](#)

**ПРОКОФЬЕВ
ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Заместитель директора
департамента
Генерального секретариата
МИД Российской
Федерации [\[20\]](#)

**ШАРКОВ
АНДРОНИК СЕРГЕЕВИЧ**
Начальник департамента
Референтуры Президента
Российской Федерации [\[21\]](#)

РУССКИЙ МИР

- 06** Свежий ветер
10 Аварийная ситуация
12 Лунная одиссея



ИНТЕРВЬЮ

- 14** «Не надо мешать развиваться русскому языку»



ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 24** Первый двойник



ИСТОРИЯ

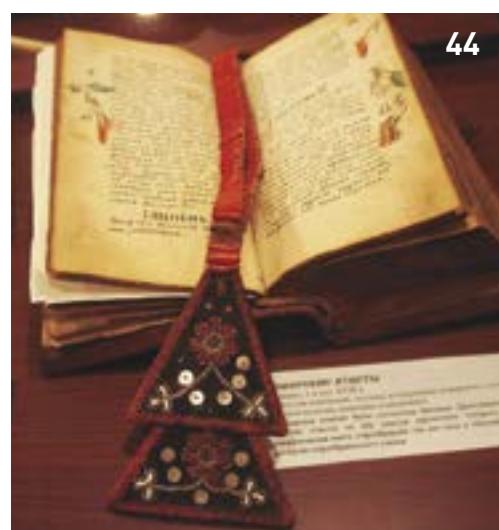
- 30** Неизвестные

НАСЛЕДИЕ

- 38** Порок сердца



- 20** «Мы стремимся делать выставки по-новому»



- 44** Институт рукописного прошлого



АЛЕКСАНДР ДЖОСС/БЕОРН/ФОТО

СИТУАЦИИ

- 50** Ключи от Изборска
53 Корневая система

ТРАДИЦИИ

- 56** Кружевной унисон

ФЕСТИВАЛЬ

- 60** «И стал он парнем очень
 клевым и лучше выдумать
 не мог»



- 64** Философский материал

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 70** Иная жизнь
78 Топорное дело

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 84** Лето в Фиолетово

ФОТОРЕПОРТАЖ

- 90** Бесконечная история

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
 правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
 руководитель информационно-
 издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
 (495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Екатерина БЛАЖНОВА
Александр БУРЫЙ
Дмитрий БЫКОВ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Дмитрий ИВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
 ООО «Издательско-полиграфический центр
 «Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
 ООО ПО «Периодика»
 Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
 119285 Москва,
 ул. Мосфильмовская, 40а
 Телефон: (495) 981-54-04
 Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
 ПИ №ФС77-30492
 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
 и не вступает в переписку

Фото на обложке
 предоставлено М. Золотаревым

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОНД «РУССКИЙ МИР» ПРОДОЛЖАЕТ АКТИВНО ОТКРЫВАТЬ РУССКИЕ ЦЕНТРЫ И КАБИНЕТЫ РУССКОГО МИРА. НОВЫЕ ТОЧКИ ЗАРАБОТАЛИ В АВСТРАЛИИ, АВСТРИИ, ВЕНГРИИ, ВЬЕТНАМЕ, ИНДОНЕЗИИ, ИСПАНИИ, КАМБОДЖЕ, МОНАКО, ФИНЛЯНДИИ, ШВЕЙЦАРИИ, ЭСТОНИИ И ПРИДНЕСТРОВЬЕ.

ВСЕРЕДИНЕ ИЮНЯ В АВСТРАЛИИ открылся первый Кабинет Русского мира. «Пятый континент отличается особенной сплоченностью и активностью русскоязычной диаспоры всех уровней эмиграции, – сказал руководитель управления региональных программ фонда «Русский мир» Георгий Толорая. – В Австралии проводятся многочисленные мероприятия, направленные на сохранение русского языка и русской культуры. Издаются книги на русском, посвященные деятельности наших соотечественников в регионе. Большой популярностью пользуются русскоязычные средства массовой информации. Считаю, что организации соотечественников других стран региона должны брать пример с русскоязычной диаспоры Австралии». В начале 60-х в Мельбурне активисты создали организацию «Русский дом», которая занимается сохранением культуры и языка, с 1987 года в Сиднее работает «Русский клуб». Организации несколько раз обращались в Дальневосточный филиал фонда «Русский мир» с просьбой прислать им книги и журналы на русском языке, так как их библиотеки устарели. Сначала «Русский мир» и Союз российских писателей отправили в Австралию книги дальневосточных авторов и номера журнала «Изба-читальня», в котором особенный интерес у соотечественников вызывают рубрики «Литподрост» и «Детский сад». А 15–17 июня в Сиднее и Канберре прошла конференция российских соотечественников, в которой приняли участие посол РФ в Австралии Владимир Морозов, руководитель Совета российских соотечественников в Австралии Игорь Савицкий, представители государственных и общественных организаций Австралии. Владимир Морозов отметил особую просветительскую роль Россотрудничества и фонда «Русский мир» в Австралии. И наконец, в Мельбурне торжественно открыли первый Кабинет Русского мира на базе русской школы при Свято-Покровском соборе – самом большом православном храме в Австралии. Церемонию открытия провели Георгий Толорая и настоятель при-

хода протоиерей Николай Карыпов. Георгий Толорая отметил принципиальную важность того, что основными посетителями Кабинета будут дети соотечественников, родившиеся в Австралии, это позволит им выучить русский язык и сохранить духовную связь с Россией. Первый Кабинет Русского мира появился и в индонезийском Университете «Паджаджаран» города Бандунг. Это крупнейший вуз страны, где обучается более 40 тысяч студентов. Теперь они получат доступ к большой русской библиотеке – художественной литературе, словарям, методическим пособиям. Переговоры об открытии Кабинета «Русский мир» вел два года, и начало его работы – заметное событие в культурной жизни страны с населением 237 миллионов человек. На торжественном мероприятии выступили представитель Россотрудничества в Индонезии Юрий Зозуля и представители руководства университета.

Частичка России

Новый Кабинет Русского мира в Ханойском филиале Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [ХФГИРЯП] стал первым во Вьетнаме и вторым в Юго-Восточной Азии. ХФГИРЯП – лучший вуз страны в области изучения русского языка. Сейчас ХФГИРЯП исследует положение русского языка во Вьетнаме, разрабатывает учебные и методические программы для учащихся и преподавателей русского языка и литературы, выпускает учебники и учебные пособия, организует краткосрочные курсы русского языка всех уровней, проводит научные конференции, семинары и масштабные мероприятия: вечера русской культуры, олимпиады по русскому языку. Церемонию открытия Кабинета Русского мира приурочили ко дню рождения Александра Пушкина – 6 июня. С российской стороны в ней приняли участие советник посольства РФ, представитель Россотрудничества во Вьетнаме, директор Российского центра науки и культуры Алексей Лавренев, директор Центра русского языка Елена Скяева, представитель посольства РФ во Вьетнаме И.С. Нестеров. Вьетнамскую сторону представляли начальник управления международного образования при Министерстве образования и подготовки кадров Нгуен Суан Ванг, вице-директор Ханойского филиала ГИРЯП Фунг Чонг Тоан, руководитель Российско-Вьетнамского тропического центра Чинь Куок Кхань, известный поэт-переводчик Тху Тоан, представители управления международного сотрудничества Министерства образования Вьетнама, Института атомной энергетики и крупных вузов Вьетнама.

В этот же день в Приднестровье появился пятый Кабинет Русского мира – в библиотеке



города Каменки. Четыре других находятся в Тирасполе, Слободзее, Григориополе и Дубоссарах. В Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко работает Центр русского языка и культуры. В Приднестровье начинания фонда встречают с особенной теплотой. «Что такое Россия? Много она значит для нас или мало? – сказал депутат Верховного совета ПМР Валерий Бабчинецкий. – Это наши пенсии, наш газ, наше благосостояние. Мы очень благодарны России». Выступавшие на церемонии отмечали, что благодаря этому проекту местные жители смогут глубже изучить русский язык, литературу, культуру и «быть ближе к большой родине – России».

Через три дня, 9 июня, фонд открыл Кабинет Русского мира в Монако. В церемонии принимали участие почетный Генеральный консул РФ в Княжестве Монако Клод Палланка, посол Монако в РФ Клод Жордан, торговый представитель РФ во Франции Иван Простаков, а также представители общественных организаций и соотечественники. Представитель фонда «Русский мир» Михаил Носов поблагодарил высоких гостей за настойчивость в создании условий для Кабинета Русского мира, развития русского языка в Монако и на прилегающей территории Франции.

Как каравелла

Тридцатого июня Кабинет Русского мира открылся при университете венгерского города Печ, где на кафедре славянской филологии обучаются 80 студентов. Ребята принимают активное участие в международных и венгерских конкурсах по русскому языку. В последние годы в Венгрии повышается интерес к изучению русского языка. Увеличивается число студентов, поступающих на отделение русского языка и литературы, все больше гимназистов и учащихся профтехучилищ выбирают русский в качестве второго или третьего иностранного языка. К открытию Русского центра университет готовился тщательно. По этому случаю коллектив кафедры славянской филологии выпустил сборник «Ученых записок», в который вошло 20 статей сотрудников кафедры и коллег-руссистов из университетов семи стран.

На торжественном открытии Русского центра вице-мэр города Печ Петер Чизи высоко оценил его значение для российско-венгерских связей как в области экономики, так и в области культуры. «Это большое событие не только для города, но и для всего Задунайского региона», – сказал он. Заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Владимир Кочин выразил на-



дежду, что «Русский центр города Печ будет работать столь же эффективно, как и Русский центр в Будапеште, что послужит дальнейшему укреплению дружбы между народами, расширению гуманитарных контактов». Проректор Печского университета профессор Ласло Комлоши, поблагодарив руководство фонда «Русский мир», заверил, что так оно и будет. «Это событие является признанием научно-преподавательской работы кафедры славянской филологии, – сказал Ласло Комлоши. – Центр внесет значительный вклад в культурную жизнь города и послужит укреплению культурных связей между Венгрией и Россией». На церемонии также присутствовали директор Российской культурного центра в Будапеште Сергей Бороздин, декан гуманитарного факультета Печского университета Ференс Фишер, директор Института славистики Печского университета Дэнэш

Шокшевич, директор будапештского Русского центра Палоши Илдико, преподаватели и студенты университета, представители общественных организаций и СМИ. Едва открывшись, Русский центр уже начал активную работу. Прямо в день открытия участников пригласили на сентябрьскую встречу с писательницей Людмилой Улицкой.

В июне же в Каталонии в рамках Форума русистов, приуроченного к Году России в Испании, открылся первый Кабинет Русского мира. В Барселону съехались представители 20 ведущих университетов и государственных школ страны, представители фонда «Русский мир», Генконсульства России в Барселоне, Российского гуманитарного научного фонда, издательства «Златоуст». В библиотеку Кабинета Русского мира вошли новейшие учебники и учебные пособия, методическая литература, двуязычные словари и большая подборка лучших советских и российских фильмов с испанскими субтитрами. По словам генерального директора Центра русского языка и культуры им. А.С. Пушкина Владимира Гусева, использование этих материалов окажет большую методическую помощь испанским русистам, а также способствует активизации учебного процесса. Кабинет будет работать в Центре русского языка им. А.С. Пушкина, который, по словам заместителя руководителя управления грантов фонда «Русский мир» Ольги Винтайкиной, «является крупнейшим очагом по распространению русского языка и культуры в Испании». Консул РФ в Барселоне Сергей



Шуранов отметил большую и важную работу, проводимую фондом «Русский мир» по открытию Центров и Кабинетов, и со своей стороны пообещал полную поддержку и содействие Центру русского языка и культуры им. А.С. Пушкина в Барселоне, который уже почти двадцать лет занимается просветительной работой. «Надеюсь, открытие долгожданного Кабинета Русского мира в Барселоне придаст новый импульс работе Центра русского языка», – заключил Сергей Шуранов. А Юрий Воротников, заместитель председателя совета Российского гуманитарного фонда, сравнил Центр русского языка в Барселоне с каравеллой. «Каравелла уже распустила все свои паруса в ожидании попутного свежего ветра, – развернул метафору Юрий Воротников, – и российские фонды со своей стороны постараются усилить этот ветер, который приведет судно в порт, который называется Прекрасной страной знаний о великом языке и великой культуре России».

Для Австрии новый Кабинет Русского мира, открывшийся 17 июня при педагогической школе, стал вторым. Это событие не случайно совпало по времени с проведением в Шоттен-гимназии III Международного научно-практического семинара для зарубежных преподавателей по внедрению инновационных методов преподавания русского языка на базе нового учебно-методического комплекса «Русский язык для зарубежных школ» для третьего класса. Шоттен-гимназия – старейшая из гимназий в Вене, в которой два года назад начал ра-

ботать первый в Австрии Кабинет Русского мира. На церемонии открытия Кабинета присутствовали высокие российские и австрийские гости: посол России в Австрии Сергей Нечаев, руководитель Российского центра науки и культуры в Вене Олег Ксенофонтов, руководитель управления образовательных проектов фонда «Русский мир» Ирина Степанова, ректор Высшей педагогической школы Дагмар Хакль, представители руководства австрийского Министерства образования. Изюминкой торжества стало вручение госпоже Хакль читательского билета №1.

Еще один Кабинет Русского мира открылся в июне в Эстонии, в таллинском Александро-Невском соборе. Тысяча изданий, книг, CD и DVD будет использоваться для преподавания в воскресной школе, которую посещает более 100 детей разного возраста. Митрополит Таллинский и всяя Эстонии Корнилий сказал, что для православной церкви в Эстонии этот дар фонда «Русский мир» очень ценен и послужит хорошим подспорьем для духовного воспитания детей и молодежи. Владыка отметил, что русский язык для детей, обучающихся в эстонских школах, нуждается в дополнительной заботе и совершенствовании, для чего постоянно нужны учебные пособия. В открытии Кабинета приняли также участие посол России в Эстонии Юрий Мерзляков, советник-посланник посольства России в Эстонии Александр Яшкин, член Совета по делам соотечественников при председателе Совета Федерации России Андрей Заренков, а также руководители детской воскресной школы.

Вне России

В Швейцарии сейчас идет работа по созданию единого методического кабинета русского языка в этой стране. В начале июня в Берне, в здании посольства Российской Федерации, прошел первый международный семинар «Русский язык вне России». Организатор – швейцарский Русский детский центр «Матрешка», который поддержали в этой инициативе Россотрудничество, посольство России в Швейцарии, комитет по внешним связям Санкт-Петербурга и российское издательство «Златоуст». На семинаре было заявлено, что такой методический кабинет позволит улучшить взаимодействие между русистами – преподавателями, научными сотрудниками, студентами, педагогами школ дополнительного образования и гимназий Швейцарии, да и всей Европы, российскими издательствами и официальными учреждениями – для организации будущих совместных проектов. И это новое слово в продвижении русского языка за рубежом. ●

АВАРИЙНАЯ СИТУАЦИЯ

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ДОМ КУПЦА НАУМОВА В КИШИНЕВЕ – ОДНО ИЗ ДВУХ СОХРАНИВШИХСЯ В МИРЕ ЗДАНИЙ, ГДЕ КОГДА-ТО ЖИЛ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН. СЕГОДНЯ НАД СТЕНАМИ, В КОТОРЫХ ВЕЛИКИЙ ПОЭТ НАПИСАЛ ЗНАМЕНИТУЮ «ЧЕРНУЮ ШАЛЬ», НАВИСЛА УГРОЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ: В ДВУХ ШАГАХ ОТ СТАРОГО ФЛИГЕЛЯ ВОЗВОДИТСЯ МНОГОЭТАЖНЫЙ ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС.

СТРОИТЕЛЬСТВО НЕ ТОЛЬКО УНИЧТОЖАЕТ ауру пушкинского квартала, но и представляет реальную опасность для музея: от непрерывной вибрации земли под колесами тяжелых грузовиков, подвозящих стройматериалы, от работы машин на строительной площадке по его ветхим стенам и потолкам уже пошли трещины. Работники дома-музея забили тревогу еще до начала строительства; весной 2011 года общественность выходила на акции протеста, тему подхватили русскоязычные СМИ. По распоряжению молдавских властей строительство было заморожено. Но ненадолго: уже в июне стройка возобновилась. Кто б сомневался, что сегодня в борьбе между ценами и ценностями побеждают первые. А ведь Дом-музей Пушкина на Мойке, 12 в Санкт-Петербурге и флигель, когда-то принадлежавший купцу Наумову в Кишиневе, – вот два сохранившихся в мире здания, где действительно жил поэт.



Андрей Саенко

Приехав теплым вечером 21 сентября 1820 года в столицу недавно образованной Бессарабской губернии, юный Александр Пушкин остановился в заезжем доме Ивана Николаевича Наумова – русского переселенца, мещанина, «одетого, как говорится, в европейское платье» написал о нем один из кишиневских приятелей поэта, Иван Липранди. Чистотой и европейским лоском отличалась и наумовская гостиница, где селились в основном представители «высшего класса». Здесь почти два месяца прожил и Александр Сергеевич. Но этот короткий промежуток времени дал Наумову пищу для разговоров до конца жизни: по свидетельству современников, подробности из жизни поэта сильно интересовали чиновников областного правления.

В небольшом флигеле на пыльной Антоньевской улице (теперь она носит имя Антона Панна) Пушкин написал знаменитую «Черную шаль», послание «Дочери Карагеоргия» и продолжил работу над первой южной поэмой, впоследствии получившей название «Кавказский пленник». В 1898 году, в канун столетнего юбилея поэта, газета «Бессарабец» писала, что в Кишиневе есть дом, где жил Пушкин, но где он, «никто не знает, так как никто не задавал себе труда отыскать его... и сохранить».

Отыскал его сразу после Великой Отечественной войны учений-филолог Борис Трубецкой. Местные жители, рассказал он впоследствии в книге «Пушкин в Молдавии», показали ему «домик Пушкина», но вид здания «был ужасен»: «Провалившаяся крыша, ветхие двери, окна и полы, грязь и руины зданий, находящихся близ него... Нужны были срочные меры, чтобы сохранить этот дом». И меры были приняты. Здание отреставрировали, и 10 февраля 1948 года здесь открылся мемориальный дом-музей поэта. Его первым директором стал Борис Трубецкой.

В конце 70-х годов прошлого века было принято решение восстановить старый облик



Андрей Саенко





исторической части Кишинева: вокруг дома-музея создать пешеходную зону, разместить там ремесленные лавочки, где работали бы народные мастера. Но идея этой так и не суждено было воплотиться в жизнь.

В начале 90-х, когда горе-националисты в очередной раз пытались «сбросить Пушкина с корабля современности», гадили на его памятник в главном парке молдавской столицы, который долгие годы носил имя поэта, а сейчас переименован просто в городской, дом-музей не трогали, о нем как бы забыли. Да и последние пару лет, когда Пушкин снова попал в опалу у определенной части общества, когда периодически слышатся призывы перенести его памятник из центра Кишинева на окраину, о музее по-прежнему не вспоминали. Вероятно, сказалось его местоположение: он не на виду, спрятан в глубине квартала. Этот приятный тихий островок и облюбовала одна из кишиневских компаний для строительства очередного элитного жилого комплекса из пяти многоэтажных зданий. Компания получила в мэрии необходимые документы и приступила к реализации проекта.

Нюанс: согласно молдавскому законодательству, строительство в исторической части города должно быть согласовано с Министерством культуры. Как утверждают в этом ведомстве, еще в 2008 году проект здесь обсуждался дважды, но принят не был, так как фирма-застройщик не внесла в план требуемых изменений. Тем не менее разрешение было подписано экс-министром культуры Артуром Козмой 28 декабря 2008 года, хотя еще за три недели до этого он был отстранен от своей должности.

Начало строительства стало испытанием для музейных работников. Каждое утро начинается у них с обхода всех помещений и

подсчета трещин, появляющихся от вибрации на стенах и потолках. Директор музея Александра Стаканова боится, что в один прекрасный день ветхое строение просто не выдержит и рухнет, и не верит гарантийному письму застройщиков отремонтировать домик Наумова, если вдруг он пострадает от соседней стройки.

После шумихи в местной прессе весной 2011 года, после открытых писем, написанных представителями Русской общины молдавским властям, исполняющий обязанности президента страны Мариан Лупу и премьер-министр Влад Филат распорядились запретить движение большегрузных автомобилей по прилегающей к музею улице и заморозить стройку до выработки решения, которое устроило бы всех. Около двух месяцев площадка пустовала, затем строительство возобновилось. Вопреки действующему законодательству, позволяющему возводить новые объекты не ближе чем в 100 метрах от охраняемых государством памятников архитектуры, фундамент многоквартирного комплекса уже заложен всего в... 7 метрах от музейного здания.

– Это произвол, – считает ученый секретарь дома-музея Виктор Кушниренко. – Застройщики не должны были возобновлять работу, пока не выяснена до конца ситуация. Речь идет о сохранности памятника архитектуры не только местного, но и общемирового значения. Дом-музей Пушкина в Санкт-Петербурге на Мойке, 12 включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В этом реестре нет кишиневского дома, где жил поэт. Думаю, это связано с тем, что Молдавия сделала много других заявок, до нас, что называется, руки не доходят.

Так что пока перспективы музея остаются туманными. 



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЛУННАЯ ОДИССЕЯ

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ ЗАВЕРШИЛИСЬ СЪЕМКИ ИСПАНСКОГО НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОГО ФИЛЬМА О СОВЕТСКИХ КОСМОНАВТАХ, СРЕДСТВА НА КОТОРЫЙ СОБИРАЛИ ТЫСЯЧИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ВИРТУАЛЬНЫХ СЕТЕЙ. ПРЕМЬЕРА ДОЛЖНА СОСТОЯТЬСЯ В НАЧАЛЕ 2012 ГОДА ОДНОВРЕМЕННО В МАДРИДЕ, МОСКВЕ И РИГЕ, А 12 АПРЕЛЯ ТОГО ЖЕ ГОДА ФИЛЬМ ПОКАЖУТ ЭКИПАЖУ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОСМИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ.

ИДЕЯ ФИЛЬМА РОДИЛАСЬ У ИСПАНСКОЙ кинопродюсерской компании RIOT Cinema Collektive несколько лет назад, когда молодой режиссер Николас Алкала и его друзья увлеклись легендами о космонавтах, сгинувших во Вселенной. Сначала планировалось сделать короткометражный фильм, но, когда компания приступила к съемкам, интересного материала оказалось так много, что решено было расширить рамки проекта. Николас – поклонник творчества Андрея Тарковского, фильм которого «Солярис» по роману Станислава Лема оказал решающее влияние как на самого режиссера, так и на остальных участников проекта. В испанской картине будет звучать музыка композитора Эдуарда Артемьева, который долгие годы сотрудничал с Андреем Тарковским. Молодым кинематографистам в подготовке фильма помогала сестра знаменитого режиссера – Марина Тарковская, а также советские космонавты Сергей Волков и Борис Волынов.

По сюжету фильма главные герои – друзья Андрей и Станислав (их имена выбраны тоже не случайно) – в 1961 году попадают в засекреченную группу в Звездный городок.

Вместе с другими летчиками-испытателями их тренируют для полета на Луну. В Центре управления полетами работает подруга Станислава и Андрея Юлия – вот и любовный треугольник, – с которой у молодых людей складываются непростые отношения. Андрея отстраняют от тренировок по состоянию здоровья, и он становится руководителем суперсекретного проекта «Программа К» по отправке первого космонавта на Луну. Им становится Станислав, и в 1975 году его отправляют в космос. Совершив несколько витков вокруг спутника Земли, космический корабль исчезает с радаров. Андрей упорно ведет поиски пропавшего друга. Корабль обнаружить ему удается только через 7 месяцев, но Стаса на борту не оказалось. В то же время в ЦУП начинают поступать радиосообщения от Станислава, который уверяет, что вернулся на Землю, но почему-то нашел ее совершенно опустевшей...

У этого проекта необычная история. Задолго до выхода фильм уже успел попасть в учебники по кинематографии и вполне может претендовать на звание самого инновационного кинопроекта в мире. Ведь в поисках средств на создание картины испанские кинематографисты прибегли к так называемому краудфандингу – сбору средств среди интернет-пользователей. «За неделю до предполагаемого начала съемок один из наших самых крупных российских инвесторов отказался от участия в проекте, – рассказал режиссер Николас Алкала. – Тогда мы и кинули клич в Интернете, планируя для начала собрать хотя бы 40 тысяч евро в течение месяца, а в итоге только за первую неделю набрали вдвое больше. И дело пошло...». В итоге получилось подлинное народное кино. Впрочем, метод краудфандинга уже был однажды опробован испанскими режиссерами – при создании полнометражного мультипликационного фильма «Апостол». Суть идеи в том, чтобы как можно большее число будущих зрителей могли внести свой вклад в производство фильма, но не как благотворители, а за определенную компенсацию. На сайте проекта был открыт онлайн-магазин, в котором любой мог купить сувениры, связанные с фильмом, – майки, значки, наклейки с символикой – красным кругом с белой птичкой колибри внутри. Те, кто внес минимальный вклад – 2 евро, получали номерной сертификат участия и билет лотереи, в которой после завершения съемок будет разыгрываться настоящий советский скафандр. Откликнулись тысячи людей. Кроме того, был открыт сбор более крупных пожертвований – от 1 тысячи евро. Такие инвесторы считаются уже акционерами и имеют право на определенную долю доходов от



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

картины, когда она будет закончена. Проект заручился поддержкой посольств России в Испании и Испании в России, Испанского музея аeronautики и космонавтики и Звездного городка, Европейского института дизайна, Открытого университета Барселоны и Международной федерации астронавтики. По финансовым соображениям съемки было решено провести не в России, как было задумано вначале, а в Латвии. Сопродюсером с латвийской стороны выступил директор компании Forma Pro Film Игорь Пронин. «Съемки начались в конце мая. Наша задача была обеспечить весь фильм-сервис, – рассказал он журналу «Русский мир.ги». – Что это означает? Например, в пустующих огромных цехах Рижского вагоностроительного завода мы оборудовали практически настоящий ракетный ангар. На заводе «Радиотехника» построили космический Центр управления полетами. На бывшем советском военном полигоне в Адажи для одного из эпизодов фильма устроили настоящеe ДТП с участием черной «Волги». На полигоне в Адажи снимались и сцены приземления космического аппарата. Кapsулу по фотографиям и чертежам делали латвийские мастера, и им пришлось здорово повозиться. Первые две попытки оказались неудачными, лишь третий модуль был принят консультантами. В результате «приземление» прошло без сучка и задоринки, хотя аппарат основательно обгорел, но так и было задумано».

Но основной съемочной площадкой испанского фильма «Космонавт» стал юрмальский санаторий «Янтарный берег», принадлежащий управлению делами при президенте России. Выбор не был случайным. В советские годы здесь отдыхали и лечились многие советские космонавты. На территории санатория находится некогда секретный объект – так называемая «государственная дача №2». Здесь когда-то отдыхали члены советского

Политбюро и партийные бонзы различного ранга. Пару лет назад руководство санатория открыло бывший «объект» для туристов, восстановив до мельчайших деталей атмосферу 70-80-х годов. На экране телевизора «Рекорд» транслируется программа «Время» с черно-белыми новостями из советского прошлого, в актовом зале – киножурнал «Новости дня». На два летних месяца «Янтарный берег» превратился в настоящий «Звездный городок». «Космонавтов» поселили в бывших номенклатурных номерах, преобразовав их в служебные квартиры. В кабинетах с портретами советских лидеров проходили совещания с участием «генералов» и «чиновников» от космоса, в спортивном зале – тренировки будущих покорителей Вселенной. Причем нешуточные: так, в одной из сцен главных героев погружали на несколько минут в чугунные ванны со льдом. И все это под контролем медиков, которых вооружили медицинскими инструментами старых образцов, взятыми напрокат из местного музея.

В фильме участвуют испанские, английские, русские и латышские актеры. Например, известный латвийский актер и режиссер Олег Шапошников сыграл роль летчика-космонавта Алексея Леонова в молодости, латышский актер Эгилс Мелбардис перевоплотился в Валерия Кубасова, который готовился к полету вместе с Юрием Гагарином на корабле «Союз». Несколько эпизодических сцен было отснято и с участием космонавта №1, его также сыграл местный актер. Роли главных героев – Стаса и Андрея – достались британским актерам.

«Испанцы очень своеобразные люди, – говорит продюсер Игорь Пронин. – Так что притирка на съемочной площадке, конечно, была. Хотя официальный язык съемок был английский и фильм также выйдет на английском языке, но режиссеру с помощью переводчиков пришлось много общаться и на русском, и на латышском. Как он признался, это было очень непросто, но безумно интересно. Меня поразило, с каким восхищением и уважением испанцы говорили о советских космонавтах! Они с такой страстью загорелись идеей сделать свой собственный фильм о космосе, чтобы хотя бы таким, фантастическим, образом «полететь» на Луну». Теперь предстоит редактирование отснятого материала, монтаж и досъемки в Москве, уже вокруг настоящего Звездного городка. В январе будущего года испанцы хотят представить свой кинопроект на крупнейшем международном фестивале независимого кино в США. А на День космонавтики 12 апреля будущего года испанскую версию полета русских на Луну покажут экипажу Международной космической станции. ●

«НЕ НАДО МЕШАТЬ РАЗВИВАТЬСЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ»

БЕСЕДОВАЛ
**ВЛАДИМИР
ЕМЕЛЬЯНЕНКО**
ФОТО АНТОНА
БЕРКАСОВА

О ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И СБЛИЖЕНИИ МОСКОВСКОГО И ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ, О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ УПРОЩЕНИЯ РЕЧИ И НЕОБХОДИМОСТИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ОСКУДЕНИЮ «НОВОГО РУССКОГО» ЯЗЫКА В ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ, ПРЕЗИДЕНТ СПбГУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ЛЮДМИЛА ВЕРБИЦКАЯ.

—ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА, объясните, пожалуйста, вашу позицию. Вы последовательно отстаиваете необходимость соблюдения языковой нормы. Но одновременно призываете «не страдать по поводу упрощения разговорного русского языка». Нет ли здесь противоречия?
— Знаете, по утрам, когда делаю зарядку или за завтраком, я часто запи-

сываю ошибки ведущих на Первом канале или на «России-1». Именно на этих каналах потому, что, к сожалению, не все россияне имеют возможность смотреть другие каналы, а «тарелки» есть не у всех. Но это и некоторый плюс: люди не видят и не слышат того потока языкового мусора, что извергается с ряда новых или случайных телевизионных каналов, которые растут как грибы после дождя. Правда, так же и пропадают без вести. Поэтому главные телеканалы – это еще и модель общения, в том числе языкового. Так вот, они постоянно не просто упрощают речь, а искажают разговорную норму. По поводу упрощения языка все просто: потому русский язык и функционален, что гибок и способен в том числе к упрощению. Но он еще и настолько богат

оттенками и образами, что искажения его обедняют и делают примитивным. Например, язык СМС, как правило, закономерно телеграфен и минималистичен. Иначе и быть не может: он – средство быстрого, справочного информирования или экспресс-общения. А «олбанский» язык не только искажает написание слов. Это лишь внешний срез проблемы. Ее глубина в том, что «олбанский» ведет к оскудению мысли. Ведь как человек мыслит, так он и говорит. Трагедия заключается в том, что «олбанское» «мышление» ведет к скудности мысли. Это уже не упрощение ради функциональности, а примитивизм. А соблюдение языковых норм, как подушка безопасности, снижает риски и угрозы. Кроме того, соблюдение языковых норм очень важно для



ЛЮДМИЛА ВЕРБИЦКАЯ

сохранения внутренних языковых процессов. Хотя язык – удивительный организм. Он со многими влияниями справляется сам. Однако соблюдение норм помогает сбалансированному развитию языковых процессов.

Так что никакого противоречия.

– В отличие от многих лингвистов, тревожащихся по поводу «русского языка на грани нервного срыва», вы считаете, что «идут благодатные изменения, которые затронули лингвистику». Что это за изменения?

– В обществе заметно меняются приоритеты. Оно постепенно, правда, не так быстро, как нам хотелось бы, становится гражданином. Разу-

меется, установление гражданских институтов отражается на многих процессах, в том числе и языковых. Еще до интенсивного реформирования русского языка история немецкого языка, или немецкой языковой нормы, это показала и доказала. Вспомните: в период существования в Германии двух различных государств фактически было два немецких языка. Точнее, немецкие языки двух государств ощутимо различались. В языке ГДР было много советизмов и социалистического новоязя, а в языке ФРГ – американлизмов и контрпропагандистской риторики. Так два немецких языкашли разными путями более тридцати лет. К счастью, не больше, пото-

му что за эти годы лексически, действительно, это были близкие, но разные языки. И хотя до сих пор в единой Германии не закончились социальные процессы, связанные с объединением, языковые процессы оказались более динамичными. Немецкий язык фактически стал единым.

В русском языке тоже происходят динамичные изменения. Правда, они начались еще раньше, чем перестал существовать СССР. Примерно сорок – сорок пять лет назад начала складываться единая произносительная норма. Ведь раньше четко различались два произносительных варианта – московский и петербургский, с примыкающими

СТАНЕТ ЛИ РУССКИЙ ВТОРЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ НА УКРАИНЕ?

АЛЕКСАНДР КАРАВАЕВ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГУМАНИТАРНОЕ НАСЛЕДИЕ В.И. ДАЯ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ХХI ВЕКА», ПРИУРОЧЕННАЯ К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АВТОРА САМОГО ЗНАМЕНИТОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, ПРОШЛА НЕДАВНО В УКРАИНСКОМ ЛУГАНСКЕ. КОРРЕСПОНДЕНТ «РУССКОГО МИРА.RU» ПОБЕСЕДОВАЛ С ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДИРЕКТОРОМ УКРАИНСКОГО ЦЕНТРА ОЦЕНИВАНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ, ПРОФЕССОРОМ ИРИНОЙ ЗАЙЦЕВОЙ О СУДЬБАХ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УКРАИНЕ.

– Ирина Павловна, на Украине сейчас, как и в России, проводятся реформы образовательной системы. В какой мере они затрагивают сферу языковой подготовки, преподавания литературы?

– У нас утверждена концепция литературного школьного образования, сейчас на утверждении у министра находятся концепция языкового школьного образования и программы стандартов. Основной круг моих обязанностей связан сейчас, во-первых, с внешним независимым оцениванием подготовки выпускников школ (аналог ЕГЭ в России, сертификат, который выпускники

школ получают после окончания и предъявляют при поступлении в вузы. – **Прим. авт.**). Украина включается в ряд международных программ тестирования: TIMSS, намереваемся присоединиться к PIRLS, PISA. В этом году планируется опробовать тест на общеучебные компетенции. Он определяет способности выпускников, рекомендует им определенную сферу деятельности. В Украине не было этого. Мы планируем этот пилотный проект реализовать в вузах по согласованию с ректорами. И чтобы снять остроту теста, провести его среди людей, которые уже выдержали конкурс и года полтора отучились. Любому ректору интересно посмотреть, кто поступил в институт, насколько студенты способны учиться в данном учебном заведении. Речь идет о том, чтобы вводить тест двух уровней. Потому что, скажем, английский язык для тех, кто идет на филологические специальности и на специальности, допустим, экономические, – это язык разного уровня. Пока это не учитывается.

– **Каково сегодня значение русского языка в системе среднего и высшего образования Украины?**

– В системе среднего образования кое-что удалось сделать, во всяком случае, в принятой концепции мы вырвались из порочного круга, когда русская литература являлась частью исключительно зарубежной литературы. В утвержденной концепции литературного образования русская литература идет отдельным блоком, учитывая ее огромное значение для культурного пространства Украины. В системе высшего образования, вероятно, это все еще предстоит. Потому что реально в Украине сейчас три языка обучения в вузе: украинский, русский, английский, но законодательно это не закреплено. В новом законе о высшем образовании это предполагается сделать. Такой шаг упростит многие процессы, в том числе и тестирование, которое сегодня в стране проводится на семи языках, что многие считают нецелесообразным.

к ним местными диалектами. Сегодня они сближаются, питаются друг друга, обогащаясь одновременно за счет местных диалектов. И, мне кажется, это самое интересное из того, что есть в динамике языка. В центре происходящих социальных изменений и формирования гражданского общества находится человек, личность. Неоценимо значение гуманистических дисциплин в вузах. В свое время академик Дмитрий Лихачев был прав, когда говорил, что «гуманистизация – это путь гуманизации общества». Человек с широким гуманистическим образованием будет не только говорить на хорошем русском языке, но и более взвешенно принимать решения.

– Тогда почему даже образованные люди часто говорят на «новом русском» – с обилием англицизмов, криминального жаргона и просто сниженной лексики?

– Это неизбежные последствия революций и болезненных реформ, которые так отражаются в сознании и речи людей. Но обратите внимание: многие наелись «олбанской» терминологии или вседозволенности мата, как в Интернете, так и на уличных митингах. Пришло время, когда не только педагогам режет глаз неграмотность в электронной переписке, СМС или других средствах коммуникации. Как мне сказал один студент: «Уже охота быть понятым и понимать». Так на смену неизбежно-

му упрощению языка – а это требование цивилизации высоких технологий – идет его систематизация. У людей растет потребность говорить понятно. А достичь этого можно за счет грамотности. Кстати, телевидение, уловив эту тенденцию, не масово, но осторожно меняет языковую политику. Да, огромное количество американских боевиков ничему хорошему, включая разговорный язык, не научит. Однако даже развлекательные и музыкальные каналы начали говорить грамотнее, и это обнадеживает. Чего не скажешь о наших политиках. Сниженной лексикой, иногда допуская почти нецензурные слова, злоупотребляют и депутаты Госдумы, и сенаторы.

– Для школьников?

– Это для школьников, которые получили полное среднее образование. Тестирование возможно только тогда, когда есть свидетельство о полном среднем образовании, которое возможно получить и в колледже, и в техникуме. Высшая школа здесь отстает. Сейчас есть три варианта закона о высшем образовании, которые обсуждаются в Верховном совете. Принятие одного из этих законов приведет к систематизации.

– На постсоветском пространстве есть пример Грузии, которая пошла по пути замещения русского языка английским. В свете стратегического выбора Украины в пользу интеграции с Евросоюзом как вы оцениваете грузинский опыт?

– Оценивать его нужно прежде всего грузинам. Важно учитывать то, что грузинский язык не принадлежит к славянским языкам. И, несмотря на то, что Грузия имеет очень тесные связи с Россией, которые ни в коем случае нельзя разрушать, тем не менее с лингвистической точки зрения это как-то может быть объяснено, потому что более близких родственных языков, чем украинский и русский, не существует. Исторический путь их взаимодействия нельзя ломать ни в коем случае. Это будет во вред и одному славянскому языку, и другому. К сожалению, у нас уже выросло безграмотное поколение, которое не умеет говорить и писать ни на русском, ни на украинском.

– Почему это произошло?

– Прежняя, очень неплохая методика изучения двух языков во взаимодействии была разрушена, ничего нового не было предложено, и это привело к тотальной безграмотности. В Грузии, повторяю, несколько иное положение, но и там роль русского языка, русской культуры очень велика. От этого нельзя было отказываться ни в коем случае. Но это выбор страны. Конечно, это можно

объяснить тем, что английский язык, как язык международного общения, может быть предпочтен каким-либо другим языкам. Но это чисто механический подход. Он исключает элемент духовности вообще, а, на мой взгляд, постижение языка без этого невозможно.

– Какие задачи в перспективе должны быть решены по отношению к русскому языку на Украине?

– Оптимальное решение проблемы – предоставление русскому языку статуса второго государственного. Если это все-таки не удастся сделать по различным причинам, то те регионы, для которых это очень актуально, должны принимать решение на региональном уровне. Я очень рада тому, что наши запорожские коллеги – Областной совет Запорожской области – выиграли суд, отстояли свое решение ввести на территории области русский язык в качестве регионального. Они создали прецедент. Я думаю, власти юго-востока продолжат идти по этому пути.

– Ведется ли в стране дискуссия с целью преодолеть политическую детерминированность языкового вопроса?

– Ведется. Потому что, пока этот вопрос не решен, он будет создавать возможность для политических спекуляций. Поэтому его нужно решить. Нужно выстроить последовательную политику. Если есть стремление, то есть оно декларируется первыми лицами государства, предоставить большую самостоятельность регионам, то нужно это сделать и на политическом, и на экономическом уровне. Нужно быть последовательными – пусть регион решает, на каком языке ему говорить и общаться. И опять, также хочу подчеркнуть, что это ни в коем случае не представляет угрозы для государственного языка. Это закреплено законодательством, но не исключает того, что русский язык может иметь такие же права в сфере общения, как и украинский государственный. Это не противоречие, а, напротив, использование лучших образцов мировой практики.

ЛЮДМИЛА ВЕРБИЦКАЯ

Причем настолько, что не отдают себе отчета в этом. Так, обращаясь к коллегам: «Мужики!», депутаты дважды садятся в лужу. Мало того что они демонстрируют мужской шовинизм, якобы забывая о том, что в зале есть женщины. Как им кажется, таким обращением они уважают партнеров. Но на практике тот, кто использует слово «мужики» в значении «мужчины», тем самым понятие «мужчина» феминизирует. Как следствие, для части молодежи понятие «мужик» – это и есть мужчина, а понятие «мужчина» уже не синоним мужика, а что-то «слишком интеллигентное». Считаю, что Комиссия по русскому языку при правительстве РФ должна действовать жестче. Нужно требовать, чтобы речь государственных мужей была нормативной. Думаю, своеобразный экзамен по культуре речи должен быть введен, потому что без культуры речи нет государственного деятеля.

– А что значит «жестче», если Межведомственная комиссия по русскому языку – это наблюдательный и рекомендательный орган?

– Это не просто наблюдательный орган. Комиссия определенным образом курирует все, что происходит в области русского языка, дает важные экспертные оценки и рекомендации. В нее входят авторитетные лингвисты и литературоведы, поэтому ее просветительская и образовательная функции действительно велики. Других – законодательных или репрессивных – и не должно быть. Такой вот цивилизованный инструмент влияния, которым надо учиться пользоваться.

– Тогда какие цивилизованные рычаги воздействия, как на СМИ, так и на неграмотных чиновников, может оказывать комиссия?

– Что касается СМИ, то не должно быть такого большого количества негосударственных телевизионных каналов. Они нужны, но, согласитесь, государство обязано следить за тем, что появляется в эфире. Когда же у нас негосударственные каналы финансируются непонятными субъектами, уехавшими за границу и пытающимися воздействовать на ситуацию издалека, о правильности речи мы уже не можем говорить. Все же частное телевидение

должно быть как минимум дружественным стране, а не экспортировать то, что ему захочется. Вот тут регулирующая роль власти уместна, и ее не надо стесняться. Кстати, комиссия такие рекомендации уже высказывала. Надеюсь, к ним федеральная власть прислушается. Между тем не надо впадать в другую крайность – цензуру. Что же касается неграмотных чиновников и политиков или, хуже того, хулиганствующих политиков, то стоит перенять в этом смысле опыт, например, США или ЕС. Там их просто

власти. Все хотят быть здоровыми и жить в безопасности. А культура речи – часть здорового образа жизни нации.

– Все же как Комиссия по русскому языку при федеральном правительстве может обязать государственных деятелей говорить грамотно?

– Необязательно для этого им, как школьникам, сдавать Единый госэкзамен. Это было бы упрощением. Хотя, в отдельных случаях, экзамен или тестирование были бы оправданы. В целом комиссия – орган,

«Русскому языку никак не мешает жизнь с идущими языковыми новациями и исключениями из правил, которые есть. Он в силу гибкости и могучести все переваривает. Просто ему не надо мешать развиваться, но и не пускать все на самотек».

крупно штрафуют, а потом тихо, но последовательно, если они не работают над своей речью, отстраняют от эфира, что в современных условиях равнозначно смерти карьеры.

– Как вы себе представляете скандалиста Жириновского, сдающего экзамен по русскому языку?

– Как? А это забота Межведомственной комиссии по русскому языку при правительстве Российской Федерации. Есть методики, есть рекомендации. Проходят же все автомобилисты техосмотр, а люди – медицинский осмотр, вне зависимости от их положения и

который курирует все, что происходит в области русского языка. Она дает рекомендации РАН, правительству РФ и администрации президента РФ. Например, через комиссию в 2009–2010 годах проходило публичное рассмотрение четырех обновленных толковых словарей современного русского языка. И полемика, которую вызвало их обсуждение, прямая заслуга комиссии. Издателям поставили условие, чтобы новые словари были изданы ограниченным тиражом не менее чем за год до их запуска в массовые тиражи, что позволило их апробировать в эксперименте. Последующая ши-



рокая полемика показала, что словари надо дорабатывать. При этом словари ни в коей мере не претендовали и не претендуют на то, чтобы утверждать какую-либо литературную норму. Словарь словоизменений Андрея Зализняка ни у кого никаких вопросов не может вызвать, потому что Зализняк – один из самых авторитетных лингвистов на-

шей эпохи. Второй и третий словари просто показали существующую вариантность использования слов. Ошибка авторов этих словарей была в том, что им надо было на первое место с соответствующей пометой поставить вариант предпочтительный: «каталог – катáлог», «йогурт – йогúрт», «грéнки – гренкý». То же самое – я имею в виду

вариантность – надо было зафиксировать относительно слова «кофе» – мужского или среднего рода. Кстати, предложенная комиссией дискуссия позволила выявить эти недочеты и их доработать. Это идет на пользу развитию и русского языка, и гражданского общества. Так и с государственными деятелями надо работать: им нужны не экзамены и штрафы, а система подготовки, например владения компьютером и его программами, грамотное языковое консультирование, возведенные в гигиеническую норму. Это как по утрам чистить зубы.

– А словарь, подготовленный Санкт-Петербургским государственным университетом, будет издаваться?

– Он рассмотрен на Межведомственной комиссии. В словаре будет 25 тысяч слов. Два тома уже изданы. Словарь совмещает несколько функций: он толковый, орфоэпический, то есть дает произносительные нормы, а также содержит энциклопедические сведения. Его ядро составляют слова, которые вошли в русский язык за последнее время и даже для его носителей представляют определенные трудности. Два других тома находятся в издательской работе.

– Как полагаете, в целом русский язык нуждается в реформировании?

– По двум причинам, считаю, нет острой необходимости этим заниматься. Во-первых, изменения, которые предлагаются, часто поверхностны (например, «брошура – брошюра») или требуют концептуальных доработок и времени. Вторая причина экономическая. В стране столько неотложных проблем, что, мне кажется, требовать осуществления языковой реформы несвоевременно. Пойдет после пробуксовывания реформы здравоохранения и образования, за ними подтянется и реформа русского языка. И потом, русскому языку никак не мешает жизнь с идущими языковыми новациями и исключениями из правил, которые есть. Он в силу гибкости и могучести все переваривает. Просто ему не надо мешать развиваться, но и не пускать все на самотек. ☺

«МЫ СТРЕМИМСЯ ДЕЛАТЬ ВЫСТАВКИ ПО-НОВОМУ»

БЕСЕДОВАЛА
**ЕКАТЕРИНА
БЛАЖНОВА**

ВСЕ ШЕДЕВРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ СОБРАНЫ ВМЕСТЕ НА ВЫСТАВКЕ «СВЯТАЯ РУСЬ», КОТОРАЯ ПРОХОДИТ СЕЙЧАС В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ. ДИРЕКТОР ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ ИРИНА ЛЕБЕДЕВА УВЕРЕНА, ЧТО ДЛЯ НАС ВСТРЕЧА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ, ЗНАКОМЫМИ С ДЕТСТВА, – ВОЗМОЖНОСТЬ ПОНЯТЬ СЕБЯ СЕГОДНЯШНИХ.

— Год назад «Святая Русь» выставлялась в Лувре и произвела там фурор. Чем вы для себя объясняете такой интерес к русскому искусству?

— Исторический период, представленный на выставке, чрезвычайно интересен. Мы показываем шедевры национального искусства начиная с X века – времени Крещения Руси – и до петровских преобразований, когда цельность Древней Руси уже была нарушена. Это был период абсолютно самобытного развития России, и это то, что западный мир или плохо знает, или не очень себе представляет. Конечно, речь идет о том, как формировались русская государственность, национальный характер, русская нация. Выставка – отчасти и ответ на вопрос, что такое загадочная русская душа. Все это вместе и сделало выставку такой популярной. Когда люди попадают на такую выставку, они понимают, что мы – другие. Именно поэтому выставка, которая экспонировалась в Лувре,

предполагала хронологический показ: там были сделаны карты Киевской Руси, потом – Московского княжества, было видно, как расширялось Русское государство, как объединялись земли, как вообще складывалось Русское государство.

– Чем выставка интересна для российского зрителя?

– Для нас необходимо окунуться в свою историю. Нам казалось важным, чтобы посетитель выставки задумался: что для нас значит понятие «Святая Русь»? Для западного зрителя это, скорее, некое образное представление о каком-то историческом этапе. А для нас, скорее, размышления о том, кто мы, откуда мы, как мы такими стали. Для современного человека очень важно задуматься о том, что после него останется в этом сумасшедшем мире, в котором все – на ходу, все куда-то спешат. А наши предки жили по-другому, для них вечность не была страшной пустотой. Они не жалели своего времени и создавали уникальные шедевры.

– Можно ли поставить знак равенства между православным и национальным русским искусством?

– Я бы не сказала, что это одно и то же. Ведь народное – оно тоже национальное искусство, его часть. Когда наши предки выбирали веру, византийское богослужение и храмы произвели на них очень сильное

впечатление. Невероятная красота того, что они увидели, их сразила, и именно поэтому выбор был сделан в пользу православия. По крайней мере, именно так рассказывает об этом «Повесть временных лет» – первая русская летопись.

– Вы думаете, это был и эстетический выбор?

– Конечно, и это очень важно понимать сейчас. Как утвердить православие – новую веру – в языческом государстве? Должно быть что-то наглядное, вещественное – то, что показывает, как прекрасна эта новая вера.

– В сегодняшнем мире с его тенденцией к глобализации есть место национальному искусству?

– Сложно сказать. Наверное, какие-то национальные, специфические разновидности искусства будут существовать, но границы действительно стираются. Очевидно, что мы должны сохранять свое наследие и свое национальное самосознание. Но когда создаются новые произведения, это большой вопрос – есть ли тут место для национальной традиции. Глобализация ведет к тому, что сейчас эти границы стираются. В общем, все художники работают в каком-то общем художественном направлении.

– А что «свое» мы должны сохранить?





ДМИТРИЙ ЛЕКАЙ / КОММЕРСАНТЪ

– Нравственное содержание очень сильно отличает нашу культуру. И литературу, и живопись.

– За те два года, что вы руководите Третьяковской галереей, здесь прошло несколько очень сильных выставок. Сенсацией стала выставка Левитана. Как вы поняли, что именно этот художник так нужен нам сегодня?

– Казалось бы, кому в наше время может быть интересен Левитан? Мы предполагали, что выставка, конечно, будет успешной и что на нее придут, скорее всего, люди старшего поколения, для которых Левитан – это картинки из учебника «Родная речь», и они будут ностальгировать о своем детстве. Ошеломляющий успех заставил нас задуматься: что привлекло людей?

– И что?

– Я наблюдала, сколько молодежи к нам пришло. Мы привыкли считать, что молодежь интересуется только современным искусством. Ничего подобного. Люди приходили на выставку по пять раз – я читала отзывы посетителей...

– И все-таки – почему?

– Потому что мы живем в очень жестком мире. И люди от того, что они видели на выставке, получали какой-то эмоциональный заряд. Очень важной оказалась эмоциональная атмосфера, которая царила на выставке. Среднерусская полоса России – это то, с чем связано наше националь-

ное самосознание. Поиск национальных истоков, того, на что ты можешь опереться в понимании себя в этом мире, ведь сегодня очень многое из того, что было для нас свято тысячелетиями, разрушено, для всего этого Левитан оказался важной отправной точкой. Собственно, и выставка «Святая Русь» – это тоже наш поиск себя и соотнесение себя с историей. Момент размышления и эмоционального отношения. И, конечно, когда мы делали выставку «Святая Русь», мы хотели, чтобы получилось красиво. Это ведь очень непросто – сделать выставку так, чтобы у зрителя дух захватывало. Это очень большая работа – создание концепции, составление списков произведений, бесконечные обсуждения, споры, работа с дизайнерами и организаторами. А потом – как это часто бывает – уже на месте, в период подготовки, мы понимаем, что что-то делать надо не так, как решили раньше, что-то нужно корректировать.

– Чего нам еще ждать от Третьяковской галереи? Ведь после Кончаловского, Левитана и «Святой Руси» ожидания очень большие.

– Да, оказалось, что мы задали себе очень высокую планку. Но мы собираемся ее держать. Сейчас мы готовим абсолютно уникальную выставку Николая Ге.

– Но интерес-то к Ге все-таки меньше, чем к Левитану...

– Конечно. Но интерес к Левитану несравним и с интересом к Шишкину... Речь о том, что Левитан произвел такой фурор не просто потому, что он замечательный художник, а потому, что он затронул в нас что-то, что сейчас очень важно для общества. Николай Ге, конечно, менее известен. Но сейчас мы благодаря банку ВТБ приобрели потрясающую коллекцию рисунков Ге, которая хранилась в Швейцарии. Они уникальны, в российских музейных собраниях ничего подобного нет. Конечно, фигура Ге очень противоречивая, но нам хотелось бы заново открыть этого художника, несмотря на существующие в отношении него клише.

– Ну да, Ге – религиозный художник, друг Толстого...

– Да. Но когда мы сегодня, имея за плечами опыт XX века, смотрим на его поиски, мы понимаем – как же много Ге предвосхитил.

– Даже с художественной точки зрения?

– Ге – это звено между веком XIX и XX. Вот вы говорите, что у него было много работ на религиозную тему, что он был другом Толстого. А вы знаете, что, когда Толстого отлучали от церкви, картины Ге снимали с экспозиции? И когда мы сейчас смотрим на его так называемый «Страстной цикл», мы же по-другому это воспринимаем. Тем более на фоне нынешних споров о

взаимодействии общества и церкви. Мы назвали выставку «Что есть истина?». Да, это самая известная работа Ге, но для нас дело не в ней...

– **Это обращение к сегодняшнему зрителю?**

– Конечно. Что есть истина? Каждый из нас ее ищет. Но если раньше были какие-то четкие правила, которым человек следовал, – а иногда и нет, но все равно себя с ними соотносил, – то разрушение критериев в нынешнем мире застигает в этом поиске истины человека врасплох. Это сложная проблема, и нам кажется, что она сейчас очень актуальна.

– **То есть у вас основное направление выставочной работы – проблема нравственного поиска?**

– Не только. Так получилось в этом году. А в следующем мы готовим выставку блистательного мастера русского импрессионизма Константина Коровина. Это будет более декоративно и жизнеутверждающе. Мы соберем картины из множества музеев.

– **Какой была ваша первая встреча с Третьяковской галереей?**

– Я жила не в Москве, а когда приехала в столицу с родителями, пришла в Третьяковскую галерею. Но воспоминания об этом у меня остались смутные. Знаете, многие картины из Третьяковки настолько растиражированы, что, когда ты приходишь в музей, обязательно идешь к ним. Ты стоишь первый раз перед полотном, а оно уже твой старый друг. И ты уже хочешь рассмотреть детали.

– **И какие картины ваши друзья?**

– В силу профессии у меня нет такого абсолютно личного отношения к картинам из нашего музея. Я ценю и люблю старое искусство. Но поскольку я занималась XX веком, у меня свои пристрастия и там. Я сейчас стараюсь любить всех.

– **У вас, наверное, сложились какие-то свои, личные отношения с Третьяковской галереей. Как вас формировал этот музей?**

– До Третьяковской галереи я работала в Русском музее. А это дворец, другие пространства, все очень красиво. Ощущение масштаба другое. А когда я приехала в Москву и пришла в Третьяковскую галерею – это было еще до ее реконструкции, – у меня было какое-то странно-мучительное чувство, что мне не хватает пространства. Потом началась реконструкция,

и мы переехали на Крымский Вал, и оказалось, что так мне даже легче, потому что там большие залы. Но сейчас Третьяковская галерея в Лаврушинском переулке – это не то, что было раньше. Это и историческое здание, и Депозитарий, и Инженерный корпус, где мы делаем выставки. В окно вы видите площадку под строительство нового корпуса. То есть галерея приобретает масштаб того музея, которым она и должна быть.

– **Раз уж мы говорим о перспективах музея, вспомним о конфликте с руководителем отдела современных течений. Что вы собираетесь делать дальше с этим направлением?**

– Мы с этим направлением работаем, исходя из того, что музей – это довольно консервативная организация. Какие-то площадки, которые работают с современным искусством, более открыты к экспериментам. Так и должно быть. Задача музея – музеефицировать этот материал. И перед отделом новейших течений поставлена задача: работать над постоянной экспозицией и делать выставки в стенах музея. Зритель, попадающий на эти выставки, должен понимать – это часть музея, а не экспериментальная площадка, на которой непонятно что выставлено.

– **А как соединить наши традиционные представления о Третьяковской галерее и современное искусство?**

– Мы развиваемся дальше. Я хочу напомнить, что Павел Михайлович Третьяков приобретал именно современное искусство.

– **Портрет Третьякова висит в вашем кабинете. Какие его личные качества для вас значимее всего?**

– Он был человек уникальный. Третьяков собирал свою коллекцию, надеясь в будущем создать на ее базе открытый музей для общества. Поэтому он собирал произведения, которые ему лично, может быть, и не были очень близки, но он понимал, что это – срез современного искусства и что зритель должен это видеть. Он очень тонко и четко уловил запросы современного ему общества. И если говорить о традициях Павла Михайловича, то и сегодня задача Третьяковской галереи – чутко улавливать запросы общества и ставиться на них отвечать.

– **Как вы думаете, среди наших современников есть люди такого мас-**

штаба и с таким точным чувством прекрасного?

– Конечно, есть, но они собирают коллекции для себя...

– **То есть до такого гражданского подвига, как отдать свои коллекции обществу, они еще не созрели...**

– Никогда не знаешь, как повернется жизнь. История формирования коллекций музеев, в том числе Третьяковской галереи, показывает, что все как-то причудливо складывается. Ну, вот пример. Почему мы хотели, чтобы у нас был отдел новейших течений с такой коллекцией? Потому что, когда мы сделали первый вариант постоянной экспозиции искусства XX века, выяснилось, что этого материала у нас почти нет. А ведь это часть нашей художественной культуры. Сейчас коллекция пополнилась значительно, в том числе работами известных мастеров. Так, Эрик Булатов подарил нам свою замечательную работу. Он специально ее написал для нашей экспозиции, хотя мы денег на ее покупку, несмотря на все старания, не нашли. И Кабаков, и Рабин подарили нам свои живописные работы. То есть крупные художники откликнулись на наше желание показать современное искусство.

Может, придет время, и кто-то из наших коллекционеров примет решение передать что-то в музей.

– **Вы два года руководите Третьяковской галереей. Что из сделанного за это время важно лично для вас?**

– Третьяковская галерея – огромное хозяйство, по-другому это не назовешь. 1300 сотрудников, огромная техническая база. Приходится всем этим заниматься. И финансовыми вопросами, и техническими. А если подводить какой-то итог двух лет... Мне кажется, ту задачу, которую я в публичной сфере ставила, я все-таки выполнила: про Третьяковскую галерею стали говорить, к нам больше стало внимания – и власти, и спонсоров, и публики. Мы много занимаемся выставками и стремимся делать их по-новому. И отклики, которые мы читаем, показывают: мы движемся в правильном направлении.

– **Быть музейщиком – что это значит?**

– Это образ жизни. Это не работа «от и до», как думают многие. Этим нельзя заниматься с холодным сердцем и безмятежной душой. ☺

ПЕРВЫЙ ДВОЙНИК

ИРИНА
ЛУКЬЯНОВА

В ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АНТОНИЙ ПОГОРЕЛЬСКИЙ БЫЛ ВПОЛНЕ БЛАГОПОЛУЧЕН В ЖИЗНИ И УСПЕШЕН В КАРЬЕРЕ. ПО НЫНЕШНИМ МЕРКАМ – УМЕР РАНО, ПО ТОГДАШНИМ – ПРОЖИЛ ДОСТАТОЧНО. БИОГРАФИЯ ЕГО ПРАКТИЧЕСКИ БЕЗУПРЕЧНА: УЧИЛСЯ, СЛУЖИЛ, ВОЕВАЛ, ПУТЕШЕСТВОВАЛ, ХОЗЯЙСТВОВАЛ, ВОСПИТЫВАЛ ПЛЕМЯННИКА... А ЧТО В ЛИТЕРАТУРЕ ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО АВТОРОМ ДЕТСКОЙ СКАЗКИ – ТАК И ТО УЖЕ ХОРОШО, ИНЫМ И В ЭТОМ НЕ ПОВЕЗЛО.

ПРО ОТЦА АЛЕШИ ПЕРОВСКОГО принято говорить «вельможа». Граф Алексей Кириллович Разумовский служил при Екатерине II, вышел в отставку в предпоследний год ее правления и вернулся на службу уже только при Александре I – сначала попечителем Московского университета, затем министром просвещения. Помимо четверых детей в законном браке у него был еще десяток внебрачных детей от 35-летнего союза с мещанкой Марией Соболевской. Дети воспитывались как аристократы, однако отцу пришлось помучиться, оформляя им дворянство. Унаследовать фамилию и титул незаконные дети не могли, так что фамилию получили по названию принадлежащей отцу усадьбы Перово. Из братьев Перовских и их прямых потомков вышли несколько министров и губернаторов; сестра Софья была женой литератора – князя Львова, сестры Анна и Ольга стали мамами будущих литераторов – Алексея Константиновича Толстого и братьев Жемчужниковых. Еще среди потомков этой замечательной семьи была цареубийца Софья Перовская, вну



К.П. Брюллов.
Портрет графа
А.А. Перовского
(писателя
Антона
Погорельского).
1836 год



Дом Перовских на Новой Басманной. Дом был заново отстроен после пожара 1812 года Марией Михайловной Денисьевой, урожденной Соболевской, для своих сыновей, родившихся вне брака от графа А.К. Разумовского



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Московский
университет.
Раскрашенная
литография
1820-х годов

Граф Алексей
Кириллович
Разумовский
(1748–1822),
государственный
деятель, министр
народного
просвещения

ка старшего из братьев, Николая, и детская писательница Ольга Перовская, его же правнучка, известная советским детям своей книжкой «Ребята и зверята».

Дети Перовские жили в отцовском имении в Почепе, но считались не детьми его, а воспитанниками. К отцу их допускали редко. Учились они дома; домашние учителя заложили основательный фундамент образования, которое продолжалось в частном пансионе. Рассказывают, что в нем Алеша так сильно тосковал и рвался домой, что попытался сбежать, упал с забора, повредил ногу и всю жизнь потом прихрамывал. Литературные способности проявились у него рано: однажды он преподнес отцу в день именин собственное сочинение.

В 1805 году 18-летний Алексей Перовский поступил в Московский уни-

верситет и в 1807 году его окончил со степенью доктора философских и словесных наук. Чтобы получить степень, ему надо было прочесть три пробные лекции; две из них он прочел на французском и немецком языках, чего даже не требовалось. Лекции были естественно-научные: об отличии животных от растений, о системе Линнея и о растениях, которые хорошо бы размножить в России. Естественные науки увлекали братьев Перовских: Алексей впоследствии успешно занимался садоводством в отцовском имении, а его брат Василий, ставший военным губернатором Оренбурга, стоял во главе множества начинаний, связанных с изучением природы края и его населения. Заметно в лекциях влияние Карамзина – любимого писателя Алексея. Первой публикацией молодого Перовского стал

вышедший в 1807 году и посвященный отцу перевод на немецкий язык повести Карамзина «Бедная Лиза». «Если бы мой опыт и удался наилучшим образом, – писал автор в посвящении, – то и тогда, не будь Вашего одобрения, я счел бы его весьма несовершенным. Мое единственное желание, чтобы Вы восприняли эти листки как знак совершенного уважения и как единственно доступное мне доказательство безграничной благодарности, которой я Вам обязан. Вашей светлости преданный слуга...». Лекции вышли отдельной книжечкой в 1808-м. Примерно к этому времени относится его первое литературное знакомство: он подружился с князем Вяземским, и эта дружба длилась много лет.

Окончив университет, Алексей Перовский пошел служить. Отец его только что вернулся на государственную службу и быстро наращивал влияние; благодаря отцовским связям братья Перовские смогли быстро сделать карьеру, однако вряд ли она была бы возможна без их собственного стремления приносить пользу стране. Алексей уехал в Петербург, где поступил в 6-й департамент Сената. Почти сразу ему пришло выехать в долгую командировку – объехать несколько губерний, изучить там жизнь. В Москву он вернулся в 1810 году, продолжал служить в том же департаменте. Литература была для него отдыхом и отрадой, но не серьезным профессиональным занятием. В Москве он познакомился с вид-

А. ПОГОРЕЛЬСКИЙ

ными литераторами – Жуковским, Крыловым, Василием Пушкиным, Воейковым, с некоторыми сдружился. В кругу Жуковского всегда было много дружеского смехотворства, а именно это, пожалуй, Перовский очень ценил; друзья о нем отзывались как о талантливом шутнике, импровизаторе, мистификаторе.

В 1811 году Алексей Перовский стал одним из организаторов Общества любителей российской словесности при Московском университете (а еще был членом Общества любителей природы и Общества истории и древностей российских). Общество любителей российской словесности издавало сборники, посвященные литературе и фольклору, проводило чтения, иногда протекавшие довольно скучно, и литературно-музыкальные вечера. Алексей, охотно предававшийся дурачествам, однажды озадачил председателя общества Прокоповича-Антонского своим намерением прочитать на заседании общества стихи, представлявшие собой полную чушь:

Абдул Визирь
На лбу пузырь
Свой холит и лелеет.
Bayle геометр,
Взяв термометр,
Пшеницу в поле сеет.

Разумеется, он писал и серьезные стихи – баллады и элегии; ничего выдающегося в этом жанре не создал. Он вообще был из тех незаменимых в литературе людей, которые, не создавая собственных гениальных произведений, создают среду, в которой только гений и может появиться. И гений, кстати, появился довольно скоро.

В 1812 году Алексей опять служил в Петербурге – секретарем министра финансов. Когда началась Отечественная война, он, несмотря на хромоту и недовольство отца, поступил в армию. Отец пообещал лишить его имения и материальной поддержки. Сын ответил: «Можете ли вы думать, граф, что сердце мое столь низко, чувства столь подлы, что я решусь оставить свое намерение не от опасения потерять вашу любовь, а от боязни лишиться имения? Никогда слова сии не изгладятся из моей мысли...» Начал войну он штаб-ротмистром 3-го Украинского казачьего полка. Партизанил. От-

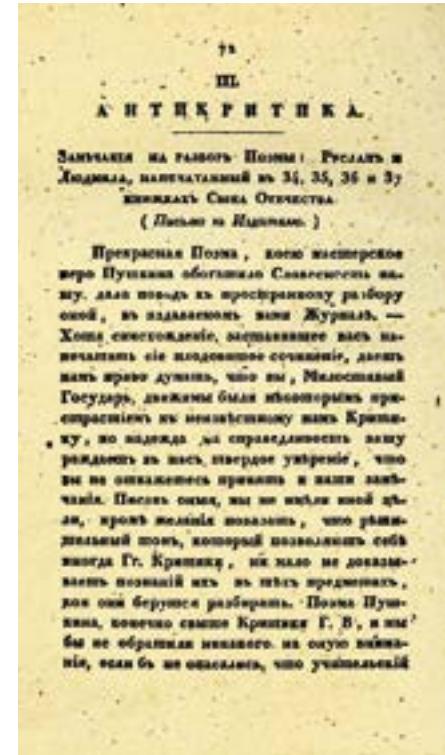


ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Антон Антонович
Прокопович-Антонский
(1762?–1848),
российский публицист
и педагог

Николай Иванович Греч
(1787–1867), русский
издатель, редактор,
журналист

Начало статьи
Антония Погорельского
«Замечания
на разбор поэмы
«Руслан и Людмила»,
напечатанной в 34, 35,
36 и 37-й книжках
«Сына Отечества»
(Письмо к издателю)



ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ступал, наступал, в 1813 году участвовал в крупных сражениях – под Лейпцигом, Дрезденом, при Кульме. Под Лейпцигом только что назначенный на свой пост генерал-губернатор Королевства Саксонии Николай Репнин-Волконский (муж законной дочери Алексея Кирилловича Разумовского – Варвары) взял Перовского к себе старшим адъютантом. При нем Алексей состоял

до 1816 года, пока Репнин наводил порядок в разоренной войной Саксонии, и вернулся вместе с ним в Россию. За два года в Германии свободно владевший немецким молодой русский много читал немецких авторов и открыл для себя Гофмана, который повлиял на его творчество больше, чем любой другой писатель. Вернувшись в Россию, Репнин уехал губернатором в Малороссию, а Пе-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТОРЕВЫМ

Александр Федорович Войков (1778 или 1779 – 1839), русский поэт, переводчик, литературный критик, издатель, журналист

ровский вышел в отставку и поступил на гражданскую службу в чине надворного советника. Он стал чиновником особых поручений по департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий. В 1817 году у его сестры Анны родился сын, тоже Алексей. С мужем своим, графом Константином Толстым, Анна разошлась в самом начале семейной жизни, осталась матерью-одиночкой. Брат взял ее с полуторамесячным сыном к себе, поселил в доставшемся ему от отца имении Погорельцы в Черниговской губернии и часто их там навещал; по названию имения он впоследствии взял себе литературный псевдоним. В Петербурге Перовский свел знакомство с издателем Николаем Гречем и в 1820 году в греческом журнале «Сын Отечества» опубликовал свой перевод оды Горация. Познакомился он и с молодым Пушкиным, начинавшим свою самостоятельную жизнь после окончания лицея. С Пушкиным связан его дебют в качестве литературного критика: Войков разнес в пух и прах «Руслана и Людмилу», предъявляя поэме множество обвинений в нелогичности, необоснованности поступков персонажей и т.п. Перовский ответил на каждый из вопросов Войкова так, что все они стали выглядеть глупо: «Зачем Финн рассказывает Руслану свою историю? – Затем, чтобы Руслан знал, кто он таков;

впрочем, старики обыкновенно бывают словоохотливы, и гораздо удивительней бы было, если б Финн не рассказал своей истории». Пушкин назвал ответ Перовского остроумным и забавным; Перовский защищал даже не столько самого Пушкина, сколько вольный дух поэзии. С Войковым отношения стали довольно натянутыми; начальник их обоих Александр Тургенев писал Вяземскому: «Мои чиновники: Войков и Алексей Перовский батально ругаются за Пушкина»; Тургенев даже их мирил.

В 1822 году умер Алексей Кириллович Разумовский. Сразу же после смерти отца Алексей Перовский подал в отставку и уехал из Петербурга в Погорельцы, где подрастал его племянник Алеша, будущий писатель Алексей Толстой. Перовский растил его вместо отца.

Чем он занимался в Погорельцах помимо воспитания племянника? Садом и хозяйством. Его имение поставляло на николаевские верфи корабельный лес. Снова начал служить: стал попечителем Харьковского учебного округа. Служба не требовала постоянного присутствия, так что у него оставалась возможность подолгу жить в имении и писать. И в русской литературе появилось новое имя: Антоний Погорельский.

Первой увидела свет его маленькая повесть «Лафертовская маковница» – в журнале «Новости литературы» в 1825 году. Современному читателю это название надо уже расшифровывать: лафертовская – это живущая в Лефортове, а маковница – старуха, которая печет пирожки с маком. Старуха эта, согласно повести, была ведьма и пыталась околдовать внучатую племянницу: оставить ее после своей смерти свои неправедно нажитые сокровища и выдать замуж за некоего чиновника Мурлыкина, в котором девушка с ужасом узнала бабушкиного кота. Мурлыкин этот восхитил Пушкина, который писал брату, что теперь прямотаки бредит им: «Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину». Кстати, на «Маковницу» Пушкин ссыпался в своем «Гробовщике» – и впрямь, есть что-то жутко роднящее обе повести. «Маковница» вполне укладывается

в романтическую традицию, однако автор – в отличие от однозначно романтического Гофмана – нигде не указал, что все это не применилось его героям; авторская позиция двусмысленна и нигде внятно не прописана: хочешь – так толкай, хочешь – эдак. Подобной двусмыслиности не снес Войков, публикатор повести – он снабдил ее послесловием, в котором предложил свою развязку с полным материалистическим объяснением всех чудес. Погорельского такое свое воле возмутило. Он включил «Маковницу» в свой сборник «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», где отоспал читателя, жаждущего развязки, к первой публикации повести, заметив, что не пересказывает ее, ибо не хочет «приравнивать чужого добра».

И «Лафертовская маковница», и «Двойник» были весьма благожелательно встречены критикой: это была первая русская фантастика, занимательное и умное чтение. Как и другие русские романтики, Погорельский щедро заимствовал сюжеты и решения у немцев – в первую очередь у Гофмана. Вся структура «Двойника» напоминает структуру его «Серапионовых братьев», а одна из повестей сборника так точно следует гофмановскому «Песочному человеку» (про любовь к девушке, которая оказывается механической куклой), что сейчас Погорельского обвинили бы в плалии (впрочем, другая повесть навеяна Карамзиным, а третья – перелицовка повести француза Пужана «Жоко»). С Погорельского начинается русская гофманиана, вальс с чертовщиной, традиция, которая тянется через Пушкина и Гоголя к Достоевскому, а дальше – к Блоку и Булгакову (и даже к Бегемот напоминает Мурлыкина); отсюда разбегаются по русской литературе загадочные и мучительные двойники; все зыбко, все непонятно: то ли мерещится, то ли в самом деле так... Но Погорельский, пожалуй, отличается от них всех тем же, чем «золотой век» от последующих: ясностью духа. Герой «Двойника» мило беседует со своим загадочным гостем об отвлеченных материалах; это загадка, но не смертельная, тайна, но не чудовищная, это раздвоение, но еще на рациональное и иррациональное,

А. ПОГОРЕЛЬСКИЙ



Иллюстрация
Георгия Юдина
к повести-сказке
«Черная курица»

слегка попугивает. Это, скорее, продолженная в литературе традиция салонных историй, вечерних рассказов – традиция, живая во времена Погорельского. Он и сам был хороший рассказчик и охотно страшал слушателей легкой чертовщинкой. В нем самом, человеке приятном и доброжелательном, двойничество если и было, то не мрачное, а, скорее, печальное: приступы печали одолевали его с детства. Отчасти об этой детской печали его следующая литературная удача, хрестоматийная «Черная курица», написанная для племянника Алеша Толстого. «Черную курицу» до сих пор читают детям, и на первый взгляд она кажется вполне дидактической историей о том, как плохо быть неблагородным мальчиком, врать и нарушать свое слово. Но слишком сильно уж врезаются в память образы несчастных подземных жителей, закованных в крохотные кандалы и понуро покидающих свой край – оттого, что Алеша их выдал, запутавшись во лжи и пытаясь оправдаться. Это один из первых литературных уроков, доносящих до ребенка самую

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Анна Алексеевна
Толстая
(1796–1857)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

не более; глубоко в дебри иррационального он не забирается. Его двойник – только тень, только предвестник ужаса, он безвреден и исчезает, не нанося герою никакого вреда. И уж в любом случае чтение это уютное, для лежания под пледом – в отличие от европейских романтиков, того же Гофмана или Мэри Шелли, Погорельский на своих читателей не нагоняет ледяного ужаса, только

К.П. Брюллов.
Портрет графа
А.К. Толстого.
1836 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

горькую правду жизни: в ней бывает непоправимое. Иных ошибок исправить нельзя ничем: ни раскаянием, ни слезами, ни хорошим поведением. Есть раны, которые никогда не заживают, и разлуки навсегда. Откуда эта тоскливая нота в светлом, благополучном, веселом Погорельском? Никакими жизненными обстоятельствами ее не объяснить, никак не обосновать. Просто жизнь – это жизнь, а тоска – это ее часть; наверное, так.

Он написал еще несколько произведений, преимущественно фантастических. Самое крупное из них, роман «Магнетизер», осталось незаконченным. А вот следующий его большой труд, роман «Монастырка», оказался совсем другим. В романе рассказывается о девушки, воспитаннице Смольного монастыря, которая после выпуска возвращается в Малороссию – это первый, наверное, литературно значимый опыт реалистического, бытового, семейного романа. Пожалуй, читателя привлекала не только точность в описаниях нравов, отношений, подробностей жизненного уклада, но и присущая Погорельскому ясность, поэтичность, то, что Булгарин, литературный противник Погорельского, ядовито обозначил словом «милый» – дескать, ну мило, но на этом и всё...

В 1826 году он снова вернулся на службу в Петербург – в Комиссию по устройству учебных заведений; на лето возвращается в Погорельцы. В 1827 году съездил с сестрой и Алеши в Германию – мальчик на всю жизнь запомнил, как сидел на коленях у Гёте. В 1830 году Погорельский вышел в отставку: начался николаевский зажим, закручивание гаек, служить становилось трудно. В 1831-м повез племянника в Италию – приобщать к мировой куль-

Почеп, дворец
Разумовских
со стороны сада.
1760-е годы

Антоний
Погорельский
(1787–1836), русский
писатель первой
половины XIX века.
Портрет работы
А.П. Брюллова

туре. В Италии они познакомились с Брюлловым, который пообещал написать портреты и Перовского, и его сестры, и племянника. Брюллов только через четыре года приехал в Россию; зная его необязательность, Перовский, по выражению Пушкина, «заполонил» его: поселил у себя и не отпускал, пока тот не выполнит обещания. Брюллов, однако, сбежал, окончив только один портрет – знаменитый портрет молодого Алексея Толстого с собакой. Пушкин весело рассказывал жене в письме, как Перовский показывал ему неоконченные брюлловские картины: «затемь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой». В последние годы он жил в Погорельцах, сосредоточившись на воспитании Алеши Толстого, которому стал не только родителем, но и первым литературным учителем: опубликовал его стихи (с грозной критикой рядом, чтобы юноша не зазнавался), ввел в свой литературный круг – собственно, передал ему дело из рук в руки. Сам уже ничего не писал – не собирал архивов, над рукописями не трясясь, так архив его весь и пропал; говорят, управляющий его имением, извел все бумаги на папильотки для котлет. Он и не считал себя серьезным писате-

лем, и места в литературе особого не занял – Чернышевский даже назвал его «лучшим из худших». Но без него русская литература не была бы сама собой: его произведения стали не самыми заметными, но необходимыми ступеньками, которые связывают литературные эпохи; он, может быть, не велик – но без него, пожалуй, и эпоха сложилась бы иначе, и русский классический роман развивался бы не так, и уж точно не было бы в русской литературе ни поэзии Алексея Толстого, ни сатиры Козьмы Пруткова, которая вся выросла из домашних парадоксов, экспромтов, розыгрышей дяди и его трех племянников, Толстого и Жемчужниковых.

В 1836 году он почувствовал себя плохо и отправился в Ниццу (как всегда, с сестрой и племянником) лечить «трудную болезнь» – одни считают, что туберкулез, другие – что ишемическую болезнь сердца. До Ниццы он не доехал, умер в Варшаве. Перед смертью просил: «Света, света!» Что-то недоговоренное, непонятное осталось, чем-то мучает эта судьба, как мучают маленькие подземные жители, уходящие прочь в крохотных кандалах. Чего он не написал? О чём думал? Почему ему было так темно? ●



Церемониальный
марш. Осень 1915 года.
Из жизни
24-го Стрелкового
Сибирского полка
на фронте
1914–1917 годов

НЕИЗВЕСТНЫЕ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МИХАИЛ БЫКОВ 1 АВГУСТА 1914 ГОДА РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ВСТУПИЛА В ВОЙНУ, КОТОРУЮ ТАК И НЕ ЗАКОНЧИЛА. ДО СИХ ПОР.

ПРИЧИНА НЕ В ТОМ, ЧТО СЕПАРАТНЫЙ БРЕСТСКИЙ МИР С ГЕРМАНИЕЙ В 1918-М ЗАКЛЮЧАЛО УЖЕ ДРУГОЕ ГОСУДАРСТВО – Республика Советов, заявившая, что не считает себя правопреемницей царской России. Дело, скорее, в другом. Кто-то сказал, что война не окончена, пока не погребен ее последний солдат.

Мы, живущие ныне в России, до сих пор этого не сделали. Русские солдаты и офицеры, сражавшиеся на фронтах Первой мировой три с половиной года, в большинстве своем остаются нам неизвестны. Мы не знаем, где лежат их останки, не ведаем имен героев, не чтим сотен тысяч тех, кто «живот свой положил за Веру, Царя и Отечество». Но разве нам что-то мешает вести себя иначе?

Остались личные формуляры, полковые списки, воспоминания, письма, фотографии, газетные вырезки...

1914

После выстрела Гаврилы Принципа в боснийском Сараево, смертельно ранившего австро-венгерского эрцгерцога Фердинанда, войну ждали. Но, как любая война, она началась вдруг. Приказ о мобилизации поступил в полки русской армии 30 июля.

«Справа по три наш эскадрон идет по улицам Гатчины, направляясь к военной платформе. Толпа, нас провожающая, достигает уже нескольких сот. Из открытых окон бросают цветы. Старушки крестят нас широким крестом; на глазах у них

слезы... Лошади уже все в вагонах; стоит сплошной стук от переступания копытами наиболее беспокойных. Вестовой Карпекин, человек громадной силы, взваливает на спину необычайное количество сена и, в виде целого стога, проходит мимо изумленной публики. В 7 часов вечера трубач играет сигнал «садись!», и через пять минут наш поезд переходит на пассажирскую станцию. Платформы, залы, двор – все залито народом. Кричат ура, машут шляпами, платками, бросают в вагон цветы, пачки папирос, плитки шоколада. На платформе реалисты с портретом Государя...».

Георгий ГОШТОВТ, лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк. 3 августа*

«На рассвете, имея в боевой линии 1-й батальон флигель-адъютанта полковника герцога Лейхтенбергского и 2-й батальон полковника Казакевича, полк атаковал без поддержки артиллерии высоты, занятые частями Х австро-венгерского корпуса. Завязался встречный бой. Капитан Кутепов контужен, затем тяжело ранен. Он остается на носилках в цепи, громко ободряя людей:

– Приказа отходить не будет! Не рассчитывая на успех, генерал Мрозовский неоднократно предлагает вывести полк из боя. Но граф Игнатьев не допускает мысли, что преображенцы могут отступить в первом бою.

В 14.00 вновь отбита контратака. Она ликвидирована 3-м батальоном капитана Иванова, в рядах которого находится полковое знамя. С высоты было видно, как знамя двигалось в цепях, а когда последние залегали, то оставалась стоять огромная фигура знаменщика старшего унтер-офицера Пономарева и часового при знамени ефрейтора Пашкова».

Сергей АНДОЛЕНКО, лейб-гвардии Преображенский полк. 20 августа

«Мы остановились в лощине у господского дома Суходолы в 7 verstах от противника. Командир нашей пехотной бригады генерал Киселевский назначил атаку на 5 часов дня. Полку предстояла исключительно трудная и опасная задача: до позиции противника он должен был пройти около 3500 шагов по гладкой, как бильярд, местности, причем последние 500 шагов отлого поднимались на довольно высокую и плоскую гору.

Ровно в 5 часов полк занял исходное положение. Притихшие неприятельские батареи дали без помехи развернуться 12 ротам полка. Солнце им было прямо в глаза, и они, будучи как на ладони, оказались прекрасной мишенью.

Полковник Гальфтер, бывший впереди, повернулся к своим бойцам:

– Славные Московцы! Вперед! Помни честь полка!

И – пошел, прикрыв лицо саперной лопаткой. И полк стройно, как на красносельских маневрах, двинулся за ним.

Мы, артиллеристы, с невыразимым волнением следили в бинокли за этим грозным, прекрасным и трагическим зрелищем.

Первые 500 шагов полк прошел без потерь. И тут начался ад. В рядах наступающих рот стали рваться тучи шрапнели. Вот падают ротные командиры Штакельберг, Нищенко, Климович. Позади наступающих цепей остается все больше убитых и раненых...

Еще около получаса продолжается это восхождение на Голгофу. Вот они достигают подножия горы и залегают в мертвом пространстве. Однако надо спешить – неприятель уже выкатывает орудия из окопов, чтобы картечью в упор расстрелять эти доблестные остатки.

Но вот огонь орудий как будто смолкает. Их прислугой овладело оцепенение, когда близко, совсем близко надвинулись лица русских солдат. Наконец все затихло. Вокруг немецких орудий, ставших тихими и безвредными, собрались остатки полка – 7 офицеров и около 800 солдат. В этой показательной атаке под Тарнавкой московцы потеряли убитыми и ранеными 57 офицеров и более 2000 рядовых».

Константин МАНДРАЖИ, лейб-гвардии 2-я артиллерийская бригада. 26 августа



«На войну».
Осматриваются запасные.
Начало Первой мировой войны

Молебен перед выступлением в поход. Август 1914 года

«Слева показался идущий рысью прусский уланский разъезд. Он был так близко, что ясно были видны бело-черные флюгера на пиках. Князь Императорской крови Гавриил Константинович стал торопить брата перейти канаву, иначе его заберут в плен. Князь Игорь Константинович попытался обогнать канаву слева, но стал вязнуть и медленно погружаться в топь вместе с любимой лошадью. Вестовой Манчук и вольноопределяющийся Эрдели пошли на помощь князю Игорю. Когда они дошли до князя, Игорь Константинович стоял уже затянутый в болото до самого подбородка. Лошади уже не было видно. Схватив Его Высочество за руки, Манчуку и Эрдели удалось кое-как его вытянуть.

По счастью, германский разъезд исчез. Вероятно, увидел, что эскадрон увязает в болоте, и не решился идти дальше.

Вышли на свою пехоту. В пехотном полку все были крайне радушно встречены и накормлены. По воспоминаниям князя Гавриила, он съел пять тарелок супу».

Сергей РООП, лейб-гвардии Гусарский полк. 28 августа

«В составе 6-го эскадрона находился прапорщик Ставский, вступивший в ряды полка с объявлением мобилизации. Это был очень скромный, милый мальчик, белокурый, худенький, небольшого роста.

У города Пшеборжа ротмистр Бендерский выделил взвод под командой Ставского, приказал выяснить пути следования противника и немедленно вернуться к эскадрону.

Взвод Ставского не вернулся, вечером эскадрон присоединился к полку.

Прошло два месяца. Входит к нам в штаб в шинели, папахе, с винтовкой, надетой через плечо, унтер-офицер Чечуленко из разъезда Ставского и совершенно спокойно заявляет:

- Честь имею явиться, Ваше сиятельство.
- За ним остановились в дверях фигуры еще двух драгун.
- Как? Что? Откуда? – посыпались вопросы.
- Так что из разъезда корнета Ставского, – был спокойный ответ.



В окопах



Его убило таким же снарядом

Выяснилось, что несчастный Ставский со своими драгунами оказался в тылу далеко продвинувшегося вперед противника. Положение было критическое. Наконец решили разделиться и прорываться небольшими партиями. Первой партией на метили унтер-офицера Чечуленко

с двумя драгунами. Оставшиеся со Ставским драгуны пытались несколько раз прорваться к своим, но всякий раз их чуть-чуть не узнавали...

После 5 месяцев, воспользовавшись разыгравшимся боем, в то время как наши части штыковой атакой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В окопах перед
местечком
Надарчин. 1915 год.
Из жизни 24-го
Стрелкового
Сибирского полка
на фронте
1914–1917 годов

Северный фронт.
Зима 1915 года

опрокинули немецкие цепи, Ставский со своими драгунами бросился прямо на наши наступавшие части. Едва не погиб при этом, но оказался среди своих».

Граф Федор НИРОД, лейб-гвардии Драгунский полк. Осень

Первые месяцы войны 1914 года для России – это патриотический настрой народа, яркие успехи на австро-венгерском фронте, гибель 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии, упорные бои с немцами у Лодзи и на Висле.

Это – всеобщее понимание, что разгоревшаяся война надолго. Еще велись маневренные операции, еще не было сплошной линии фронта, зарытой в окопы и блиндажи и утыканной колючей проволокой. Но потери уже исчислялись сотнями тысяч убитых, раненых и пленных.

1915

«Прислонившись к стволу огромной сосны, несмотря на твердость и холод обледенелой земли, я заснул. Через час, примерно, я проснулся от невероятной тяжести, на меня давившей. Это были солдатские шинели, набросанные на меня, которые согрели, но в то же время и придавили. Открыв глаза, я увидел прыгавшего от холода моего любимого взводного командира старшего унтер-офицера Михайлова. Танцую и махая руками, он и еще несколько егерей согревались, пока под их шинелями отыхал их младший офицер. Я мог только сказать:

– Что вы делаете в такой мороз?
– А ничего, Ваше Высокоблагородие, мы привычные, а вот вы уж очень молоды. Жаль!»
С. АЛЕКСЕЕВ, лейб-гвардии Егерский полк. Февраль

«Поручик Заушкевич-1-й, будучи тяжело ранен в бою под Едвабно при атаке немецких окопов, остался на поле сражения. Подобранный немцами и помещенный в лазарет, поручик Заушкевич, не желая выносить позора плена, ночью сорвал с себя все повязки и к утру скончался, истекши кровью. Последние его слова: – Передайте в полк и моему отцу, я умираю, как это подобает Русскому офицеру.

Немцы в точности выполнили волю умершего и в запечатанном конверте передали в полк запись предсмертных слов поручика и приказ по германской дивизии, в котором описывался подвиг русского офицера и ставился в пример немцам...

В тяжелый момент боя под Куликом, когда все, казалось, пропало, штабс-капитан Моллер приказал вытащить из окопа единственный еще работавший пулемет и, поставив его вдоль окопа, открыть огонь по обходящим фланг немцам.

Бросился 13-й роты старший унтер-офицер Солдатов, открыл огонь по германцам; они не выдержали и залегли. Увы, недолго стрелял Солдатов. Уже через две минуты стакан шрапнели попал ему в живот. Но и лежа ничком на земле, с вывалившимися внутренностями, весь залитый кровью, он все еще пытался стрелять и кричал соседям:

– Стреляй, стреляй скорее!
Когда к нему подошел штабс-капитан Моллер, унтер-офицер имел еще силы снять со своей груди Георгиевские кресты и медали и, отдавая их батальонному командиру, произнес:

– Ваше Благородие! Отошлите кресты на деревню и отпишите родителям, что я честно помер в бою...»
Дмитрий ХОДНЕВ, лейб-гвардии Финляндский полк. 18 февраля, 20 июля

«В 1914 под Ивангородом в полк прибыл прапорщик запаса армейской пехоты Леонтьев. Довольно уже пожилой с бородкой клином и заметным брюшком, на вид он был сугубо штатским человеком. Женичка Леонтьев был назначен в 6-ю роту к капитану Данилевскому, очень милому, но страшно нервному человеку. Женичка, наоборот,

был полное спокойствие. Он всегда говорил про ротного командира:

— Мы с Василием Максимовичем друг друга дополняем, он волнует-ся, а я спокоен.

Злые языки говорили, что во время наступления немцев под Едрабино на 6-ю роту Женичка подал команду «Давайте, братцы, стрелять часто по наступающему противнику!», вытащил наган и стал палить по немцам, которые были в полутора тысячах шагов.

Однажды под Ломжей начал рассказывать:

— Иду по окопу. В это время разрывается снаряд, и меня подбросило, как перышко, при моей солидной комплекции. Но ничего, из окопа не выбросило, и я упал обратно. Только немного запачкался.

Через несколько дней полк вступил в очень тяжелый бой у деревни Крупе под городом Красностав. После одной из отбитых атак Женичка доложил по телефону:

— Василий Максимович убит, и я принял роту. Но прошу разрешения покинуть окопы.

Думая, что даже Женичкины нервы не выдержали, командир батальона спрашивает:

— Что с тобой случилось, Женичка?

— Я ранен.

Предполагая, что Женичка ранен легко, командир батальона отвечает:

— Потерпи, Женичка, если можешь, уж очень большие потери в офицерах, и некем тебя заменить.

И слышит:

— Трудно, не могу. У меня кисть руки оторвана...

Вот вам и штатский!

Сергей САВИЦКИЙ, лейб-гвардии Гренадерский полк, июль

«Противник ввел в бой 205-й пехотный полк. На него брошен в контратаку 1-й батальон. Вот что пишут об этой контратаке немцы: «С обеих сторон отчаянный, все заглушающий огонь. Когда облака пыли и дыма рассеялись, мы увидели русские цепи, отходившие на близлежащие холмы. Здесь они держались упорно. Русские, стоявшие против нас, — л.-гв. Преображенский полк». У Голешова имело место последнее боевое столкновение с прусской гвардией. По странной случайности на



Пулеметная
команда в лесу



Гаубичная
батарея
на позиции

участок полка вышел старейший полк прусской гвардии, 1-й пехотный, поддержанный частями 3-го. Три последовательные атаки были отбиты. Несмотря на подавляющее превосходство в силе огня, прусская гвардия разбилась о русскую. Этим боем закончилась Холмская операция. Выписка из истории 17-го германского артполка: «Надо было удивляться храбости русской пехоты, выдержавшей без поддержки своей артиллерии, что день, массивный, жестокий обстрел наших батарей». Зимой имел место Высочайший смотр у Подволочиска. Когда он отъезжал от колонн полка, у Государя вырвалось:

— Прощайте, преображенцы...».

Сергей АНДОЛЕНКО, лейб-гвардии Преображенский полк. 5 июля, 29 июля, 15 декабря

Второй год войны оказался для русской армии самым страшным. В стране кончились запасы снарядов и патронов. Маршевые роты прибывали на передовую без винтовок. В запасных батальонах не успевали готовить пополнение. В пехотных полках появились прaporщики военного времени.

Из сводки по лейб-гвардии Финляндскому полку: на фронт в августе 1914 года отправилось 75 офицеров и 4600 нижних чинов. К концу войны полк потерял убитыми и ранеными 72 офицера. В ротах осталось лишь несколько солдат мирного времени. Кадр полка был выбит в 1914–1915 годах.

К концу 1915-го русская армия ушла из Польши, Литвы, Галиции. Была потеряна часть Латвии, Белоруссии и Украины.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

1916

«После неприятного пребывания в окопах с водой и бессонной ночи я вернулся «домой». Спал долго, а днем меня разбудил вестовой:

– Так что, Ваше Высокоблагородие, вас командир эскадрона требует.

– Зачем?

– Так что в бридж играть.

Я рассердился:

– Скажи, что я устал и не могу.

Через 20 минут опять вестовой:

– Так что, Ваше Высокоблагородие, вас командир эскадрона требует.

– Зачем?

– Так что по делам службы.

Чертыхаясь, я встал, надел шашку и отправился в землянку эскадронного командира, которая была шагах в 150 от моей.

– А, проснулся? Садись, у нас не хватает четвертого.

В окопах.
1916 год

Дежурное орудие 4-й батареи 46-й артбригады, обстреливавшее немецкие окопы у дер. Чухны в июле 1916 года

Я стал отнекиваться, да делать нечего – остался. Только мы начали играть, как послышался отдаленный орудийный выстрел, потом – тишина, и через несколько секунд взрывы. Прибегает мой вестовой:

– Так что вашей землянки больше нет!

Я побежал туда и, действительно, увидел, что 6-дюймовый снаряд упал прямо у входа, частично завалив землянку. А на лежанке, на которой я спал полчаса назад, на моей разорванной бурке лежит большой осколок снаряда.

Как же мне после такого случая не играть в бридж?»

Александр ТУЧКОВ, лейб-гвардии Конный полк. Весна

«Волынцы выполнили возложенную на них задачу, дошли до Стохода, перешли реку и взяли на том берегу Витонеж, закрепившись на высоте к северу от него. Высота клубилась от разрывов снарядов, но батальон держался. Я видел это в бинокль, находясь с командиром моего полка на батарее 3-й Гвардейской артиллерийской бригады. Телефонист громко передавал с того берега Стохода:

– Немцы идут в атаку! Артиллерия – огонь!.. Легкая бьет по своим, тяжелая – хорошо!.. Легкая, прекратить огонь по своим!!!

В бинокль были ясно видны черные точки, в одиночку, затем – группами отходящие к Стоходу. Вдруг все встрепенулись. Телефонист закричал:

– Рота Его Величества пошла в штыки!

Все мы закричали ура, слезы покатились у меня из глаз. Телефонист кричал:

– Немцы бегут! Немцы бегут!

Имя командира роты Его Величества лейб-гвардии Волынского полка – поручик Запольский.

Из этого примера видно, что гвардейская часть форсировала Стоход и укрепилась на его левом берегу, но наша легкая артиллерия была лишена возможности поддержать волынцев огнем. Орудия стояли на опушке леса, и в трех шагах от них начиналось болото, даже стреляя на пределе, с подрытыми хоботами, наши 3-дюймовки били по своим. Несмотря на сверхъестественную доблесть, проявленную в необычайно тяжелых условиях местности – открытое продвижение по вязкому болоту, – только первая часть задачи была выполнена. Взяли 7000 пленных, 46 орудий, но гвардия потеряла 30 тысяч 476 солдат и офицеров». Георгий ОНОШКОВИЧ-ЯЦЫНА, лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк. 15 июля

«В батальонной колонне с разомкнутыми рядами, в ногу, с офицерами на местах шел 2-й батальон Преображенского полка. Шел как на учении. Люди валились десятками, остальные смыкались и держали равнение и ногу. Под серьезной артиллерийской пальбой только исключительно хорошая воинская часть способна так идти. От времени до времени Кутепов на ходу поворачивался и подсчитывал: «Левой, левой, левой...». Юрий МАКАРОВ, лейб-гвардии Семеновский полк, 15 июля

«Я в отчаянии, что Гвардия понесла такие тяжелые потери. Немцы знают, что наступает наша Гвардия, и они чувствуют, что ею напрасно жертвуют.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

Генералы знают, что в России еще довольно людей, и не скрываются на их жизни. Но эти были так превосходно подготовлены, и все пошло прахом».

Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, шеф лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка. Июль

«Помню, как восхитил моего полкового командира преображенец с оторванной правой рукой, проходивший мимо и лихо отдавший честь левой рукой. Генерал долго смотрел ему вслед, повторяя, вот это молодец, вот это солдат!»

Петр УШАКОВ, лейб-гвардии Финляндский полк. 15 июля

«После обеда окопы 12-й роты подверглись усиленному обстрелу, и число раненых начало быстро возрастать. Это заставило поручика фон Кеддинга неоднократно обойти участок своей роты. Около часу дня он был ранен в бедро и около 2 часов – в голень. «Иногда было совершенно темно, а солнца вообще не было видно. Я двигался в темноте и в дыму и натыкался на изуродованные тела убитых егерей. Окопов уже не было. Около 4 часов я снова был ранен – теперь в легкое. Кровь пошла из уха и из горла. Я потерял сознание. Когда я очнулся, около меня находился старший унтер-офицер Субботин. На моих глазах он упал, убитый осколком последнего снаряда, выпущенного немцами на нашем участке. Пулеметчик унтер-офицер Рудаков доложил, что начинается атака...».

Баварская гвардия, рассчитывая, что на этом участке противника больше не существует, вышла из окопов и спокойно, сомкнутыми линиями стала приближаться к расположению лейб-егерей.

Два пулеметчика помогли тяжело раненному подпоручику Кеддингу подойти к месту, где стояли пулеметы, засыпанные песком и землей. Их привели в порядок, кожух одного из них, пробитый осколками, сбили щепками от блиндажа и дополнили воду собранной в кружку мочой. Три пулемета неожиданно заработали. На участке соседней 11-й роты тоже заработали пулеметы. Огонь их с близкого расстояния косил продвигавшиеся баварские линии. Этих



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

линий было много, но ни одной не удалось дойти до цели.

После 6 вечера поле боя замерло. Понеся огромные потери, баварская гвардия отошла в лес.

Унтер-офицер Рудаков, кавалер трех степеней Георгиевского креста, за этот бой получил первую степень, был произведен в подпрапорщики. Каким-то чудом он не был ранен. Из 230 егерей 12-й роты к концу боя осталось 18, из которых только три не раненых.

Подпоручик Кеддинг оставался на посту до позднего вечера, и только по занятии участка ротами 2-го батальона он был вынесен с места боя. Придя в себя, он пожелал идти сам». В. КАМЕНСКИЙ, лейб-гвардии Егерский полк. 29 июля

«В одном из боев под Квадратным лесом унтер-офицер команды разведчиков Степан Богачев был ранен осколком ручной гранаты в голову. Падая и обливаясь кровью, кавалер нескольких Георгиев крикнул начальнику команды:

– Простите, Ваше Высокоблагородие, я не Степан Богачев, а Василий Богачев! Я – беглый каторжник!

Оказалось, он действительно был сослан на каторжные работы за убийство во время драки. Когда началась война, то с каторги бежал, добрался домой, переночевал одну ночь, взял у отца паспорт, подчистил год рождения, уехал на фронт и поступил во 2-й Стрелковый Царскосельский полк, где примерной службой заслужил общее уважение и любовь.

Представляясь Государю императору в ставке, я доложил Его Величе-

ству о случае с унтер-офицером Богачевым и получил обещание об его полном помиловании». Эдуард ВЕРЦИНСКИЙ, лейб-гвардии 2-й Стрелковый Царскосельский полк. Осень

К концу 1916 года стало понятно, что двойной кулак германцев и австро-венгров так и не сумел пробить русскую защиту. Линия фронта выгибалась, выравнивалась, вновь вибрировала – но не рвалась, не ломалась. Более того, после летнего наступления русской армии на Луцк все участники мировой войны поняли: Австро-Венгрия разбита и еле держится только благодаря всемерной помощи Берлина.

На Западном фронте все было по Ремарку – без перемен. Армии зарылись в землю. Попытки немцев продвинуться вглубь Франции оказались безрезультатными. Все встречные инициативы французов и британцев – тоже.

В боях 1916 года не только Россия потеряла подготовленных офицеров и солдат. Германия выбирала последнее на складах пушечного мяса.

Русская армия готовилась к большому наступлению весной 1917-го. В отличие от правительства, Думы, партийных деятелей...

Боевой офицер-артиллерист, а впоследствии один из самых ярких генералов Белого движения, Сергей Марков, читавший в 1916 году лекции в Академии Генерального штаба и заслуживший от слушателей уважительное прозвище «профессор», так закончил одно из занятий:



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Похороны
в дер. Маркопиль
в феврале
1917 года.
Из жизни 24-го
Стрелкового
Сибирского
полка на фронте
1914–1917 годов

На отдыхе.
Лето 1917 года

– Все это, господа, вздор, только сухая теория! На фронте, в окопах – вот где настоящая школа. Я ухожу на фронт, куда приглашаю и вас!

1917

«В гостиницу, где жил конногренадер Эгерштром, и на квартиру лейб-гусара Клейнмихеля ворвались солдаты и закололи штыками...

Корнет Чичерин собрал кавалергардов и передал им только что полученные сведения:

– Государь Император отрекся от престола в пользу своего брата, нашего бывшего командира полка Великого князя Михаила Александровича. Государю Императору Михаилу Александровичу – ура!

– Слава Богу! – говорили кавалергарды. – Теперь опять порядок будет. Поскорее бы назначили присягу.

Чичерин пошел домой. Через некоторое время в передней раздался звонок. Денщики Чичерина и лейб-

гусара графа Воронцова-Дашкова с револьверами в руках пошли открывать. В дверях стояло несколько кавалергардов при полной боевой с унтер-офицером 6-го эскадрона Грушевым.

– Разрешите доложить! Команда о вас беспокоится, так мы для охраны пришли.

В передней снова позвонили.

– Кто идет?

– Открывай, свои! Наряд от лейб-гусар!

Подобно кавалергардам, гусары по собственному почину также прислали караул для охраны своего офицера».

Владимир ЗВЕГИНЦОВ, Кавалергардский полк. Март

«4 эскадрона и взвод моей пулеметной команды должны немедленно выступить для подавления погрома в Острог. Ввиду впервые полученного такого рода приказа, решаю идти самому. Около 20 часов пришли в Острог, и, как только расположились, пришел к нам мальчишка Вонский, газетный сотрудник из Одессы, помощник комиссара 11-й армии, и с места обратился с речью к нашим уланам.

Погром уже кончился, все лавки были разбиты, и надо было арестовать зачинщиков. Орудовал стоявший здесь

запасный батальон, в котором было две роты амнистированных каторжан. Не буду описывать подробностей, лишь скажу, что здесь окончательно убедился, что старой русской армии не воскресить. Она умерла...».

А. ПОЛИВАНОВ, лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк. 5 октября

«За первый бой у Нишавы моя рота приказом по полку получила имя «боевой», чем, конечно, мы все были горды. В одном из писем ко мне наш последний начальник дивизии, барон Штакельберг, пишет: «Пропуская в первый раз в походе 3-й полк, я обратил внимание, что 2-я рота, единственная в дивизии, имела свои два пулемета на двухколках. Командир полка пояснил мне: в ночной атаке у Ломжи в феврале 1915 года 2-я рота под командой Ауэ взяла эти два пулемета, к которым никелированными цепочками были прикованы германские унтер-офицеры. С разрешения командира полка пулеметы переделали под нашу пулью, и Ауэ сформировал собственный взвод, который приказом по полку был объявлен не-прикосновенной собственностью Второй боевой. Завет ротного командира был ни в коем случае не расставаться с этими пулеметами и доставить их на постоянные квартиры роты в Царское Село. И вот я сам видел ваши два пулемета в помещении вашей старой роты. Они были сданы вместе со всем полковым имуществом в Интендантство при расформировании полка...».

Христофор АУЭ, лейб-гвардии 3-й Стрелковый Его Величества полк. Зима

В 1917 году бои кое-где и кое-как продолжались, солдаты и офицеры гибли и получали ранения. 11-миллионная армия разлагалась, но отдельные ее части сражались на совесть. Вот только войны уже не было. Той самой, которая для Российской империи так и не закончилась. Один офицер, отвечая на вопрос, что такое война, резюмировал: «Это когда всегда хочется есть, всегда хочется спать и иногда бывает страшно». После переворота 1917-го есть и спать хотелось как прежде. Но страшно стало всегда. ●

* Участники событий в своих рассказах указывают даты по старому стилю.

ПОРОК СЕРДЦА

ДМИТРИЙ
БЫКОВ

ЕСЛИ ГДЕ-НИБУДЬ – ХОТЬ В РОДНОМ ОРЛЕ – ПОСТАВЯТ КОГДА-НИБУДЬ ПАМЯТНИК ЛЕОНИДУ АНДРЕЕВУ, НА ПОСТАМЕНТЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЫБИТО: «ОТ НЕБЛАГОДАРНОЙ РОССИИ».

И

ПРИЖИЗЕННАЯ, И ПОСМЕРТНАЯ судьба этого писателя – идеальная иллюстрация к тезису о том, что Россия сказочно, невообразимо богата и совершенно этого богатства не ценит, пользуясь им с оскорбительной нерачительностью. В тени Максима Горького, провозглашенного главным отечественным прозаиком начала XX века (и не без оснований: по тиражам, славе и нарицательности он опережал даже поставщиков бульварного чтива), терялись писатели куда более одаренные, нежели он: Куприна вечно ругали за беллетризм и сентиментальность; Андрееву доставалось за дурновкусие и мрачность; Грину – за оторванность от жизни; Тэффи – за легковесность и насмешливость; Аверченко – за мелкотемье и барство; Шишкову – за сибирскую этнографическую цветистость. И все эти ярлыки приросли. Хорошо еще, Бунина спасла Нобелевская премия, не то и он ходил бы в ассоциальных пессимистах и сенильных эротоманах.

А взглянуть объективно: господи помилуй, каждого из этих авторов любая из европейских литератур носила бы на руках, гордясь его от-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Леонид
Николаевич
Андреев
(1871–1919)

1. Леонид Андреев



Рисунок И.Е. Репина
к «Рассказу о семи
повешенных»



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Л.Н. Толстой
и Л.Н. Андреев.
Ясная Поляна,
22 апреля 1910 года.
Фотография
В. Булгакова

важным новаторством и стилистическим совершенством. Андреев, на мой вкус, самый сценический из русских драматургов. Один Островский может в этом смысле с ним соперничать, но где у Островского такая напряженность действия, как в «Катерине Ивановне», такие финальные катарсисы, как в «Жизни человека»? Бытовик – он и есть бытовик, хоть и не без поэтического чувства. Никто лучше Андреева не понимал законов готической прозы – его немногочисленные триллеры дадут фору Стивену Кингу. Блеск и язвительность андреевской сатиры, его сарднический юмор, политические гротески, не утратившие актуальности по сей день, поскольку в России, слава богу, все актуально, опровергают мысль о его однообразной мрачности: он умел смеяться так заразительно, что куда уж до него «Сатирикону». И – словно проклятье тяготело над ним: при жизни Андреев, хоть и знаменитый сверх меры, издававшийся и ставившийся триумфально и зарабатывавший вполне прилично, подвергался регулярным критическим разносам, причем в хулиганском, демонстративно неприличном тоне. Чуковский, его друг, защитник и временами тоже суро-

вый критик, выписал как-то эпитеты, которыми награждали Андреева газетные рецензенты: такого тона постыдились бы Жданов с Авербахом. Умер Андреев в совершенном одиночестве и безвестности, в тягостной неопределенности, в только что отделившемся Финляндии, на даче, выстроенной по его собственным чертежам (через несколько месяцев покончила с собой его мать). Посмертная репутация у него была при советской власти не ахти: перепечатывали – как-никак Горький называл его единственным другом, но не забывали и припечатывать. Певец упадничества, пессимист, отошел от революции, мистик, мракобес, недопонимал революционное движение, заставил революционеров перед казнью думать не о бессмертии великого дела, а, страшно сказать, о жизни и смерти! Пьесы не ставились вовсе: модернистский театр, копание в душевном подполье, непереваренная достоевщина... И над всем этим сияли две цитаты. Первая – употребляемая главным образом знатоками, для умных, так сказать: «Нельзя же ежедневно питаться только мозгами, да к тому еще они – всегда недожарены!» Это – Горький, о его драматургии;

приписал в статье другому, анонимному остряку, нотире не спрячешь. И главная, известная даже тем, кто строчки Андреева в жизни не прочитал: «Он пугает, а мне не страшно!» Это – Толстой, который вообще-то к Андрееву благоволил. Он о «младших» отзывался снисходительно, выделяя Куприна – главным образом благодаря купринской выразительности, жизнерадостности, душевному здоровью, а Андреев числился у него, скорей, по ведомству Достоевского: «Думает, если он болен, то и весь мир болен». Андреев его раздражал тем, что при встречах «милашничал», как записала Софья Андреевна; тем, что казался недостаточно глубоким и серьезным (смущал Толстых, вероятно, зазор между кромешной мрачностью андреевских текстов и вполне галантным, обаятельным поведением на публике; но что ж поделать – Андреев был воспитанный человек). «Рассказ о семи повешенных» тоже, вероятно, Толстого злил – по причинам, которых сам он для себя не формулировал. Известно его устное высказывание: последнее свидание родителей с приговоренным, негодовал он, – тема, за которую я, я бы не решился взяться! А он пишет, как ни в чем не бывало. В самом деле, Толстой был человек старой школы, ему присущее было высокое литературное целомудрие, и некоторых вещей – скажем, физической стороны любви – он предпочитал не касаться в принципе. «Смерть Ивана Ильича» поражает прикосновением к самым болезненным и темным

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Дача Л.Н. Андреева
в Финляндии.
Фасад и кабинет

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



сторонам человеческой души, но, вот странность, здесь нет ни натурализма, ни патологии. Смерть Ивана Ильича есть смерть любого человека вообще, с универсальными приметами животного ужаса перед небытием; можно себе представить, что сделал бы из этого Андреев – и как это было бы плохо. Толстому присуще спокойное бесстрашие, аналитический интерес, характерный для титанов духа; у Андреева этого нет, он не титан и не претендует. Его душа мятется и мечется. Где Толстому хватает двух слов – у Андреева десять. Но странное дело – нам, сегодняшним, тоже далеко не титанам, эта андреевская паника ближе. Пусть она мешает ему изобразить мир – к объективности такого изображения он и не стремился, но собственный душевный хаос он живописует точно, ярко, незабываемо; это и бесило читателя, привыкшего все-таки получать портрет реальности, а не хронику метаний автора.

скогого этого. Читатели еще не знали, что со временем это назовут экспрессионизмом. В драматургии сам Андреев изобрел термин «панпсихизм» – художественный метод, при котором на сцене действуют не люди, а идеи и страсти; действие большинства его пьес происходит в отдельно взятой голове, и до абсолюта этот метод доведен в «Черных масках». Вот лучшая, страшнейшая и выразительнейшая пьеса Андреева – страшно подумать, что у этого шедевра почти нет сценической истории: всех отпугивает условность. Ведь черные маски – не что иное, как черные мысли герцога Лоренцо, яркий свет на балу – его разум, которому все трудней отгонять призраков, а отдаленная комната в башне – его тайные, стыдные, спрятанные воспоминания. До этого метода на Западе доискались лишь недавно – запрятав, скажем, действие фильма «Вечное сияние страсти» в голову главного героя, спрятав геро-

иню в лабиринты его детской памяти; но Андреев все придумал уже в 1908 году.

Да, арена действия двух андреевских романов, сотни рассказов, двух десятков пьес – его собственная душа, его измученное сознание. Но признаемся – на этой сцене есть на что посмотреть. Как-никак перед нами одна из самых впечатляющих, умных, догадливых и богатых натур русского Серебряного века. Биография Андреева почти бессобытийна: вот уж подлинно – все ушло в литературу, в мучительно-напряженную внутреннюю жизнь. Родился в 1871 году в Орле, прожил всего 48 лет, умер от последствий неудавшегося самоубийства – в 23 года стрелялся, пуля прошла близко от сердца. Кстати, на этом общем опыте они с Горьким сошлись: оба в юности проверяли себя, лежа между рельсами под колесами поезда, оба стрелялись, оба еле выжили. По образованию и первой специальности, да, пожалуй, и по призванию, Андреев – адвокат, притом небезуспешный; интерес к преступлению, к пограничному состоянию, жажда защищать, оправдывать, доискиваться тайных мотивов – это и в литературе у него на первом месте. Первые его сочинения высмеивались редакторами и возвращались, систематически печатать стали с конца 90-х, знать – с начала XX века. Горький привлек его к «Знанию», альманаху и кружку молодых социальных реалистов, но Андреев рассматривал политику примерно как Блок – ровно в той степени, в какой из нее можно извлечь эффектный сюжет. Собственно, в лучшем очерке об Андрееве – лучше даже горьковского, даром что Горький с Андреевым дружил, а Блок трех слов не сказал, – Блок и замечает: мы отлично друг друга понимали, а при личной встрече опять не нашли бы темы для разговоров, кроме коммунизма или развороченной мостовой на Моховой улице. Вот в каком ряду у него был коммунизм, а саму политику Блок называл заводью в океане человеческой жизни, вроде Маркизовой лужи. Немудрено, что Андреев очень скоро отошел от социального реализма, он был реалистом постольку поскольку: ему жаль человека вообще, его



ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий Качалов в роли
Анатэмы в спектакле МХТ
по пьесе Л.Н. Андреева
«Анатэма»

Обложка книги
Л.Н. Андреева
«Царь Голод»
с иллюстрациями
Е. Лансер. 1908 год

Н.К. Калмаков.
Костюм бродяги
к пьесе Л.Н. Андреева
«Черные маски».
1909 год

ужасает участь двуногих как таковых – ну и, в частности, участь пролетария или террориста; но жизнь вообще мало интересовала Андреева, он ее числил по разряду быта, он – конструктор сложных фабул, парадоксальных и провокационных столкновений, – какое тут

правдоподобие? Террорист скрываеться у проститутки, беседует с ней о смысле жизни – достоверно? Пощада ужасная. А когда убийца и блудница вместе Евангелие читают, о воскрешении Лазаря, – не пошлость? Между тем это «Преступление и наказание», весь мир сто-

пятьдесят лет рыдает. Главную особенность андреевских сочинений объяснил его приятель и, кстати, врач Вересаев: вот у него «Красный смех» – история о том, как молодой военный врач сходит с ума от ужасов войны. На войне, замечает Вересаев, от ужасов с ума не сходят, потому что у человеческой психики есть адаптивные механизмы; но именно этих механизмов у Андреева – по крайней мере, в литературе – нет. Он ужасается тому, к чему все давно привыкли. Что есть проза и драматургия Андреева, как не наведение на самую обыденную обыденность той чисто промытой, страшно укрупняющей оптики, которую мы все попросту не можем себе позволить – ведь при ближайшем рассмотрении мир предстанет бедламом, чумным бараком, действующим музеем изошренных пыток?! Андреев всматривается в то, во что мы давно не вдумываемся; мы мимо бежим – и, наверное, правильно делаем. А для него каждая смерть, каждая измена, сама обыденность старения, труда, ежедневной скуки – как в первый раз! Когда я пересказываю студентам «Жизнь человека», они непременно спрашивают: где идет? как посмотреть? Нигде и никак: больше полувека толком не ставилась, да



ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Л.Н. Андреев
с женой
А.М. Андреевой,
урожденной
Велигорской,
и сыном Вадимом.
1905 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и в советское время мелькала разово. Мы же не можем примириться с бессмыслицей и ужасом жизни, мы социализм строим! Между тем пьеса эта исключительно сценична, финал ее – один из мощнейших в мировой драматургии; но человеку присущ подсознательный страх перед собственной догадкой о фатальной и трагической бессмыслице всего. Вот мы и стараемся забыть о лучших пьесах Андреева – кому же охота расковыривать язву? Но сам Андреев как раз болезненно сосредоточен на том, чего лучше просту не знать, не помнить: вот он рассказывает Горькому о смерти своей жены, Шуры Велигорской, после которой он никого уже не любил по-настоящему и не оправился от этого удара до конца. Она была еще жива, говорит Андреев Горькому в бесконечныхочных прогулках по острову Капри, среди скал и волн (Горький наутро удивлялся, как они себе ноги не переломали на этих козьих тропах, – но Андреев не мог оставаться дома, ходил, выхаживал горе, а Горький боялся оставить его одного). Была еще жива – но дыхание ее уже пахло тлением: «знаешь, это очень иронический запах», замечает Андреев, и мы уже не знаем, поражаться глубине его формулировок или ужасаться тому, как он из всего, включая смерть любимой женщины, делает прежде всего литературу. Нормальный человек постарался бы забыть, и это было бы,

Писатели – участники литературного кружка «Среда». Конец 1900-х годов. Фотография К. Фишера.

Слева направо сидят:
Ю.А. Бунин, И.А. Бунин,
Н.Д. Телешов, А.Е. Грузинский.
Стоят: С.С. Глаголь,
Б.К. Зайцев, С.Д. Разумовский,
И.А. Белоусов, Л.Н. Андреев

как знать, даже порядочнее; но Андрееву не до порядочности и тем более не до гуманности, когда дело о литературе. Он ее не пишет – это его единственный способ жить и думать: напряженный, мучительный поиск смысла в бессмыслице, мелодии в хаосе, высшей гармонии – в абсурде. А гармонии нет. Одна ирония всеобщего тления. Все мы стремимся познать тайну мира, а тайна в том, что смысл отсутствует. Эту тайну понял у Андреева Елеазар в рассказе о воскресшем Лазаре. Мы же мало знаем о том, что стало с Лазарем, когда он воскрес. А Андреев – знал, или ему так казалось. Он предположил, что Лазарь, узнавший тайны жизни и смерти, побывавший за гробом и узнавший цену всему (точнее, понявший, что цена эта ничтожна), будет всеми гоним и ненавидим, а взгляда его не сможет выдержать никто из живущих. Вам ничего не напоминает эта история? Правильно, «Кладбище домашних животных», но до романа Кинга

оставалось ровно семьдесят лет, а до его рождения – около сорока.

Андреев сосредоточен не на ужасном, как писали его советские критики, а на обыденном, в котором он один способен прозреть это ужасное. «Жизнь Василия Фивейского» – житие священника, на которого судьба обрушивает удар за ударом, под другим пером и другим углом зрения не обязательно чистый, беспримесный и беспросветный ужас. Это вполне могла быть трогательная и в высшей степени православная повесть, без всякого богоборчества: один сын родился идиотом, другой погиб, да, кошмар, врагу не пожелаешь, но есть же в жизни Василия Фивейского вера, есть любовь, есть луч надежды, не все же дни своей жизни провел он в отчаянном вопрошании «За что?!». Есть ведь жизнь какая-никакая... Но для Андреева все эти утешения – непозволительный компромисс: у него, если герой порадуется чему-нибудь – хоть клейким зеленым листочкам, – того и жди, что через пару строк автор его донесет и в очередной раз оглоушит. Нет у Андреева ни умиления, ни надежды. Есть сострадание – это да, куда же без него; и мало кто из детей не плакал над гениальной «Кусакой», историей собаки, которую бросили дачники. Вот и сам Андреев чувствовал себя этой Кусакой, брошенной хозяином, думаю, такое сравнение его бы не унизило. Ищет хозяина – и не находит. А если бы нашел – разве писал бы такую прозу? Впрочем, в последние годы он пытался утешиться патриотизмом, приветствовал начало войны, патриотический подъем 1914 года – и, естественно, ничего хорошего у него не вышло. «Дневник Сатаны» – последний, неоконченный роман – доказывает, что ни с чем на земле он так и не примирился, не успокоившись в лоне спасительной клановой или кастовой лжи: видеть мир как есть – вот андреевское кредо с начала до конца.

Как есть? Или это все-таки порок, дефект зрения, тот самый «порок сердца», который сгубил его? Ведь мир осмыслен, полон любви и милосердия, дышит обещанием праздника и справедливости – если взглянуть на него без андреевской испепеля-



Андреев Леонидъ

Л.Н. Андреев
с женой
Александри
Михайловной

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В гостях
у И.Е. Репина
в Пенатах

ющей страсти, без его приидрчивости и сосредоточенности на зле. Ведь младший сын Андреева, Даниил, гениальный русский духовидец, автор «Розы мира», – тот самый Даниил, чье рождение стоило жизни его матери, – сумел в кошмаре собственной жизни увидеть смысл и предназначение. Через все ужасы сталинских застенков пронес он веру и написал один из самых одухотворенных гимнов глубине и сложности мира – цикл «Русские боги», вершину русской метафизической лирики. Но Андрееву-старшему эта проза и этот поэтический ансамбль наверняка показались бы пусты благородным и творческим, но безумием, в лучшем случае самообманом. Над ним тяготеет мрачность Серебряного века, нордическая, скандинавская, ибсеновская и стриндберговская. В этом есть дурной вкус, но есть и выдающийся художественный результат, и мужество, и последовательность. А все, кто пытаются утешаться и утешать, вызывают

у Андреева примерно такое же чувство недоумения и гадливости, как бледные, невеселые дети, резвящиеся под полечку и истерический крик «Танцирен, танцирен!» – из страшного, загадочного рассказа «Он». Надо ли сегодня читать Андреева? Вопрос смешной. У него есть прекрасные наследники – в частности, Людмила Петрушевская, научившаяся у него очень многому и тоже, увы, пренебрегающая утешениями. Правда, у Петрушевской больше мстительности, ее категорически не устраивают благополучные, и своей прозой она мстит им за всех, кто страдает; у Андреева меньше этой злости, он не считает долгом все время бить читателя ниже пояса, но связь Петрушевской с его прозой и драмами несомненна. Кстати, Андреев ведь не придумал все это, он лишь развивает одну из чеховских линий, линию «Палаты №6» и «Черного монаха», так что читать Андреева стоит хотя бы для того, чтобы увидеть и внят-

но представить одну из важнейших преемственостей в русской литературе. Однако ценность и величие андреевского наследия не только в этом. Прежде всего – в лучших образцах, где Андрееву не изменяет вкус, это отличная литература. Кроме того, настроения, которые чаще всего переживает его герой-рассказчик, его любимый протагонист, в той или иной степени знакомы каждому. И возвращение к ним, к этому чувству бесконечной заброшенности, оставленности, тоски, – весьма плодотворно уже потому, что без этого чувства нельзя вполне оценить ни любовь, ни благодарность.

Андреев не может не раздражать, как раздражал он современников и даже ближайших друзей, коих было, впрочем, немного: он оглушительно избыточен, страшен, травматичен, ошеломляюще талантлив и так же чрезмерен. Однако пора бы напомнить друг другу и себе самим, что литература – не увеселительная прогулка. Литература – пространство великих вопросов и больших страстей. И Андреев, какой он ни есть, – заслужил благодарную память уже тем одним, что как никто соответствовал масштабу собственной страны, будучи одинаково великим и в своих взлетах, и в провалах. Впрочем, может быть, за напоминание об этом масштабе мы сегодня и недолюбливаем его? 



Рукопись первой половины XVIII века «Поморские ответы» с расшитой бисером лестовкой

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ИНСТИТУТ РУКОПИСНОГО ПРОШЛОГО

ВАЛЕНТИНА
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

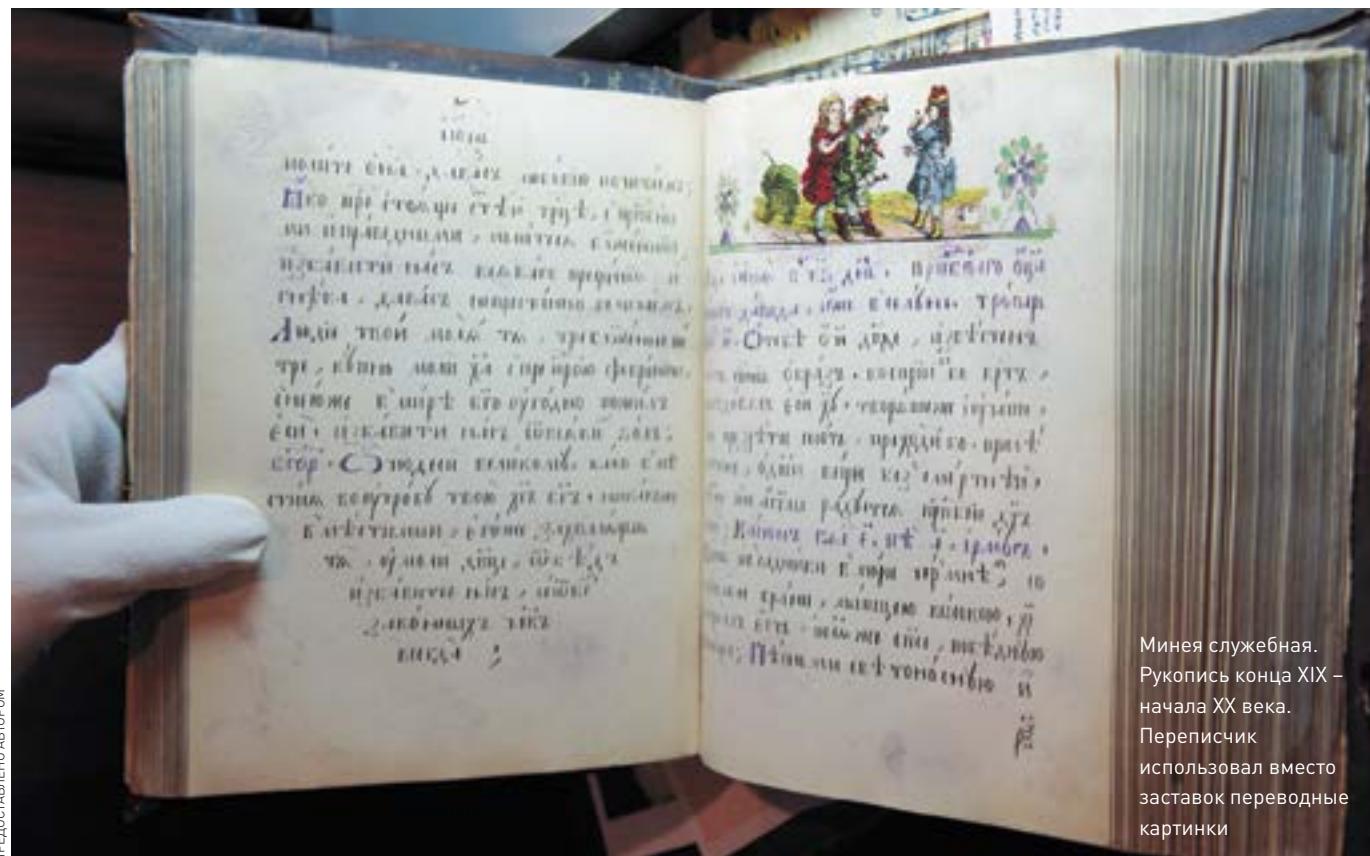
СУББОТА – выходной для Института день. Но сегодня, вопреки правилам, пустые коридоры заполнили галдящие подростки: школьники в Интернете нашли информацию о том, что в Нижнем Новгороде есть Институт рукописной и старопечатной книги (ИРиСК), и решили обязательно посетить его во время поездки. Экскурсию для юных и пытливых туристов, не пожелавших ограничиться лишь осмотром кремля по соседству, лично проводит директор ИРиСК, кандидат филологических наук Марина Белякова: она оценила юношескую любознательность и энтузиазм. Это неудивительно, ведь Марина

МОСКОВСКИЕ ШКОЛЬНИКИ ЗАДУМЧИВО МОРЩАТ ЛОБ: ПЫТАЮТСЯ ПРОЧЕСТЬ БУКВЕННУЮ ЦИФРИТЬ, ЧТОБЫ ОПРЕДЕЛИТЬ, В КАКОМ ГОДУ БЫЛА СОЗДАНА КНИГА, ЛЕЖАЩАЯ ПЕРЕД НИМИ. СПРАВЛЯЮТСЯ, ХОТЬ И С ПОДСКАЗКОЙ: XVI ВЕК! В НИЖЕГОРОДСКОМ ИНСТИТУТЕ РУКОПИСНОЙ И СТАРОПЕЧАТНОЙ КНИГИ ДРЕВНИЕ ФОЛИАНТЫ – ЭТО НЕ ПРОСТО ЭКСПОНАТЫ ЗА СТЕКЛАМИ ВИТРИН. ОНИ НАЧИНАЮТ ГОВОРИТЬ С КАЖДЫМ, КТО ПРОЯВЛЯЕТ К НИМ ИНТЕРЕС.

Михайлова – сама энтузиастка и подвижница. Во многом благодаря именно ей ИРиСК, созданный двадцать лет назад как негосударственная научно-исследовательская организация, существует по сей день. Институт удивителен: здесь собрана уникальная коллекция памятников старообрядческой рукописной традиции XVI–XX веков и редкие старопечатные издания. И при этом нет шта-

та сотрудников! Есть нечто большее: команда единомышленников – ученых и студентов, которые собственноручно собирали эту коллекцию во время многочисленных экспедиций, а теперь с любовью занимаются научным описанием, изучением и сохранением древних книг.

– Раньше говорили не «писать» или «печатать книгу», а «строить книгу», – начинает рассказ Марина Ми-



Минея служебная.
Рукопись конца XIX –
начала XX века.
Переписчик
использовал вместо
заставок переводные
картинки



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Деревянные
крышки переплета
сохранили рукопись
от пожара.
В центре на столе –
книга, побывавшая
в огне

хайловна, дав каждому гостю возможность подержать в руках небольшие демонстрационные кусочки пергамента. – Рукопись создавали как храм – на века. Благодаря этому мы можем сейчас держать в руках книги, которым по триста – триста пятьдесят лет. Они прекрасно сохранились, даже не требуют специальной реставрации. Особенность коллекции Института рукописной и старопечатной книги в том, что здесь собраны книги, которые хранились в обычных крестьянских домах: их покупали, читали, переписывали для себя не монахи, не купцы или богатые люди, а обычные крестьяне – в основном старообрядцы.

Старообрядцы сохранили традицию переписывания, ведь после реформы патриарха Никона книги печатались с теми исправлениями, которых староверы не признавали, – напоминает Марина Михайловна. – Нижегородчина в этом плане – край уникальный, сотни лет здесь жили старообрядцы, их скиты просуществовали до 20-х годов прошлого века. Сейчас остались лишь считаные общины. У старообрядцев были свои служебные и душеполезные книги, полемические сборники, в которых доказывалась истинность старой веры и обрядов. В нашей коллекции большинство книг можно отнести к религиозной литературе.

Молчаливые ноты

Крышки переплета, по размеру заметно превосходящие страницы, пара крепких застежек, широкие поля – все это не просто «издательская мода» того времени, а гаранция сохранности ценной рукописи от воды и огня. Современные школьники хоть и не сразу, но догадываются, для чего старинные фолианты обязательно закрывались на замочки: у плотно застегнутой книги даже в пожаре только обуглятся края да чуть обгорит переплет: подрежешь обгоревшие страницы – и снова можно пользоваться.

Разглядывая коричневатые буквы рукописей, молодежь узнает о том, из чего делали чернила наши пращуры – из так называемых чернильных орешков, есть такие наросты на листьях дуба. Добавляли квас или кислые щи, ржавые гвозди, ставили в горшке в теплое место, чтобы ржавчина растворилась в кислой среде... Поэтому и цвет чернил в ранних рукописях не черный, а коричневый. А вот и закладка (регистр) – кусочек ткани: капельку воска капали на страницу, на нее приклеивали лоскуток. С интересом рассматривают ребята расшитые бисером лестовки

рукописи

(от древнерусского «лествица», то есть лестница. – Прим. ред.) – разновидность четок у старообрядцев, а также древние певческие книги: староверы не приняли новый, многоголосный стиль пения, продолжали культивировать знаменный распев и записывать ноты «крюками». Эта система нотной записи пришла на Русь из Византии.

Есть в собрании Института и рукописи с так называемыми вкладными записями – те, что когда-то были пожертвованы в соборную церковь. Бывшие владельцы помечали, когда и кто эту книгу отдал общине (такой большой материальный вклад обеспечивал жертвователю вечное поминовение): «аще кто сию книгу покусится вынести из церкви сия, да будет проклят и отлучен от святые соборные и апостольские церкви». Подобные вкладные записи писались по слову – по полслова на страницу, чтобы потом никто не мог ее стереть или вырвать: захочешь рукопись вынести, убрав «компрометирующую» надпись, лишишься половины книги.

Сначала руки помой, помолись, а потом уж читай!

Абсолютное большинство тех сокровищ, которыми обладает ИРСК, находки собственных полевых археографических экспедиций. Марина Михайловна признается: коллекция собиралась бы куда сложнее, не будь у староверов такого правила – книга не должна лежать без дела, ею нужно пользоваться. И если ты доказал, что можешь ее читать и понимать, – бери! Потому сотрудникам Института и отдавали древние рукописи: возьмите книгу, она должна читаться, а церковнославянского языка молодежь в деревне уже не знает...

– На иконы и священные книги считалось правильным тратить лишь «пóтovы деньги» – те, что добрались в результате особо тяжкого труда, – рассказывает Марина Михайловна о забытой нынче культуре. – Так, наставница одной из старообрядческих молельных, будучи девушкой из обеспеченной семьи, специально в молодости нанималась копать колодцы только затем, чтобы потом купить икону или книгу. И старшее поколение относилось

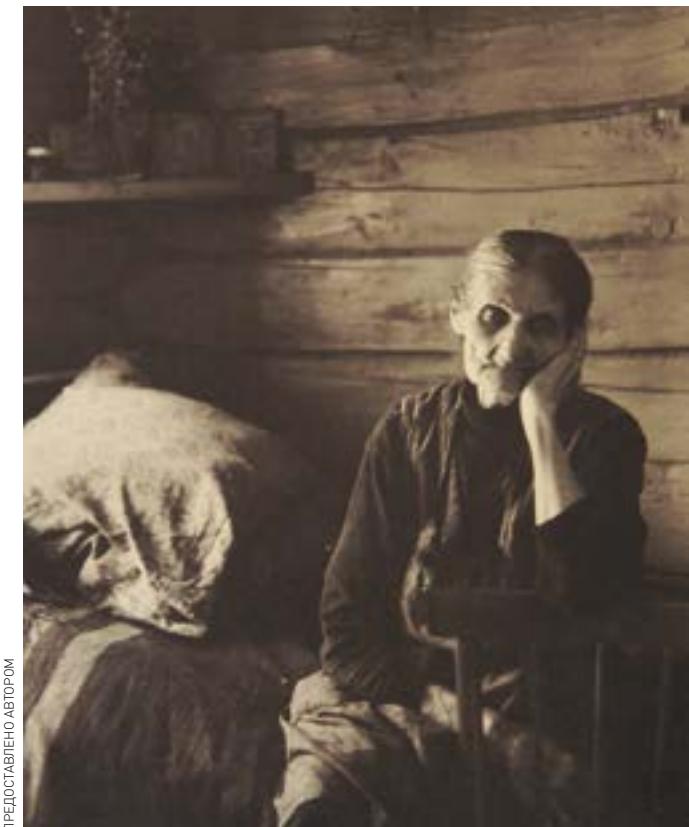
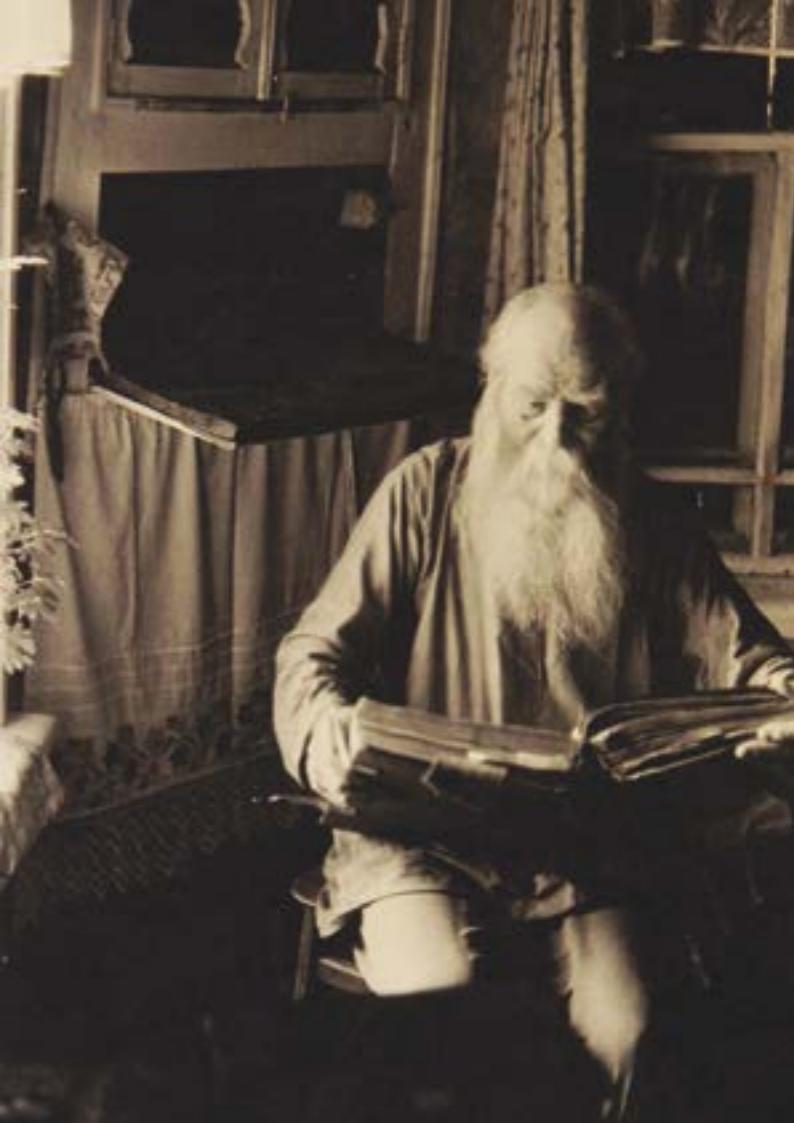
Старообрядцы северных районов Нижегородской области – дарители Института



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

к книгам очень бережно. – Директор показывает небольшие подушечки, которые полагалось подкладывать под книгу, чтобы переплет при чтении не переламывался. – Ты сначала руки помой, чистое полотенце на столе расстели, под книгу подушечки подложи, помолись – после этого можешь и приступать.

Марина Михайловна признается, что со своими главными информантами и дарителями Институт выстраивал отношения годами.

– Наладить контакт с людьми, которые до сих пор ограничивают свое общение с внешним миром, очень непросто. Главную роль здесь играет личность исследователя. Можно ссылааться на любые авторитетные университеты, но это ничего не даст. А вот если ты приезжаешь не один раз и в тебе видят достойного и понимающего человека, отношение постепенно меняется. Поэтому мы всегда специально готовим людей, которые едут с нами в экспедицию впервые: нужно не только знать определенные нормы поведения и соответствовать им – никакой косметики, брюк, не-покрытой головы, – но и входить в этот мир с глубочайшим уважением и почтением к людям, которые сохраняют свои вековые традиции.

Псалтырь из курятника

Старообрядчество до сих пор включает в себя множество согласий и толков, и Нижегородская область в этом плане – уникальная мозаика. Сотрудники Института еще застали то время, когда представители двух разных общин, сидя около хлебного магазина на скамеечке, могли полемизировать на тему: «Антихрист – он чувственный или духовный?» Сейчас носители старой веры все меньше, они асимилируются, различия постепенно стираются. Но при этом, по словам Мариной Михайловны, несмотря на отсутствие молодежи в общинах, традиция не прекращается. Сами староверы объясняют это просто: пока молодой – как с миром не общаться? Надо работать, детей учить... А как выходишь на пенсию – так и приходишь в общину. Директор вспоминает, как им с Еленой Курзиной, старшим научным сотрудником Института, довелось пообщаться с человеком, который впоследствии принял обет молчания.

– Он уходил в молчание постепенно: сначала молчал в течение недели, писал мелом на двери дома, чтобы к нему в это время не заходили и не требовали беседы. Мы специально приехали в тот день, когда он говорил. Он объяснил, что постничал

бы, да здоровье не позволяет. И решил, что более всего человек грешит, когда суесловит, – вот и выбрал для себя такой аскетический подвиг. Через год после того нашего визита он перестал говорить совсем.

В 90-е годы сотрудники Института выбирались в экспедиции так часто, как только могли: Марину Михайловну не мог удержать дома даже полуторагодовалый сын – сидя в большой сумке, маленький Витя объездил с мамой пол-области. Было очень важно собрать коллекцию, потому что тогда все это уходило безвозвратно: если покупались дома в деревне, то книги выбрасывались или продавались в антикварные магазины. А книги «непонятные» или в плохом состоянии могли использоваться как гнет для квашения капусты, например.

– Помню, как мы доставали эту Псалтырь из курятника, отчищали ее от куриного желтка и помета, – приоткрывает Марина Михайловна коробку, в которой лежит сильно потрепанная рукопись. – Сейчас задачи поменялись – важно изучить и описать то, что уже собрано. Поэтому мы теперь предпочитаем рукописи брать лишь на время, оцифровывать и возвращать хозяину. Ведь хранить книгу тоже тяжелый труд.



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Апокалипсис Африканта Ивановича

К оцифровке иногда привлекают студентов: например, ими был полностью переведен в электронный вариант Апокалипсис из коллекции Африканта Ивановича Мокроусова, наставника старообрядческой Федосеевской общине. Он жил в Володарском районе Нижегородской области, много общался с сотрудниками Института, рассказывал о том, как первые староверы, уйдя от гонений, селились на речке Сейме, позднее там появились деревни, которые были мало заселены до прокладки железной дороги в 1860-х годах. Но старообрядческие моленные (помещение для богослужений. – Прим. ред.) были практически в каждой деревне: в Передельнове, например, их было две – одна принадлежала семейству Капитановых (Капитановская), другая – общественная. Основал моленную прпрадед Африканта Ивановича, Андрей Иванович Капитанов. Род Капитановых – знаменитые «жапустники»: они владели водяной мельницей, покупали земли в лугах, корчевали их и выращивали капусту. В Капитановской моленной молилось все Передельново, она размещалась в отдельной громадной избе. Великим постом на исповеди в моленной бывало по 350 человек – велась специальная книга учета, которую наставни-

Страницы
Толкового
Апокалипсиса
из коллекции
Африканта
Мокроусова.
Справа –
оригинал, слева –
оцифрованная
и обработанная
копия

Страницы
«Памятных
записок»
Дорофея Уткина
и его «Древо –
культура жизни
человечества
или духовное
развитие»

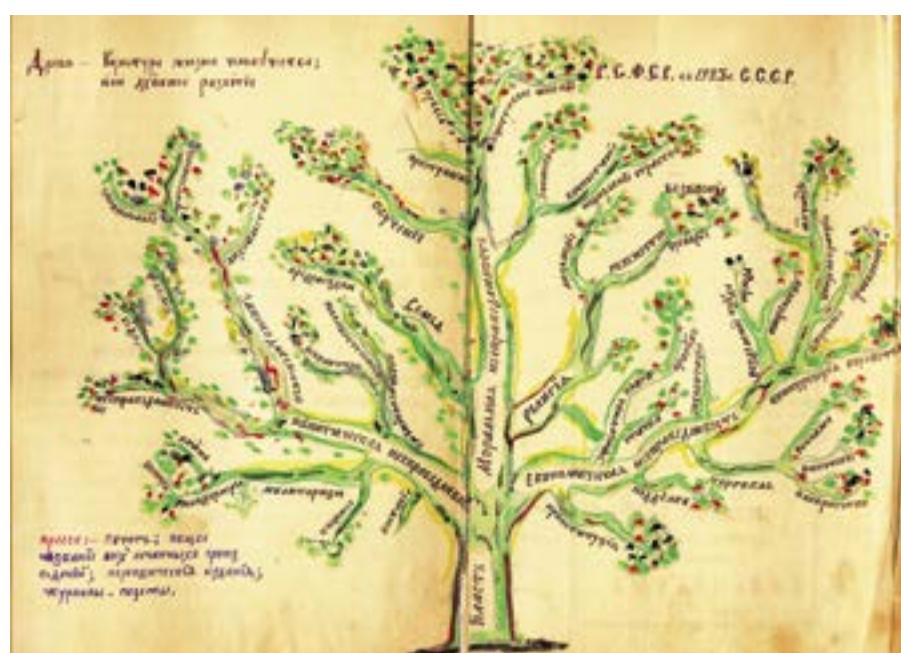
ца сожгла в 1937 году. На моление приходили в больших красивых ка-шемировых шалах, в ка-шемировых же подрясниках (сарафанах), надевали белые рукава с кружевами. В будни платки были черные, без ри-сунка, в праздники – с каемкой и серединкой.

При моленых велось обучение де-тей славянской грамоте, пению «по крюкам», службе.

Казалось бы, гонения староверов были обычным явлением со времен раскола, но факты говорят о том, что самым суровым испытанием для старообрядцев стали XX век и советская власть. Африкант Иванович вспоминал, как в 1937 году моленную разорили: «Приехал пред-седатель сельсовета Подольский, секретарь ячейки Михаил Андре-евич Горин и какой-то рабочий Жи-



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

воевод. Привезли с собой две подводы. Отобрали ключи... Дернули они иконостас – иконы так и посыпались... Сложили их в сундуки и увезли неизвестно куда. Но еще до этого некоторые иконы и книги мы зарыли в сундуке на огороде, некоторые раздали по родне». В числе таких, спрятанных и спасенных, книг оказался и Толковый Апокалипсис, который теперь стал одним из украшений коллекции.

Еще одна гордость Института – рукописи самобытного книжника Дорофея Уткина, который не только переписывал старые книги, но и создавал свои оригинальные произведения с прекрасными иллюстрациями. Он жил в первой половине XX века, критиковал Льва Толстого, размышлял о том, что такое СССР, комментировал работы Ленина. Некоторые из его иллюстраций (например, «Древо – культура жизни человечества или духовное развитие») сами по себе являются философскими работами, образными и метафоричными размышлениями о мировом укладе.

Мечта о нижегородском Матенадаране

Глядя на коллекцию Института, с трудом можно поверить, что еще в конце 70-х годов в Горьком, как тогда назывался Нижний Новгород, не было ни одного полевого археографа или филолога-медиевиста! Нижегородская научная археографическая школа начала развиваться только с 1980 года, когда из Новосибирского академгородка сюда приехала молодой кандидат наук Татьяна Черторицкая, ученица мэтра отечественной археографии академика Покровского. Ее решение о переезде из родной Сибири было по-научному романтичным: она знала, что в Нижегородском крае благодаря староверам сохранилась живая книжная традиция, а исследовать ее некому. Увлеченная и полная энтузиазма, она быстро нашла здесь учеников, и спустя одиннадцать лет работы и экспедиций в городе появились и представительная коллекция рукописных и старопечатных книг (сейчас – в фонде Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского), и три кандидата наук, защитившихся в Отделе древнерус-



Благодаря энтузиазму директора Марины Беляковой Институт рукописных и старопечатных книг в Нижнем Новгороде существует уже двадцать лет

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ской литературы ИРЛИ РАН, один из них – Марина Белякова.

Все это удачно совпало с «временем перемен»: в начале 90-х губернатором Нижегородской области стал Борис Немцов, и в свете его реформ казалось, что уйти от бюджетного финансирования культуры и науки без ущерба для их качества вполне возможно, главное – поддерживать существующие «точки роста», из которых потом разовьется целое направление. Вот тогда и была создана некоммерческая организация Институт рукописной и старопечатной книги. Идею горячо поддержал Дмитрий Сергеевич Лихачев, а это окрыляло.

– Мы мечтали о «нижегородском Матенадаране» (одно из крупнейших хранилищ рукописей в мире, находится в Ереване. – Прим. ред.), – вспоминает Марина Белякова. – И пытались создать учреждение нового типа, куда не просто приходят почтить книгу, как в библиотеку, где книги не просто хранятся, как в архиве, или где их можно увидеть только за стеклом, как в музее. Идея была в том, чтобы человек, придя в эти стены, встречался здесь не только с рукописями, но и с теми людьми, которые их собирают, исследуют, реставрируют. Чтобы он мог потрогать и полистать этот XVI век, и при этом рядом с ним были бы знающие люди. Это производит магическое воздействие:

вот перед тобой был скучноватый музейный предмет, и вдруг он оживает, и ты понимаешь, что это – настоящее чудо. Ведь каждая рукописная книга уникальна! И специалист расскажет, когда она была создана, сколько человек ее переписывали, поможет расшифровать читательские пометки на полях...

Пусть не все мечты осуществились, но Институт рукописной и старопечатной книги на протяжении уже двадцати лет живет, оставаясь явлением уникальным: собрано более 450 памятников письменности, общая библиография научных работ сотрудников Института перевалила за 120 публикаций. По экспедиционным материалам выпущены монографии и сборники фольклора, реализована масса исследовательских проектов. Архивные и полевые изыскания Института стали базой для постановки на охрану памятников истории старообрядчества. Сейчас коллектив ИРиСК работает над проектом «Создание электронной библиотеки цифровых копий уникальных нижегородских рукописей XVI–XX веков из собраний религиозных общин и частных коллекций». И не отказывается принимать гостей: здесь любят молодежь с огоньком в глазах – ведь это они, задающие множество вопросов, и доказывают, что вся эта огромная работа – не зря. ☀

КЛЮЧИ ОТ ИЗБОРСКА

ДЕНИС
ТЕРЕНТЬЕВ

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА ВСЯ СТРАНА ОТПРАЗДНУЕТ 1150-ЛЕТИЕ ИЗБОРСКА. УКАЗ О ПРИСВОЕНИИ ПРАЗДНИКУ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОДПИСАЛ ПРЕЗИДЕНТ, СОЗДАН ОРГКОМИТЕТ ПО ЕГО ПОДГОТОВКЕ, БЮДЖЕТ МЕРОПРИЯТИЯ ОЦЕНИВАЕТСЯ В 6 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ. ЕЩЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД ИЗБОРСК НИ О ЧЕМ ПОДОБНОМ И МЕЧТАТЬ НЕ МОГ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАПОВЕДНИК ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ РУИНЫ СТАРОЙ КРЕПОСТИ В 20 КИЛОМЕТРАХ ОТ ПСКОВА, НА КОТОРУЮ ИЗ ОБЛАСТНОГО БЮДЖЕТА ТРАТИЛИ ОКОЛО МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ В ГОД – ПРОСТО ЧТОБЫ НЕ РАЗВАЛИЛАСЬ. НО РУКОВОДСТВО МУЗЕЯ ЖДАЛО СВОЙ ШАНС.

ОЦЕНИТЬ ПЕРСПЕКТИВЫ Изборска как туристического места не так-то и просто. Вроде бы «медвежий угол» в 30 километрах от эстонской границы. Но расположен Изборск у федеральной трассы, ведущей из Пскова в знаменитый Псково-Печерский монастырь. Основа заповедника – крепость XIV века, по меркам реставраторов находящаяся в хорошем состоянии: 85 процентов сохранности. Но на стены не подняться, над башнями нет крыш, нет интересного военного музея и приличной смотровой площадки. Вокруг крепости раскинулась Мальская долина со Словенскими ключами и крупнейшей в стране площадью охранной зоны – 7,7 тысячи гектаров. Это красивейший ландшафт, включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В отличие, например, от Пушкинских Гор здесь не появилось новорусских особняков: строить можно только на старых фундаментах и не выше

8 метров. Зато до остатков древнего Труворова городища приходится идти пешком больше километра по пересеченной местности – ни транспорта, ни указателей нет. Отсутствуют также кафе (трактир есть только у крепости), парковки и удобные дорожки. Последние обустраивали в 2002 году на средства датско-эстонского гранта в 250 тысяч евро. А 2 августа 2002 года сюда неожиданно завернул Владимир Путин, ехавший из Пскова в Печоры. Президент пообщался с публикой, купил малосольный огурец и аппетитно похрустел им перед объективами телекамер. Сопровождающие лица последовали его примеру. Путин пробыл в Изборске меньше часа: осмотрел крепость, спустился к целительным ключам, зачерпнул рукой воды в озере...

И вскоре в Изборске появился экскурсионный маршрут «Тропой Путина», а в обычно скромной областной администрации выделили деньги на создание первого в стране музея президента и документального фильма «Здесь был Путин». Ныне покойный директор музея Леонид Панов стал частым гостем на центральных телеканалах: он хотел установить в Изборске несколько мемориальных досок о визите Путина. Но вместо досок вдвое увеличилось количество торговых палаток. «Заповедник – это наша гордость и наш крест, – рассказывает изборянка Вера. – У нас невозможно от-

крыть промышленное предприятие. Поэтому кормить нас может только крепость. В последний год два десятка мужиков получили работу на раскопках. То ли еще будет!» Едва директор Панов начал рассказывать о визите Путина, тут же нашлись деньги на реставрацию башни 1330 года, а Изборск стал местом паломничества высших сановников государства. Многие изборяне вполне серьезно думают, что они привозят с собой мешки денег.

Боевой ход

Баба Саша – единственная, кто торгует огурцами на площади перед крепостью. Она уже привыкла видеть себя на экране телевизора за спинами министров и вице-премьеров. Но для нее это не повод повышать цены: огурец, как и десять лет назад, стоит 5 рублей. «Путину, по-моему, огурец понравился, – рассказывает старушка. – А многие министры кривятся, но все равно едят. А для нас главное, что туристов стало больше – вон, видите, автобусам не разъехаться. Нормальной стоянки у нас нет. Многие из Питера палатки ставят в Мальской долине у озер. Вы что, к себе в Петергоф тоже с ночевкой ездите?» Число посетителей Изборского музея возросло за девять лет в пять раз – с 20 до 100 тысяч человек в год. В юбилейный год ожидают 300 тысяч туристов. Объявлено, что из федерального бюджета в 2011 году Изборск получит 150 миллио-



нов рублей, а к сентябрю 2012 года бюджеты всех уровней планируют вложить в городок 6 миллиардов. Реставраторы говорят, что нужно 8 миллиардов, но тут же осекаются: не погубили бы заповедник такие деньжищи.

«К юбилею планируем отреставрировать крепостные стены и башни, закрыть их от непогоды кровлями, – рассказывает директор музея-заповедника «Изборск» Наталья Дубровская. – Хотим также воссоздать «боевой ход». Это ловушка для врагов, которые, прорвавшись через крепостные ворота, попадали в каменный коридор. Нужно сделать трассировку исторических улиц и восстановить легендарный тайный лаз к Никольскому колодцу. Надеюсь, наконец появится оборудованная смотровая площадка с видом на Мальскую долину». Группа реставраторов уже восстанавливает «тайный колодец» XIV века, со дна которого уходит подземный ход. Тайник обнаружили сто лет назад, но до его

реставрации руки так и не дошли. Совсем недавно открыли для посетителей булыжную мостовую возле Никольских ворот, о существовании которой специалисты знали давно. Ожидается, что впервые начавшиеся в крепости археологические раскопки дадут множество деталей быта изборян.

Однако некоторые ученые считают, что Изборск стал местом рискованных экспериментов. Например, руководство музея планирует соорудить деревянную конусообразную крышу на стенах и башнях, а известный реставратор из Петербурга Михаил Мильчик с этим не согласен. «Чаще всего крыша была пологая, ее высота чуть превосходила человеческий рост, – рассказывает Мильчик. – Нынешний вариант значительно выше. Опасаюсь также, что при реставрации стен будет нарушена граница между историческим слоем стен и новоделом. Древние изборяне строили укрепления из грубо отесанного известняка,

а сегодня восстановленные части стен чуть ли не отполированы». Однако полемика искусствоведов – в стороне от вопросов выживания заповедника как историко-культурного объекта. Очевидно, что Изборск не повторит судьбу тысяч российских крепостей, монастырей и усадеб, умирающих от отсутствия какого-либо внимания.

У Михаила Мильчика и главы Псковского ВООПИиК Ирины Голубевой есть претензии и к вторгающимся в пейзажи Мальской долины вышкам сотовых операторов, и к разрастающемуся у стен крепости базару. Но Наталья Дубровская проблемы в этом не видит. Как часть туристического потенциала рассматриваются фирменные изборские варежки, пироги с капустой, грибами и вареньем, блины и, конечно, огурцы. А в сувенирной лавке на площади перед Изборской крепостью фигурки президента Путина и князя Трувора стоят рядом. «Без них крепость так без крыши бы и стоя-



ИТАР-ТАСС



АЛЕКСАНДР ДЖИС/БЕЛОРУСТО

ла, как в Себеже или Опочке», – с любовью поглядывая на фигурки, говорит продавщица.

Труворово городище

Другой туристический магнит Изборска – старинный двухметровый крест на кладбище. На нем нет никаких надписей, но местные уверены, что это – могила легендарного Трувора, брата Рюрика, который княжил в Изборске в середине IX века. Вообще-то многие ученые считают Трувора легендарным, а не реальным персонажем. А сам крест датируется XV веком. И ни в одном путеводителе не написано, что похожий крест стоит в километре отсюда, в стороне от туристических маршрутов. «Руководство музея немного лукавит, но цели преследует благие, – считает петербургский реставратор Андрей Званцев. – Оно хочет, чтобы реставрационные работы не ограничились одной только крепостью. Чтобы и Труворово городище было превращено в полноценный памятник археологии. Труворов крест – это удачный бренд Изборска. Его удобно тиражировать, он западает в память. В конце концов, под него удобно собирать деньги».

Много говорится и о перспективах археологических раскопок в Труворовом городище. Некоторые археологи недоумеваю: первые изыскания здесь проводились в 1870-е годы, регулярно возобновлялись, правда, каких-либо впечатляющих

находок не принесли. Но в преддверии юбилея Изборска на них проще получить деньги. И даже если не будет сделано серьезных находок, здесь можно устроить археологический музей.

В России около 90 тысяч памятников культуры, более половины из них – почти руины. Бюджет обречен реставрировать их точечно. Самый верный, и проверенный, способ получить финансирование – памятная дата. Или привязка к заметной исторической фигуре. Например, хорошо использовать Пушкина, но можно и Трувора.

«В любом случае Изборск – это колыбель славянской цивилизации, – говорит историк и писатель Сергей Ачильдиев. – Там находятся объекты исключительной ценности, а их за-

пущененный вид – позор. По сравнению с этим не так уж важно, существовал Трувор или нет. Важно, что его образ успешно помогает музею-заповеднику реставрировать объект». Процесс преображения Изборского заповедника получил и другое, вероятно, самое важное последствие. В городке проживает чуть более 600 человек. Это критическое число для российской провинции: на этом этапе часто закрывают школу, библиотеку, клуб, а молодежь уезжает в города. В Изборске наблюдается обратный процесс: сюда приезжают люди, покупают старые заброшенные дома, разворачивают хозяйство. Из школьного выпуска этого года почти никто не уехал. А значит, есть уверенность, что грядущий юбилей не станет последним. 

КОРНЕВАЯ СИСТЕМА

ДЕНИС
ТЕРЕНТЬЕВ

«КТО Я? ОТКУДА РОДОМ? КЕМ БЫЛИ МОИ ПРЕДКИ?» – ЭТИ ВОПРОСЫ СЕГОДНЯ ВСЕРЬЕЗ ВОЛНУЮТ МНОГИХ РОССИЯН. СТРАНА, КАЖЕТСЯ, ПЕРЕЖИВАЕТ НАСТОЯЩИЙ «ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ БУМ».

ПОСЛЕ 1917 ГОДА В РОССИИ началась беспрецедентная генеалогическая неразбериха. В постреволюционном хаосе многие, воспользовавшись моментом, меняли фамилии. Рабочие с завода могли называться Шереметевыми и Чарторыйскими, а бывшие господа прятались под «псевдонимами» Сидоровы и Петровы. Все со словия смешались в коммунальных квартирах, «красные» дети шли в штыки на «белых» отцов. Архивы без божко страдали от политических чисток и опустошительных войн. Сегодня нужно иметь немалое мужество, чтобы взяться за доскональное восстановление своей родословной.

На роду написано

Москвичка Юлия Сергеева обратилась к психотерапевту в связи с тяжелой и длительной депрессией. Проблему молодая женщина видела в своей работе: скучный высокооплачиваемый труд в офисе, куда она ходила как на каторгу. К удивлению Сергеевой, психотерапевт попросил ее составить... генеалогическое древо. Оказалось, пять поколений предков Юлии подряд выбирали работу, которая считалась денежной, но была неинтересной, а депрессия стала обычным эмоциональным фоном для членов семьи. Никто из предков не разбогател, зато из поколения в поколение детей в семье воспитывали, внушая, что трудностей бояться негоже.

Изучение семейной истории с 1978 года считается самостоятельным направлением в психотерапии. Согласно теории американца Мюррея Боуэна, во многих семьях поколения одно за другим повторяют занятия, ошибки и пристрастия своих предков, а браки или профессиональные достижения бабушки могут влиять на соответствующие решения внучки. Боуэновский метод генограммы первыми в России начали применять специалисты Международного института генеалогических исследований более десяти лет назад. И это только один из пунктов институтской программы «Российские династии». В России, чтобы работать с семейной историей, ее нужно для начала восстановить. А это долгий и кропотливый путь. В стране нет вуза, готовящего специалистов по генеалогии, нет господдержки частных изыскателей. Более того, Роскомнадзор находится в судебном споре с создателями частного портала «Российское генеалогическое древо», обвиняя их в нарушении закона «О персональных данных».

– Граждане о своих корнях мало что знают, но хотели бы знать больше, – говорит историк и телеведущий Сергей Ачильдиев. – Для генеалогии это огромный ресурс для роста. А власти рано или поздно поймут, что интерес к истокам рода в конечном счете способствует сплочению россиян как нации. Ведь история всегда неоднозначна. Знание способствует формированию взвешенного, спокойного взгляда на прошлое, где гордость за предков сосредоточена с пониманием, что их деяния – лишь часть исторического процесса. По программе «Российские династии» работают выпускники истфаков, которые начинали копаться в

архивах двадцать лет назад, а основная научная база – это добытые ими старинные справочники и путеводители. К примеру, подушевой список крестьян Тотемского уезда Вологодской губернии.

– Мы ведем системную работу в военных архивах, – говорит директор Международного института генеалогических исследований Леонид Жуков. – Наши специалисты способны установить не только награды и ранения бойца, но и место, где человек пропал без вести. Это делается с точностью до нескольких населенных пунктов: например, район деревень Петрово и Михайловка. Генеалоги говорят, что если государство всерьез возьмется за свою историю (оцифрует архивы, создаст соответствующие базы данных и т.д.), то в стране совсем не останется безымянных могил. А это и есть тот самый неоплатный долг, о котором в стране говорят в преддверии очередного Дня Победы.

Держаться корней

Круг источников генеалога достаточно велик. В метрических книгах каждой церкви фиксировались браки, рождения и смерти. Ревизские сказки представляли собой переписи податного населения, которые с 1719 по 1858 год проводились в России 10 раз. Итоги трех первых практически не пострадали и хранятся в столичном Архиве древних актов, а более поздние разбросаны по архивам областей и весях. Третий важнейший источник – исповедальные ведомости, которые с петровских времен были обязаны вести в каждой церкви: кто пришел на исповедь, кто нет и по какой причине.

– Ранние века можно проследить по писцовым книгам, которые так-



же хранятся в Архиве древних актов, – говорит профессиональный историк-архивист Дмитрий Соколов. – Обычный человек, даже если пустят в архив, элементарно не сможет их прочитать, потому что книги писались от руки, а правописание отличалось от современного. До 1917 года издавались переводы писцовых книг. Лично моя профессиональная библиотека составляет 800 томов, но это все равно капля в море.

Виталий Зайцев, глава петербургской компании «Истоки», имеет в штате всего двух сотрудников: секретаря и курьера. Еще три десятка специалистов он может привлечь к работе в региональных архивах,

чтобы не мотаться туда самому. Такие специалисты со связями в архивах главный капитал любой компании.

– В 90-е годы большинство заказчиков искали свои корни с корыстными побуждениями, – говорит Виталий Зайцев. – Наследство и возможная реституция ценностей – основные причины. Некоторые готовы были хорошо заплатить, но чтобы у них в роду обязательно нашли дворян. Сегодня изредка обращаются кладоискатели, которым нужна помощь со старинными картами местности. Но в основном люди заказывают исследования для себя. Они хотят знать своих предков, в том числе и по крестьянским

линиям. Люди потерялись во времени. Узнав, кем были его предки, человек раздвигает рамки своего бытия.

Европейские страны создают у себя единые стандарты доступа к архивам для частных генеалогических изысканий. При этом в Старом Свете давно признали, что граждане тратят на поиск корней избыточные доходы. Россияне куда более экстремальны: их не смущает даже необходимость полностью доверять исследователю.

– Если вам сразу говорят, сколько времени и денег потребуется на составление вашей родословной, то вас, скорее всего, обманывают, – говорит Виталий Зайцев. – Это все рав-



– В Европе мало кто готов тратить на генеалогические изыскания десятки тысяч долларов, – говорит Денис Зубов, глава компании «Пращуры». – Во-первых, архивы там систематизированы и общедоступны, ими можно пользоваться и без специалистов. Во-вторых, обычно человек представляет историю своего рода до пятого-шестого колена. В России генеалогия – это, как правило, работа от полного нуля. И если уж люди за нее берутся, то денег не жалеют.

«Крупное дело» – это полное воссоздание истории рода. Бывает, заказчик хочет отследить всего одну ветвь, где, например, прослеживаются дворяне. Или человеку нужно лишь уточнить место рождения деда или какой-нибудь факт его биографии.

– Регистрацией смертей и рождений ведали церковные приходы, которые большевики разрушали вместе с архивами, – говорит Денис Зубов. – Но и сохранившиеся хранилища имеют свою специфику. Например, они обязаны отвечать на запросы граждан, и для этого у них заготовлены специальные бланки ответов: «По вашему запросу информация не найдена».

Любой генеалог знает, что такой отказ ничего не значит, а успех в профессии зависит от умения работать на этом поле, где ветхие дела не оцифровывают и на руки не выдают. Нормальный срок работы над историей рода составляет полтора-два года.

До десятого колена

В Европе историю рода принято оформлять в качестве традиционных родовых древ. Родоначальника обозначают стволом, его детей – разветвлением, далее – внуки и правнуки. Для наглядности дерево раскрашивают. Мужчины с потомством пишутся на желтом фоне, бездетные – на красном. Для замужних женщин предусмотрен лиловый фон, для девушек – синий. Живые записываются на зеленом фоне. Мужские имена пишутся в прямоугольниках или ромбах, женские – в кружках или овалах.

Российские генеалоги пошли дальше. В одном агентстве придумали оформлять находки в виде книги на основе истории России. Исторические факты в ней соседствуют с рас-

сказами о предках, а ксерокопии архивных документов – со старинными картами и современными фотографиями. Воссоздаются быт и нравы сословий региона. Если повезет, то документов может набраться на несколько томов, которые роскошно оформляют и даже искусственно старят бумагу.

В другом агентстве историю рода оттеняют описанием семейных реликвий: часов, орденов, столового серебра. Вместо книги, выпускаемой в единственном экземпляре, родословная может быть издана в виде глянцевого журнала, чтобы раздаривать его знакомым. Но большинство заказчиков все же заказывают исследование исключительно для собственной семьи.

– У меня был случай, когда мне пришлось разыскивать дочь пожилой заказчицы и с ней советоваться, – говорит Денис Зубов. – Ее дедушка служил в НКВД и про него всплыли такие факты, что сердце его дочери могло не выдержать. А бывает веселее. Предок заказчика был из псковских крестьян, в 60 лет он вдруг женился на 19-летней девушке, у которой через два месяца родилась двойня. Сразу после этого барин наградил их землей и вольной. Выяснилось, что сын барина был изрядным повесой и без всякого дела жил в имении на содержании отца. Стоит отметить, что заказчик не стал требовать документального оформления открывшихся дворянских корней.

Генеалоги говорят, что самодостаточный заказчик – это один из признаков выздоровления общества, в котором принято отделять личное от общественного и бережно относиться к истории. В 90-е годы резко возрос в цене бланк метрики, с помощью которой недобросовестные генеалоги «наводили мосты» от дворянских родов к роду заказчика. Между прочим, сегодня эта метрика снова подешевела, а сама услуга не востребована.

– Влияние генов на характер человека очень велико, а самые несчастные люди те, кто не может принять себя настоящего, – говорит историк Валерий Заворотный. – В России были попытки отменить национальность, семью и веру. Но люди смогли это не только пережить, но и разобрать, систематизировать и поставить на полку в кожаном переплете. ●

но что следователь заранее скажет вам, когда раскроет убийство. Генеалог берет почасовую оплату за время, проведенное им в архивах, а дальше все зависит от везения. И заказчику приходится верить ему на слово.

Изначально генеалогу может показаться, что география исследования будет ограничена, например, Тверской областью. А следы повели в Иркутск и Омск, где у фирмы нет своих специалистов. И генеалог должен отправиться в сложную командировку, а заказчик – принять дополнительные расходы. Иностранные заказчики отказываются от исследования на этом этапе значительно чаще российских.

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

КРУЖЕВНОЙ УНИСОН

СЕРГЕЙ
ВИНОГРАДОВ

В ВОЛОГДЕ ЗАФИКСИРОВАН МИРОВОЙ РЕКОРД: 570 МАСТЕРИЦ ИЗ 10 СТРАН ДВА ЧАСА БЕЗ ПЕРЕРЫВА ПЛЕЛИ КРУЖЕВА.



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

КРЕМЛЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ Вологды получила еще одну единицу измерения своего пространства – в кружевницах. В июле было установлено, что главная площадь города, на которой стоит великолепный Софийский собор, легко вмещает без малого шесть сотен мастерниц с подушками для плетения, раскладными подставками и стульчиками. Вместит и тысячу, а вот для двухтысячного рекорда наверняка придется искать другой город.

Снежинка в разгар лета

Много веков кружевницы разных стран ведут негласное соревнование. Польки утверждают, что именно они научили всех славян создавать красоту с помощью нитки и деревянных палочек, французы, чтобы отличаться, плетут черные кружева, а в музеях Италии сохранились кружева такой древности, что в момент их рождения многие народы еще не обрели письменности. В России свои споры: на звание столицы русского кружева претендует

несколько регионов. В вологодской акции установления рекорда России (на Русский Север съехались кружевницы со всего света, от Австралии до деревни Братково Вожегодского района Вологодской области) победу над всем миром одержали хозяева. Гости плели свои рисунки, не подозревая, что воспевают вологодское кружево. Лишь с самолета да с колокольни Софийского собора можно было увидеть, что кружевниц рассадили традиционным вологодским узором «снежинка».



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Рекорд России по самому массовому кружевоплетению установлен, но пока лишь формально: оформление бумаг потребует некоторого времени. Достижение можно считать и мировым – в Книге рекордов Гиннесса подобного нет, но представителей знаменитой книги на вологодской площади не было. Согласно правилам, на Кремлевской площади рекорд зафиксировала специальная комиссия, а также не один десяток телекамер и фотоаппаратов. Данные будут отосланы в Москву, откуда

придет официальная резолюция: состоялся рекорд или нет. По рекомендации редколлегии Книги рекордов России факт достижения должны подтвердить известные и авторитетные люди. Думается, с этим проблем не возникнет: в то время как без малого шесть сотен кружевниц не отрывали глаз от своих подушечек, площадь в сопровождении губернатора Вологодской области посетили жена президента России Светлана Медведева и известный модельер Валентин Юдашкин.

Сначала кружевницам дали время хорошенько размять пальцы, после чего объявили пятиминутку активного кружевоплетения. В это время все участницы должны были сидеть на своих местах и синхронно плести. Понаблюдать за акцией пришло более 5 тысяч человек. Концерт, организованный на площади, остановили, музыка замолчала. Объявленная тишина давала возможность членам комиссии, в которую помимо представителей местных органов власти вошли художник и нотариус, услышать, кто из кружевниц не выдерживает темпа. Но таких не оказалось. Русские, французы, поляки, словенцы, ирландцы и одна австралийка работали в унисон. Пятиминутки тишины для верности повторили четыре раза с интервалами – акция заняла около двух часов. После того как со сцены объявили о том, что рекорд зафиксирован, многие кружевницы отставили подушечки и отправились общаться с коллегами. «А как вы тут привязываете? Совсем без иголки? И не разматывается?» – вопрошала кружевница с вологодским оканьем соседку из Словении. Та пускалась в объяснения на своем языке, причем женщины отлично понимали друг друга.

Не мужское дело?

В России мужчину с коклюшками, скорее всего, подняли бы на смех, порекомендовав взять в руки топор или лопату. А в Западной Европе бородатый мастер, демонстрирующий гостям картины собственного кружевного производства, вовсе не редкость и воспринимается как художник. Среди 570 участников акции массового кружевоплетения представителей сильного пола было пятеро.

Победительница профессионального конкурса кружевниц «Серебряная коклюшка» Татьяна Соколова из Череповца рассказала, что за ее более чем двадцатилетнюю преподавательскую деятельность в группе по кружевоплетению центра «Народные истоки» учились всего двое мужчин.

Вот и выходит – чтобы заниматься женским делом, иногда требуется настоящая мужская смелость. 19-летний вологжанин Руслан Санин такой обладает в полной мере. Свое



право на постижение кружевного мастерства он отстаивает ежедневно, обучаясь в группе, состоящей из одних девчонок.

— Моя бабушка в молодости когда-то плела кружево, но потом забросила это дело, — рассказывает Руслан. — Я в детстве как-то нашел коклюшки на чердаке и стал с ними играть, стал спрашивать, для чего они. Так постепенно, шаг за шагом, стал интересоваться кружевом, разбираться в нем. Захотелось попробовать самому что-нибудь сплести. Для этого я поступил в училище на специальность «кружевоплетение». В нашей группе я один юноша, но не переживаю из-за этого — с девчонками ладим очень хорошо. Я один из лучших в учебе, и они ко мне за советом ходят, просят научить, чего не поняли. А вы говорите — женское ремесло.

Все возрасты покорны

Акция продолжалась два часа. Самая юная ее участница — трехлетняя Люба Тихомирова — не выдержала такого долгого сидения на солнцепеке, запротестовала в тенек, куда ее и унес отец. На подушке Любочки к этому моменту уже красовалась незаконченная кружевная бабочка. Одно крыльишко выплела, другое оставила на потом, ког-

В самый разгар акции Кремлевскую площадь Вологды посетили супруга президента России Светлана Медведева, модельер Валентин Юдашкин и губернатор Вологодской области Вячеслав Позгалев

да солнце зайдет за облако. От журналистов Люба пряталась за папу, который и выступил посредником для пишущей братии. Оказывается, плести кружева Люба любит почти так же сильно, как смотреть мультики, а в будущем мечтает учить людей, хотя пока не определилась — чему.

Девочка родилась в знаменитой на всю Вологодскую область династии Тихомировых из поселка Васильевское Вологодского района. Установливать рекорд в областной центр приехали мама, бабушка и сестра Любы.



Общий стаж кружевоплетения у Тихомировых приближается к сотне лет, в прошлом году «семья» выросла в несколько раз. В родной деревне для Тихомировых создали кружок кружевоплетения, куда ходят учиться десятки односельчан — от детсадовцев до пенсионеров.

Галина Суслова тоже пенсионерка, но кружков и курсов ей не требуется. Самая опытная участница рекордного кружевоплетения, 74-летняя вологжанка, сделала первый плетешок (простейший кружевной элемент) под присмотром матери в годы вой-



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Луиза Сенекал из Канады сидит за пальцами несколько десятилетий, но при этом считает себя ученицей

ны. Тогда ей было столько же лет, сколько Любке Тихомировой сегодня. Когда выросла, окунулась в городскую жизнь и забыла кружевоплетение. Но несколько лет назад Галина Павловна увидела в магазине цветные кружева, и сердце сладко заныло. Обозначенная на ценнике сумма была ей не по карману, и старушка решила вспомнить юность и извлечь из древнего сундука материнские орудия труда. Первая же проба доказала – руки все помнят.

– Сейчас я живу в городе, а родилась и выросла в сельской местности, – рассказывает Галина Суслова. – Моя мама замечательно плела кружева. В годы войны на кружевницу накладывали норму, плели в основном ночью, при лучине, после целого дня работы в колхозе. Не знаю, зачем государству понадобились кружева в войну и куда они шли – наверное, их куда-то продавали. Когда мне было года три-четыре, мама увидела мой интерес к кружеву и посадила рядом. Через пару лет я уже плела сама и помогала ей справляться с нормой.

На языке коклюшки

Поначалу организаторы планировали, что сплетенные кружевницами кусочки будут собраны в единое полотно, олицетворяющее общ-

ность народов и мастеров. Красивая идея была раскритикованы кружевницами, заранее усомнившимися в эстетических качествах будущего «лоскутного одеяла», – слишком разные школы, манеры и рисунки. Подавляющее большинство участников акции составили россиянки из 24 регионов страны. Дабы рекорд состоялся (а представители Книги рекордов России отказывались ехать в Вологду, если бы собралось менее 500 кружевниц), приглашались все, кто способен держать в руках коклюшки: профессионалы и любители-самоучки, воспитанницы кружков и училищ. Примерно каждая десятая участница представляла иностранное государство.

– Уникальность кружева нашей ассоциации, наверное, в том, что мы объединили множество техник разных школ, – рассказала журналистам президент Международной ассоциации игольного и коклюшечного кружевоплетения Луиза Сенекал из Канады. – Можно сказать, взяли все лучшее у разных наций. Каждая вторая иностранка на площади – руководитель какой-нибудь ассоциации или общества в своей стране. Вице-президент Организации коклюшечного кружева польского городка Бобова Ева Шпиля поведала, что впервые взя-

ла коклюшки в руки не в детские годы, как большинство кружевниц, а после замужества.

– Это было двадцать семь лет назад. Моя свекровь была известная кружевница, и я занялась этим, чтобы ей понравиться. Но потом и сама полюбила кружево. Плету почти каждый день по вечерам. Когда домашние уснут, я сажусь у телевизора и с головой ухожу в рисунок. Свои изделия я не продаю, у нас это не принято, а использую для домашних нужд и раздариваю родственникам и друзьям.

У кружевниц разных наций и коклюшки разные: вместо длинных коклюшек толщиной с палец, которые используют вологжанки, у польки Шпили – большие коклюшки с набалдашниками, а француженки, наоборот, используют тоненькие спичкообразные орудия кружевного труда.

– Рисунок сложный, нитка тонкая, вот и коклюшка маленькая, – объясняет Розана Арби из Франции. И добавляет: – Я очень рада участвовать в этом замечательном фестивале. Без малого 600 кружевниц сидят вместе и плетут – это мечта, я такого раньше не видела. Ощущаю единение всех кружевниц на этой площади. Мы молчим, но разговариваем с помощью коклюшек. 

«И СТАЛ ОН ПАРНЕМ ОЧЕНЬ КЛЕВЫМ И ЛУЧШЕ ВЫДУМАТЬ НЕ МОГ»

ЛЮБОВЬ
РУМЯНЦЕВА

СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ МЫ, ВЗРОСЛЫЕ, УЖЕ ПРИВЫКЛИ ОБВИНЯТЬ ВО ВСЕХ СМЕРТНЫХ ГРЕХАХ. ГОВОРЯТ ОДНОСЛОЖНО, ЧИТАТЬ НЕ ЛЮБЯТ, ТОЛЬКО И ДЕЛАЮТ, ЧТО ИГРАЮТ В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ И СМОТРЯТ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ. НО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВЗРОСЛЫЕ, КОТОРЫЕ ЕЩЕ НЕ ПОТЕРЯЛИ ВЕРУ В ДЕТЕЙ, РЕШИЛИ СЛОМАТЬ СЛОЖИВШИЕСЯ СТЕРЕОТИПЫ. И СЛОМАЛИ: ОКАЗАЛОСЬ, В ДУШЕ КАЖДОГО РЕБЕНКА СКРЫВАЕТСЯ ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЛКА НАСТОЯЩЕГО ПОЭТА.

– Первая «Табуретка» собрала около 100 детей, – рассказывает один из организаторов проекта, Евгений Шлионский. – Конечно, далеко не все из них стремились забраться на табуретку и прочесть свои творения, многие стеснялись – и совсем малыши, и подростки. Мы никого не заставляли – это наш принцип. Предоставляли детям возможность перебороть свой страх. И в итоге очень многие блестяще справились: не только выходили на «сцену» и читали свои стихи, но и импровизировали на ходу. Правда, потом все очень интересовались – кто же выиграл в этом «конкурсе»? Сложно было объяснить, что тут нет проигравших, все – победители… А наша задача – лишь дать им толчок для собственного творчества.

– Когда я слышала, как выступают дети, мороз по коже пробирал, – рассказывает мама одной из девочек Ольга Захарова. – Кажется, ну о чем они, такие маленькие, могут писать? А оказывается, они понимают жизнь ничуть не хуже взрослых, хотя и с другой, детской стороны. Рассуждают о жизни, о смерти, о любви. Например, одна девочка спела песню собственного сочинения про пингвиненка, мечтавшего научиться летать. Он залез на высокую гору и сказал, что по-

летит с нее. Его все отговаривали, убеждая, что он разобьется, но он настоял на своем: «Я все равно полечу – не важно, вверх или вниз». И все-таки он полетел вверх. Юные поэты, участвовавшие в фестивале, получили свой подарок – по одному стихотворению каждого опубликовали в специальном изданном детском поэтическом сборнике, причем каждый автор должен был сам проиллюстрировать свое произведение. Правда, взрослые получили подарок куда лучше: возможность собрать детские стихи и понять, чем живут современные дети.

Творчество по СМС

– Дети есть дети, – говорит Евгений Шлионский. – Они пишут о том, что видят: о погоде, о маме и папе, о том, как наступила зима и они наряжают елку, или о том, как из садика пошли в школу. Правда, у современных талантов есть новые способы записать свое творчество. Если тридцать лет назад дети сочиняли стихи и записывали их огрызком карандаша на бумаге, то теперь на помощь поэтам пришли новые технологии. – Мне приходят в голову стихи, когда я ложусь по вечерам в кровать, – признается 10-летняя Наташа

«С

УХИЕ ЛИСТЬЯ. ГЛАДКИЙ лед. Шумит ручей, и снег идет. Зима, лето, осень, весна. А мы с тобой все идем в никуда» – такое небольшое стихотворение написала Марина Домбровская. Девочке всего 9 лет, но ее никак не обвинишь в отсутствии философских размышлений. Марина – одна из участников детского поэтического фестиваля «Табуретка», который недавно прошел в Петербурге. Первой площадкой маленьких поэтов стал Фонтанский дом, где находится Музей Анны Ахматовой. Дети действительно залезали на специальную табуретку (некоторых, по причине малого возраста, приходилось на нее ставить родителям) и читали свои стихи с импровизированной сцены.



FOTODETSTVU.RU

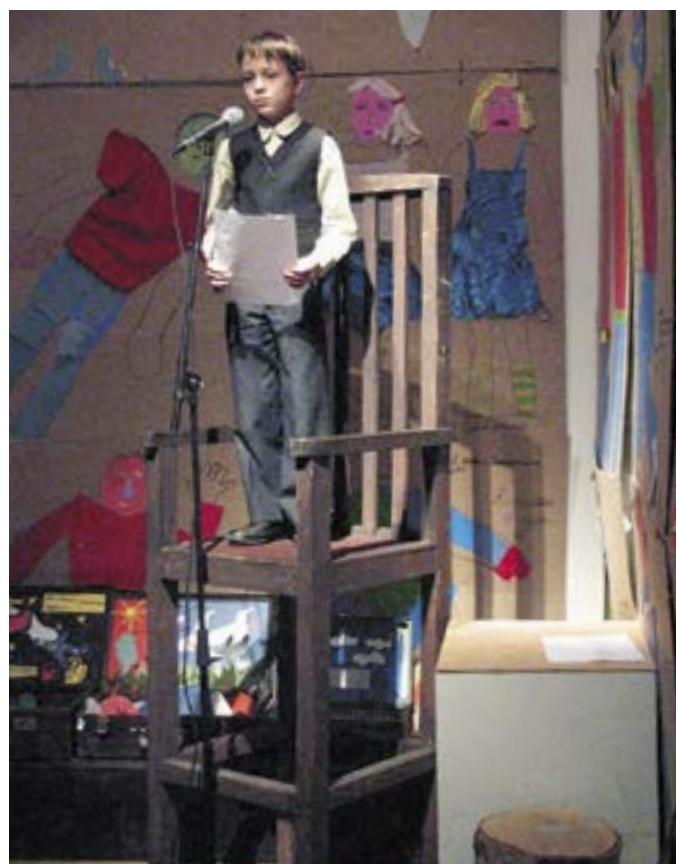
Бахонкина. – Сначала я их записываю на мобильный телефон, а утром переписываю в тетрадку. Уже два года я пишу стихи, даже помню, как сочинила первый: моя младшая сестра принесла с прогулки кленовый листок, и я вдруг взяла и сочинила стих про осень. Иногда, когда мне бывает грустно, я пишу печальные стихи, а когда весело – радостные. Один раз, когда я жила с бабушкой на даче, писала стихи родителям и отправляла им по СМС.

Свои творения Наташа в первую очередь читает морской свинке Агоше, которую иногда выгуливает на улице на травке. По словам юной поэтессы, Агоша проявляет большую поэтическую чуткость, а в самых удачных местах даже подпевает.

– Иногда мои стихи зачитывает учительница в школе, – говорит Наташа. – Но это не всегда хорошо кончается. Один раз я написала стихотворение про наш класс, и там была такая фраза: «Есть у нас Сережа, который корчит рожки». Так Сережа еще долго за мной гонялся...

Дети с волнением ждут своего выхода на «сцену»

Первыми на табуретку залезают самые храбрые поэты



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ



FOTODETSTVO.RU



FOTODETSTVO.RU

награда
за решимость –
публикация
в стихотворном
сборнике...

...И восхищение
младших братьев
и сестер

небес. И развешан иней по стволам берез, полон лес тревоги, тайных грез, – торжественно выводит 11-летняя Саша Малахова.

А ее ровеснице Ире Коваль чужды «высокие материи», вдохновение она черпает в окружающих прозаических вещах.

– Люблю свою метелку я, мы настоящие друзья. Она верней любой подружки, она – мила! Ну просто душка! Поет метелка, как пичужка, и тем щекочет мои ушки, – декламирует она.

У мальчиков темы, естественно, более «мужские».

– Эй, спасайтесь поскорей! Убежал на кухне клей! – сочиняет 8-летний Максим Шмаков. – Никого он не жалеет, всех, кого он встретит, – клеит. Все скамейки стали клейки, кто присел – приклеился! Двенадцатилетний Дима Добряков мучился над своей басней о талантливом музыканте несколько дней, постоянно внося в нее поправки, а 9-летний Паша Ботвинник заглянул на «Табуретку» за компанию, но ему так понравилось, что он сел и тут же написал стихотворение.

– С тех пор его прорвало, – смеется его мама Прасковья. – Все пишет и пишет!

Малыши – о Петербурге, подростки – о любви

Еще одна тема, которая интересует детей, – это Петербург. Пусть говорят, что дети сейчас нечувствительны к прекрасному, но красоты родного города не оставляют их равнодушными. У каждого – свой Петербург. У 9-летнего Левы Домбровского – история мышки, которая «была чуть мокра и сыровата, ходила она по улицам нашим, заходила

Юные Пушкины и Лермонтовы

Многие дети своим творчеством доказывают, что бедность их словарного запаса, о которой постоянно твердят родители и учителя (мол, кроме «о’кей» и «круто», они ничего сказать не могут), не более чем очередной стереотип о «современной молодежи».

– Вы хотите послушать мои стихи? – оживляется 9-летняя Аня Захарова. – Я вам тогда прочту не то, что опубликовано в сборнике, а мой новый стих, я его буквально на днях написала.

Девочка ждет, пока я достану ручку, и начинает размеренно диктовать, подражая, видимо, своей учительнице.

«С горизонта сдернув пелену,
Выпустив лишь тонкий луч рассвета,
Солнце, вдребезги разбив фарфоровую
тьму,
Согревало медленно планету.
Желтые, оранжевые, красные,
Засверкали в небе облака,
Загорелась в лучах солнца ясного
Синяя красавица-река».

Видно, что Ане самой очень нравится ее творчество, хотя девочка и признается – подыскивать рифмы было довольно сложно.

– Я назвала стихотворение «Рас-свет», – важно поясняет она. Многие детские стихи посвящены природе. От самых простых: «Тучки весело играли – убегали, догоняли. Дождик капал тут и там – было весело цветам» (Катя Бахонкина, 5 лет) – до сложных, навеянных чисто питерским осенним настроением: «По улицам широким и то-скливым проходят люди, кутаясь в пальто. Им хочется увидеть солнца лучик, но только ветер хмурый бьет в лицо» (Аня Петрова, 12 лет).

Детские творения можно условно поделить на две категории: одни дети серьезно подходят к написанию своих произведений, придумывают пафосные рифмы (часто, впрочем, копируя уже известных им классиков), а другие весело и бесшабашно лепят одну рифму за другой, сочиняя забавные истории.

– Снег повис клоками, околдован лес. Тишина таится в сумраке



ФОТОДЕСТВО.РУ

в музеи, узнавала историю города». А 10-летняя Полина Евстафьевна проводит небольшую экскурсию по Невскому проспекту: «Гостиный, Дом книги, Казанский собор ведут меж собою немой разговор. И каждый мой шаг будто в небо зовет, туда, где над шпилем Кораблик плывет».

Конечно же, дети постарше – а в «Табуретке» участвовали все желающие до 18 лет – уже не пишут про птичек и цветочки, да и тема родного города их уже не так привлекает. У подростков – серьезные рассуждения: о смысле жизни, о непостоянстве, о мироздании и, конечно, о любви.

– Я поставила точку, словно знак конца. Это всего лишь точка, она не для меня. Я всего лишь уезжаю. Здесь расставанья ни к чему. Я поставила точку, но я еще приду, – поженски непоследовательна 12-летняя Юля Шумилова.

– Я счастлив, что мы на берегу вдвоем и просто, искренно живем, – вторит ей 17-летний Павел Вагин. – Подвинься ближе, будет так теплей, смотря на вдали идущих, чужих каких-то кораблей...

– Моя бабушка говорит, что, глядя на мои стихи, можно подумать, что у меня уже богатейшая любовная биография, – смущается 16-летняя поэтесса Лена Иванова. – А на самом деле у меня еще никого не было... Где любовь, там и проблема выбора, трудность принятия решений – о многих своих проблемах «роста» молодые люди не готовы говорить прямо, но родители бы многое узнали о внутренней жизни своих детей, если бы прочитали их стихи.

– Кажется нам иногда, обстоятельства правят нами, – рассуждает 16-летняя София Жанарстанова. – Как стрелочник – поездами. Но выбор у нас есть всегда.

«Порочное» поколение

В детских стихотворениях, если их анализировать, очень интересно переплетаются реалии современной жизни – классические произведения, которые читают своим чадам родители, в головах молодого поколения смешиваются с услышанными репликами из телевизора, отрывками из популярных и детских

песенок, модные словечки и сленг сочетаются с высоким слогом. Причем для детей в этом нет ничего противоречивого, они

радостно переваривают всю поступающую информацию, еще не сортируя ее, как это делают взрослые, на «плохую» и «хорошую». Так получаются забавные стихи, например притча про «Удавов-интеллектуалов» 10-летней Наташи Шпажниковой. Удавы, сидящие на траве, «любили выпить чаю или капельку хлебнуть мохито, курнуть кальяна на ночь и говорить немного: «О, как же дальше жить?» А 10-летняя Ксюша Платонова не может выбрать, что же ей больше нравится – современный сленг или «Евгений Онегин». Поэтому она прекрасно совмещает их в своей «Песенке про попугая»:

– Наш попугай красавцем не был, и не любил его никто, – сочиняет она. – Но, поглядев однажды в небо, решил: куплю себе пальто. Куплю себе костюмчик новый и буду выглядеть как Бог. И стал он парнем очень клевым и лучше выдумать не мог.

Кстати, сведения о «порочности» своего поколения дети черпают опять же из разговоров и нотаций взрослых. И принимают на веру то, что с ними что-то не так. Свои мысли по этому поводу одна из авторов сборника выразила в стихотворении «Наше время».

– Наше время сложнее, чем у наших родителей, в наше время хитрее и злей соблазнители. Это время жестоко, но ведь мы в нем живем! Так зачем удивляться, что мы курим и пьем?! – сочинила 14-летняя Ирек Аджаматова.

Хотя взрослые, кажется, уже смогли заразить детей своим пессимизмом и неверием, тяга юного поколения к сочинительству не угасает, несмотря ни на что – ни на компьютеры, ни на «отупляющие» передачи по телевизору и мультфильмы.

– Мы убедились, что в России по-прежнему много юных Пушкиных и Лермонтовых, – смеются организаторы фестиваля. – Наша задача – не мешать им. Наша задача – вовремя подсунуть табуретку и обеспечить хорошие аплодисменты. Тогда дети поверят в себя, а потом уж и взрослые поверят в своих детей и их таланты. ●



ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛ

ЛЮБОВЬ
РУМЯНЦЕВА
ФОТО ПАВЛА
ГОЛОВКИНА

В САМОМ СЕРДЦЕ ПЕТЕРБУРГА – НА ПЛЯЖЕ ЗАЯЧЬЕГО ОСТРОВА ВОЗЛЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ – ПОЯВИЛИСЬ НОВЫЕ, НЕОБЫЧНЫЕ «ЖИТЕЛИ». ЗДЕСЬ ВЫРОСЛИ ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ И ПАРФЕНОН, «ПОСЕЛИЛИСЬ» САЛЬВАДОР ДАЛИ, НЕФЕРТИТИ И МИККИ-МАУС. СОЗДАНЫ ОНИ ВСЕ ИЗ ПЕСКА – ПО МНЕНИЮ СКУЛЬПТОРОВ-АВТОРОВ, САМОГО ФИЛОСОФСКОГО МАТЕРИАЛА В МИРЕ.



С первых дней х международного фестиваля песчаных скульптур на пляже царит суета: грузовики привозят тонны песка, устанавливается забор, за которым идет очень серьезная, но непонятная горожанам работа. То и дело слышны взрывы хохота и иностранная речь – английская, немецкая, латышская, португальская. И чаще всего употребляется слово «песок»: sand, sable, sabbia... Песок – это альфа и омега здешних скульпторов. Загорелые люди с лопатами и мастерками буквально «погружаются» в материал, внимательно изучают его, очищают,

выкидывают мелкие камешки, засыпают в формы, заливают водой, трамбуют... Дел очень много, а фигуры должны быть закончены за пять дней. Главное, чтобы песок не подкачал. Его специально привозят из карьера в Ленинградской области, хотя, казалось бы, на пляже Заячьего острова полно- полно своего песка. – Для скульптур нужен первоклассный песок, – объясняет одна из участниц фестиваля, Мария Гроз-

ная. – Например, моя партнерша из Финляндии Ева, с которой мы вместе в этот раз работаем, говорит, что у них на родине скульпторам по песку приходится нелегко: песок более жесткий, в нем часто попадаются камни. А здесь песок чистый, хотя иногда надо было удалять кусочки глины и камешки. Они – главные враги скульптур, создают неровную текстуру, из-за которой вся конструкция может просто обрушиться!



Песчаная философия

В этом году команд собралось немало: Россия, страны СНГ и Европы, есть даже представители из африканской Ганы и Австралии. Многие уже знакомы по предыдущим фестивалям, ведь их проводят по всему миру каждое лето.

К работе все приступают одновременно, каждая команда приходит на пляж не с пустыми руками – идеи и эскизы будущих скульптур придумываются заранее. Тема нынешнего года – «Шедевры мировой культуры». С одной стороны, она очень простая, так как дает богатый простор для выбора, а с другой – невероятно сложная.

– Тут главное – не сбиться на банальности, – говорит Алексей Дьяков из Москвы. – Обычно при слове «шедевры» у всех возникают примерно одни ассоциации, а надо найти что-то свое.

Сам Алексей Дьяков со своим датским коллегой подошли к делу философски: изобразили обезьяну, задумчиво взирающую на знаменитого «Витрувианского человека» Леонардо да Винчи.

– Человеку легко деградировать, если он отступит от канонов красоты и гармонии, – объясняет идею скульптор. – Вообще, песок очень





философский материал для любого мастера. Кое-кто относится к нему несерьезно, мол, песчаные скульптуры – временное явление, поэтому надо создавать кич. Хотя нет ничего более постоянного, чем временное. Поэтому, создавая произведение, которое разрушится через месяц, ты все равно создаешь определенную энергию, она остается в мире точно так же, как если бы ты создавал монументы из металла «на века». Песок достоин того, чтобы из него делали классические произведения!

– Я много работала и с металлом, и с гипсом, – говорит Мария Грозная. – Но прелесть песка именно в его недолговечности. Ты можешь дать волю фантазии и за несколько дней создать что-то интересное и даже грандиозное по размерам, не боясь при этом прослыть Церетели! Вы же знаете, как переживают за судьбы своих произведений все мастера, – и далеко не всегда судьба скульптуры счастливая, часто ей годами не могут найти подходящего места. А тут ты творишь без «задней мысли», зная, что твое детище порадует своим видом горожан, а потом рассыплется в пыль, освободив место для чего-то нового, для новых, еще более смелых идей. Зная об этом, совсем не страшно совершать ошибки!

Матрешки против Венеры Милосской

Мало кто из «настоящих» скульпторов не побоялся бы скопировать Венеру Милосскую, если бы ему дали в руки кусок мрамора. А песок с легкостью позволяет проводить и не такие эксперименты. Скульпторы Баграт Степанян и Павел Мыльников из Москвы «замахнулись» на самую красивую женщину в мире. Их идея своей оригинальностью вызвала большой ажиотаж на площадке: фигурки больших и маленьких матрешек, расположенных на шахматной доске, а самая маленькая из матрешек сталкивает с доски Венеру Милосскую в натуральную величину! Название композиции «Матрешки побеждают».

– Оказалось, все, даже ребята из Австралии, знают, кто такие матрешки, – смеются москвичи. – Неудивительно, что они могут тягаться с самой Венерой!

Конечно, не обошлось без распространенных сюжетов – лондонский Биг-Бен, Парфенон, храм Святой Софии и Нотр-Дам де Пари. По соседству – Пизанская башня, поддерживаемая рафаэлевским херувимом. Кстати, поддержка херувима име-





ет не только символическое, но и вполне практическое значение.

– Чем выше песчаная скульптура, тем больше вероятность, что она обрушится, – объясняет Мария Грозная. – Особенno если мастер и его

помощники недостаточно хорошо утрамбовали песчаные формы, добавили слишком мало или слишком много воды... Представляете, как всполошились скульпторы, когда за день до конца работы у них об-

рушились фигуры с острова Пасхи? Пришлось всю ночь перед открытием все переделывать заново... Такая же беда дважды случилась с диснейевским замком.

Белые ночи в помощь

Питерская погода не баловала мастеров: все дни стояла совсем не северная жара, периодически сменявшаяся грозами.

– Налетали такие шквалы ветра, поднимая в воздух песок, что мы, прячась от ливневых потоков, очень боялись за свои творения, – рассказывают участники. – Тем более что по правилам фестиваля ничего добавлять в песок нельзя, только воду. Это потом уже готовые скульптуры покрывают прозрачным kleевым раствором, чтобы они простояли месяц или даже два под любыми ветрами. А недостроенным фигурам (особенно там, где скульпторы долго вырезают мелкие детали, например человеческие лица) ветер, дождь и град противопоказаны.

Несмотря на климат, именно петербургский фестиваль пользуется у мастеров со всего мира большой любовью.

– Ну где еще вы можете работать, глядя на такой вид?! – спрашивает Мария Грозная, показывая на акваторию Невы с Зимним дворцом, набережными и Исаакиевским



собором. – И белые ночи – это большой подарок для нас, можно работать до полуночи и все еще не темнеет. А когда на город все-таки спускаются сумерки, то включается подсветка. Ощущение, что ты в сказке.

Есть у Петербурга и свои особенности, к которым жителям других стран довольно непросто привыкнуть. Например, за минуту до полудня все скульпторы бросали свою работу, вытягивались в струнку, за jakihami уши и открывали рот, замирая в такой странной позе. Это – не групповая медитация, просто каждый день ровно в 12 часов дня со стены Петропавловки раздавался грохот: полуденный выстрел пушки, по которому горожане сверяют часы аж с 1873 года. Пушка расположена прямо над площадкой со скульптурами, поэтому тем, кого

выстрел застает врасплох, приходится несладко.

– Мы даже не за уши переживаем, а за свои работы, – призналась латвийская участница Агнесса Рудзите. – Уши заложит ненадолго, а вот от вибрации фигуры могут пострадать. К счастью, все песчаные творения с честью выдержали выстрелы.

Агнесса не скрывает радости: именно ее работу из 30 других жюри признало лучшей. Девушка вместе со своим напарником изобразила земной шар внутри раскрывающихся лепестков. На каждом из лепестков – лицо Великой Женщины. По бокам – профили Нефертити и кубической женщины, а прямо на зрителя грустно глядит лицо Богоматери.

– Мы решили, что все шедевры в мире обязаны своим появлени-

ем женскому началу, – убеждена Агнесса. – И создали триединство веры (Богородица), любви (Нефертити) и надежды на будущее (кубический женский профиль). Чтобы создать образ Богородицы, мы не копировали какую-то определенную икону – это собирательный образ.

За что именно жюри так высоко оценило работу латвийцев, Агнесса не знает. Возможно, понравилась глубина идеи и неброское изящество исполнения.

– Мы здесь не ради наград, а ради процесса, – уверена девушка. – У скульпторов, работающих с песком, редко бывает жесткая конкуренция, все-таки жанр обязывает быть дружелюбными: лето, солнце, пляж. Мы все становимся немножко детьми в песочнице, у которых появился шанс слепить в этом мире что-то свое.

…Фигуры простоят до конца лета (хотя балтийская погода твердо решила проверить их на прочность и уже не раз испытывала готовые шедевры шквалами и ливневыми потоками). А вот скульпторы разъехались почти сразу же после открытия – пока сезон не закончился, они будут ездить по миру и строить «дома на песке» почти на всех континентах, помогая окружающим раздоваряться быстротечности и любить сиюминутное. ☺



ИНАЯ ЖИЗНЬ

ЛАДА
КЛОКОВА,
АЛЕКСАНДР
БУРЫЙ
ФОТО
АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

- ТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ УЙТИ ИЗ МОНАСТЫРЯ, ЕСЛИ ПОЙМЕТ, ЧТО ЭТО – НЕ ЕГО ПУТЬ?
- В ПРИНЦИПЕ, МОЖЕТ. МОНАСТЫРЬ – ЭТО НЕ ТЮРЬМА. НИКТО НА ВОРОТАХ НЕ СТОИТ И ТЕБЯ НЕ ОХРАНЯЕТ. ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ – МОЖЕШЬ УЙТИ...



МАТУШКА ИОАННА ОСТАНДАВЛЯЕТСЯ рядом с цветником, разбитым у монастырского Введенского храма, умолкает и смотрит в сторону. Мы тоже молчим, с удивлением разглядывая великолепный цветник: рядом с роскошными розами растут декоративная сиреневая капуста и крошечные оранжевые помидоры... И снова возвращаемся к непростой теме:

– Но ведь уйти из монастыря после пострига – это тяжкий грех...

– Это уже твои внутренние муки – проблемы совести, проблемы ответственности, вопрос веры и смиренения, – отвечает монахиня. – Ты же обеты принимаешь. Что ж хорошего, если их нарушишь? Если воин бежит с поля битвы, хорошо ли это? А если иметь в виду, так сказать, юридическую составляющую, то уйти человек может. Но это тяжелый вопрос: уход из монастыря или переход из одной обители в другую. Слишком много было такого движения по России в новое время, Святейший пат-

риарх даже издал указ: принимать монаха в монастырь можно только с отпускной грамотой из предыдущего монастыря и с разрешения владыки прежней епархии.

...Мы не раз говорили об этом с сестрами Свято-Введенского женского монастыря в Иваново. В ответ слышали примерно одно и то же: в начале 90-х люди активно шли в монастыри, ощущалась волна религиозного энтузиазма, но многие не были готовы к монашеской жизни. Сейчас число желающих принять постриг сократилось, да и, как считают монахини, нынешнее молодое поколение не всегда готово преодолевать трудности монастырских будней... Тогда же, в 90-е, не хватало опытных духовников и настоятелей. Впрочем, не хватает их и сегодня. А для монастыря это один из решающих моментов. Ведь очень многое зависит от духовных лидеров, вокруг которых собираются верующие...

Иконописцы

– Осторожнее! На лестнице темно и ступеньки крутые! – доносится с верхней площадки мягкий, чуть грациозный женский голос.

Навстречу с оглушительным лаем вылетает стаффордширский терьер Тара Холеровна. «Тара – потому что любит таарам устраивать, а Холеровна – потому что натуральная холера», – смеется мать Рахиль. Тара ласково тыкается мокрым носом в ладони и с чувством выполненного долга сопровождает нас в мастерскую.

Здесь царит уютный художественный беспорядок. Иконы, микроскоп, кисти, краски, маленькие венички из пучков перьев – ими иконописцы сметают частицы пыли после полировки левкаса. У входа в мастерскую – стеллажи с книгами по иконописи. Всю противоположную стену – от пола до потолка – занимают клетки, в них на жердочках устроились яркие, как елочные игрушки, птички. «Это амадины, – поясняет монахиня Христина. – А тут у нас щеглы и волнистые попугайчики». Еще в небольшой мастерской живет семейство белок дегу, морская свинка Наф-Наф, лохматые кошки Гоблин и Тоска, а также старенький добрый ротвейлер Ричард Львиное Сердце. Лет десять назад монахини подо-



брали его на улице. Тара появилась в мастерской недавно, и, конечно, по тому же сценарию.

Пока матушка Рахиль показывает иконы и рассказывает про краски («...используем только натуральные пигменты. Вот уголь обычный – из костра. Сами растираем на желтках. Это – киноварь, один из самых дорогих пигментов, которые покупаем. Он ядовитый, в нем свинец и ртуть, его растираем в респираторе»), монахиня Христина заваривает чай и расставляет чашки на журнальном столике, успевая при этом что-то читать в ноутбуке.

...В полукруглые окна мастерской вползают сумерки. Тара, выпросившая ломтик сыра, угомонилась в своей «будке» под столом, дегу уснули, кошки улизнули, Ричард дремлет на тюфячке, а мы все не можем наговориться. Монахини Рахиль и Христина необыкновенно солнечные, интересные люди. Матушка Рахиль высокая, прямая, как струна, у нее тонкие черты лица и изящные нервные руки. В разговоре она часто подтрунивает над собой, иногда непросто понять, когда она говорит всерьез, а когда – шутит. Матушка Христина – невысокая, улыбчивая, живая и очаровательно непосредственная. Обе они окончили Палехское художественное училище, обе обожают всякую живность, обе несут послушание не только в иконописной, но и отвечают за цветники.

– Ах вот кто создал такой оригинальный цветник! А как в компанию к розам затесались помидоры?

– В отношении цветников у меня большой опыт погибели и хаоса, – грустно говорит матушка Рахиль. – Моя мечта – создать полную гармонию в розарии. Конечно, если бы

Монахиня Кириена отвечает за монастырскую кухню и «стратегические запасы» монастыря

Монахиня Рахиль с Ричардом Львиное Сердце и Гоблином

были деньги, это можно было бы сделать. А помидоры мы посадили потому, что в некоторых местах по-вымирали розы.

– Матушка Рахиль, а сколько вы икон написали?

– Когда я пришла в монастырь, передо мной выложили горы того, что нужно было отреставрировать. И встал вопрос не о том, чтобы писать иконы, хотя иногда это удается делать, а о том, чтобы восстановить старые. Пришлось заняться реставрацией, сотрудничать со столичными реставраторами. Думаю, можно уже и категорию получать, только этим заниматься надо. А времени нет. Мы ведь еще стажеров берем на обучение. Приходят на практику ребята, а потом поступают, в том числе в Троице-Сергиеву лавру. У нас получается такой иконописный детский садик.

Нередко в мастерской образуется и обычный детсад. Это происходит тогда, когда сюда приводят на экскурсию маленьких ребятишек.

– Им говоришь: «дети, это – иконописная». А они: «О! Птички!» – смеется матушка Рахиль. – А однажды вошла группа, которая сильно удивила. Вроде дети, а такие взрослые!

Никто никуда не кидается, не ловит кошек и собак. Встали полукругом и молчат. И заходит экстравагантная женщина, стриженная под Хакамаду. Я спрашиваю: вы кто? А она: мы – французы.

С поляками история вышла еще интереснее. Сотрудники студии Анджея Вайды приехали в город, чтобы снять документальный фильм о знаменитых ивановских ткачихах. Так уж случилось, что они пришли на экскурсию в монастырь и попали в иконописную. А когда одна из кинематографисток увидела, как матушка Христина звонит в колокола (а она, между прочим, еще и на клиросе поет), то загорелась идеей снять о ней фильм. Он, кстати, уже почти готов.

– Матушка Христина, когда можно будет фильм посмотреть?

– Ой... Меня теперь все об этом спрашивают. И что его смотреть? Вот вы же меня видите? Ну, вот то же самое минут 50...

От дружного хохота просыпаются Тара и Рич, амадины поднимают гвалт, а матушка Христина смотрит на всех и улыбается: «и чего я такого смешного сказала?»





Утешение

Старшего звонаря – матушку Феофилу – мы отыскали на монастырском дворе, где она в компании монахинь и послушниц чистила гору свежесрезанного укропа. Пока мы идем к керамической мастерской – это еще одно послушание монахини, – она рассказывает об обязанностях звонаря:

– Утром вставать надо раньше всех. Пока остальные умываются, бежишь на колокольню. Даже если болеешь, надо идти. Когда ветер холодный или мороз – приятного мало, вот летом звонить – хорошо. Я лет пятнадцать звонила. Правда, сейчас почти не звоню, врачи из-за зрения запретили: у самого большого колокола язык 70 килограммов весит, а его тянуть надо... Но опыт сестрам передала.

Четверть керамической мастерской занимает печь для обжига, оставленное пространство уставлено столами и стеллажами, так что повернуться негде. На полках теснятся сотни ярких фигурок – схимники, монахини, священники, ангелы. Почему-то возникает стойкое ощущение детства и Рождества, а глиняные фигурки так и просятся в руки...



Матушка Феофила в обители уже двадцать лет, пришла, когда монастырь только создавался. «Я из поволжских немцев. Родители были неверующие, а бабушка была католичкой, водила меня в храм. Но мне в кирхе не нравилось, – говорит монахиня. – И все время будто чего-то

Монахиня Феофила, рясофорная послушница Наталия, инокиня Татиана и монахиня Анастасия создают в керамической мастерской маленькие шедевры

ИЗ ЗАПИСЕЙ В БЛОГЕ МАТУШКИ ИОАННЫ

«Два раза в год, на Рождество и Пасху, собираем деньги на подарки детям (маленьким, но уже наркоманам, зараженным ВИЧ, сиротам, уже совершившим правонарушения), взрослым (инвалидам-колясочникам и лежачим, осужденным, больным туберкулезом) и что интересно: на наш призыв в основном откликаются те, кто столкнулся с бедой, кто имеет небольшой доход, кто сам болен. Неужели действительно: «сытый голодного не разумеет» и чем больше мы имеем, тем неохотнее расстаемся с нажитым?»

«За иконный ящик пришла женщина, просит икону для кухни, чтобы повесить над обеденным столом, и называет икону «Достойно есть». Что у них там в головах происходит? Хорошо хоть благочестивое желание: достойно есть, пить и спать...».

«Из письма: «Почему это я должен идти в ад? Я не просился в этот мир, а потом, если бы я знал, какие здесь требования, я бы поостерегся рождаться». Мы не умеем принимать. Не умеем принимать ни подарки, ни проблемы. Чтобы принять подарок, нужно найти в себе хоть немного любви, чтобы принять проблему – мудрости. Мы научились обвинять и требовать, но не научились благодарить и рассуждать».

«Суббота, у нас благотворительный обед. Как-то довелось услышать, что теперь нет нужды в благотворительных обедах, мол, все живут сносно. На вряд ли приходящие к нам неимущие с этим согласятся, их «сносно»: крохотная пенсия, болезни, одиночество. Они не стесняются, когда их фотографируют, не стесняются рассказывать о своих проблемах и хворях, с радостью читают [кто знает] или слушают «Отче наш», ревностно следят, чтобы сосед не забрал себе всю сметану или не выловил из борща все мясо. Они больные, старые, не всегда адекватные – наши ближние».

«Не так давно к нам в монастырь привезли из Москвы одного инвалида. «Благочестивая» соседка инвалида решила, что дедушке в женском монастыре будет лучше, довезла его до Иванова, сгрузила в проходной и тут же уехала».

«Он пролежал на снегу несколько часов. Когда мы его подобрали, говорил уже с трудом.

– Нельзя лежать, вставай, ты где живешь?

Наивный вопрос.

– Нигде.

– Тебя как зовут?

– Саша.

Саше на вид чуть более 30, хотя возраст у бомжей определить сложно.

– Вставай, Саша, ну давай, дружочек, помогай нам, нельзя лежать, замерзнешь...

Дотащили до сторожки, напоили горячим, вызвали милицию. Куда они их увозят – не знаю. Милиция ехала 3 часа.

Не выходит у меня из головы этот Саша. Помолитесь за него, братия и сестры».



На клиросе

не хватало. Замуж я не хотела. Родственники корили, а я отвечала: ну выйду замуж, а дальше что? А они мне: все так живут и вопросов не задают. А потом я встретилась с отцом Амвросием и после разговоров с ним поняла, что все это время мне не хватало богообщения. Приняла православие и пришла в монастырь после окончания Ивановского художественного училища. В монастыре мучившая внутренняя пустота исчезла, моя душа здесь утешается». Одним из первых послушаний матушки Феофили было дежурство на вахте. «Нового корпуса тогда не было, – рассказывает монахиня, – и все бежали к вахтеру. Мне часто задавали вопросы, ответов на которые я не знала. Это утомляло. Скажем, казначей уехала куда-нибудь. А сестры прибегают: где казначей? Отвечаю: уехала. Они: а куда? когда вернется? Ну откуда я знаю? Вот я батюшке и пожаловалась. А он посоветовал: возьми табличку и напиши на одной стороне «Не знаю», а на другой – «Знай себя – и довольно с тебя». Я так и сделала и стала ее сестрам показывать вместо ответов. Одни смеялись, другие недовольные уходили». Заодно с дежурствами на вахте монахине поручили водить экскурсии



На монастырском дворе полным ходом идет заготовка зелени для салатов и солений



Послушание в церкви – одно из самых любимых

по монастырю. Свой первый опыт она вспоминает со смехом. Как говорить – не знала, да и стеснялась сильно. «А на экскурсию пришли молодые люди, – смеется матушка Феофила. – Я думаю: раз молодые, надо им про блуд сказать – что этого делать нельзя. Стала говорить на эту тему, половину экскурсантов как ветром сдуло...». Это уже потом она подняла исторические материалы, основательно подготовилась и теперь продолжает водить экскурсии по монастырю...

Еще в то время, когда на территории монастыря кипела стройка, монахини Феофила и Арсения за-

метили, что в кучах привозимого песка попадаются комки глины, пригодной для лепки. Они начали лепить подсвечники, раскрашивали их и дарили сестрам. А позже, когда мать Феофила получила послушание ездить на православные выставки, в монастыре вспомнили о том, что она может лепить. И решили: надо делать что-нибудь на продажу. Только что? Сначала пробовали продавать горшки, но особым спросом они не пользовались. И тогда родилась идея лепить необычные яркие фигурки. Сегодня редко кто из гостей, приезжающих в монастырь, покида-

ет его без маленького глиняного схимника, монаха или ангела.

– И ведь знаете, что самое интересное? – Матушка Феофила поправляет фигурки на полке и улыбается. – Я ведь с детства любила керамику, мечтала всю жизнь ею заниматься. Когда пришла в монастырь, старалась даже не думать об этом. И вот – пожалуйста. Я теперь точно знаю: чудо – в каждом повороте нашей жизни.



Разговор по душам

Свято-Введенский женский монастырь в Иваново – пока единственная в России обитель, где существует телефон доверия. Организовала его несколько лет назад матушка Иоанна: каждое воскресенье в течение часа сестры отвечали на вопросы мирян, звонивших по телефону. Как правило, разговоры шли о вере и спасении.

Затем руководитель епархиального направления по борьбе с наркоманией отец Сергий Гончаров пригласил сестер монастыря пройти специальные курсы, организованные Патриархией. Вместе с сестрами в Москву отправилась и послушница Анна. Теперь именно она отвечает за монастырский телефон доверия.

– Нам выделили отдельный кабинет, – рассказывает Анна. – Сейчас мы работаем вдвоем с матушкой Ираидой. Раньше нам помогали два волонтера, но они ушли, с осени будем искать новых. Потому что вдвоем довольно тяжело справляться с такой задачей.

Телефон доверия работает три дня в неделю – с 19.00 до 22.00. Монахини его никак не рекламируют, чтобы избежать звонков от балующихся детей и подростков. Но недостатка в обращениях нет. Причем география



Послушница
Анна



В церковной лавке



В монастыре звучат не только колокола. Послушницы отлично бьют в била

звонков весьма обширна: начиная с Москвы и Петербурга и заканчивая Германией и США.

– Анна, а что волнует ваших собеседников из-за границы?

– У них очень интересные проблемы. Например, супруги делят детей: муж католик, а жена – православная. Каждый хочет, чтобы дети воспитывались в его вере. Спрашивают, как разрешить эту ситуацию. Или, к примеру, возникают проблемы с местным священником. Советуются, как можно урегулировать взаимоотношения с ним. Ведь за рубежом православные храмы – не на каждом шагу. И если у прихожанина возник конфликт с батюшкой – это трагедия. Другой-то храм может находиться километров за 80. Еще часто советуются по поводу той или иной работы: соответствует ли она православию или нет? Бывает, обсуждают с нами свои психологические проблемы. Я как-то один раз не выдержала и поинтересовалась у человека, звонившего из Германии: как же так, у вас же там масса известных психологов, почему вы с ними не хотите посоветоваться и звоните в Иваново? Ответ был неожиданным: боюсь, мне на работу сообщат.

– А с какими вопросами звонят со-граждане?

– Увы, наибольшее количество звонков связано с алкоголизмом и наркоманией. Часто звонят родственники тяжелобольных людей. В этих случаях подавляющее большинство звонящих – это жены и матери. Мужчины вообще звонят гораздо реже, и вопросы у них все больше серьезные – вера, воцерковление. Женщины более эмоциональные, они нуждаются в сочувствии. Им надо позвонить и выговориться, чтобы их пожалели, посочувствовали. Иногда они звонят и просто вопят: сын пьет, муж бьет, ну и так далее. Иногда ругаться начинают последними словами. Но хуже другое: бывает, уговариваешь предпринять какие-то шаги, пойти к психологу, обратиться к врачам, а в ответ слышишь только вздохи или междометия. И понимаешь, что они все равно никакие рекомендации выполнять не будут.

– Кто-нибудь из тех, кто звонил, приезжал потом в монастырь?

– Я такого не помню. Письма – писали. Однажды, правда, забавный случай был. Два наркомана прочитали в Интернете о нашем телефоне доверия и пришли в монастырь.

Стали о нас спрашивать. Наши добрые бабушки с вахты нас позвали. Пришли мы, а наркоманы говорят: ну-ка, давайте быстро помолитесь за нас, чтобы мы наркотики бросили. Мы пытались им объяснить, что надо работать над собой, что все это не так просто. Они обиделись, выругали нас и ушли...

Анна рассказывает, что иногда крайне трудно соблюдать главное правило тех, кто работает на телефоне доверия: поговорил, положил трубку, и все – забыл то, о чем только что разговаривал. Ведь иначе заниматься этим нелегким делом просто невозможно.

– Порой бывают периоды, когда один за другим идут простые звонки: спрашивают о катехизации, как приготовиться к причастию или исповеди, – делится Анна. – Только немного расслабишься и тут – бац! – леденящий какой-нибудь звонок. Например, такой, как недавно. Звонит человек и говорит: сегодня утром у меня в хосписе умер отец. Мы хотели, чтобы он исповедался перед смертью, а священника нет в хосписе. Почему в хосписах не сидят священники? Начинаешь объяснять, что это не всегда приветствуется руководством больничных учреждений, что не все больные хотят видеть в хосписе священника. Говоришь все это, а в голове только один вопрос пульсирует: а действительно – почему? Ведь должен рядом с умирающими быть священник. ●

ТОПОРНОЕ ДЕЛО

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ
ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО

РАНЬШЕ В ГОТОВЫЙ СРУБ, КАК В ЧУГУН, НАЛИВАЛИ ВОДЫ И ЖДАЛИ: ПОЛЬЕТСЯ ОТКУДАНИБУДЬ ВОДА ИЛИ НЕТ? ОБНАРУЖЕННЫЕ ТАКИМ НЕЗАТЕЙЛИВЫМ СПОСОБОМ ДЫРЫ ЗАБИВАЛИ КЛИНЬЯМИ И МХОМ.

...С ВОРАЧИВАЯ РУЛЕТКУ, плотник Михаил Разгадов только усмехается по поводу старинного «испытания» избы: рубанки и двуручные пилы ушли в прошлое, даже топор сегодня не часто увидишь в руках мужиков, рубящих срубы. Почти все заменили бензопилы и электроинструмент. Сам Михаил, когда пришел учиться плотницкому ремеслу, еще застал и пилы, и топоры, и рубанки, и палку с отметиной, которой пользовались вместо рулетки. Родные братья-плотники давно его к себе звали, но он, видя, как часто им приходится вытаскивать занозы и отпаривать в бане черноту на руках, отказывался. Зато теперь не жалеет. Лет пять назад у него сгорел дом. И если бы не заработки на срубах, скитался бы по чужим углам. А теперь три его маленьких сына проживают в комфортном деревянном доме. Есть гараж, подсобное хозяйство. Жена имеет возможность заниматься только детьми. На работу Михаил приезжает на своей машине. Все заработано топором...

Одно было досадно. Учителя местной школы иногда все еще припоминают при встрече, что Михаил был одним из лучших учеников, окончил школу с серебряной медалью и единственный из всей большой семьи Разгадовых получил высшее образование. Они, бывает, ворчат, что он поменял кабинетную работу на топор с рубанком и неотесанные бревна.

— А я им говорю, что вся Россия строилась топором! — щурится на

солнце Михаил и добавляет: — Да и перестали они в последнее время совестить. Сами приходят посмотреть на то, как ставим срубы.

Вековые традиции

...На зеленом широком поле, окаймленном темным лесом, выстроились длинной полосой готовые срубы. Между ними лениво бродят куры. Ощущение такое, будто мы перенеслись во времена Древней Руси! И только вой бензопил и защитные очки на лицах плотников разрушают иллюзию, напоминая, что на дворе — XXI век.

Заказать срубы для домов и бань, храмов и музеев в село Морд-Поляна, что на западе Мордовии, едут с разных концов страны. Но удивителен не спрос на работу морд-полянских плотников, а то, что в этом селе срубы стали изготавливать не более двадцати лет назад.

Самая известная бригада — четырех братьев Разгадовых: Александра, Сергея, Геннадия и Михаила. За их свежими срубами стоят в очереди, как за свежим хлебом. И мало кто верит, что Разгадовы взялись за топоры недавно. «Берите топор и пробуйте! — лукаво улыбаясь, говорят братья-плотники. — Не только наши предки Русь топором рубили!»

Защитными очками пользоваться стали недавно. Намучились с опилками: порой приходилось ездить в районную больницу, чтобы вытащить их из глаз. А ведь зрение плотнику нужно иметь отличное. Рассчитывать углы и бороться со щелями. Ровно подводить стены к крыше, а перегородки — к венцу.

Бригаду возглавляет самый старший из братьев Разгадовых, Александр. Современный инструмент хотя и вышел на первый план в работе плотников, но топоры, которыми их предки ставили деревянные города, не покинут рабочих рук никогда

А если на крышу пять фронтонов попросят — их связать нужно между собой. За эту сложную инженерную работу с капризным сырьем деревом не каждый дипломированный инженер возьмется. И все это на сильном ветру, в зной или под дождем и снегом. Обо всем этом рассказывает Михаил, работая по старинке топором.

Чем глубже врезается топор в сердцевину дерева, тем сильнее становится запах, словно открыли пробку у бутылки со старым вином. На чистом воздухе этот запах так волнует воображение, что невольно переносишься на тысячу лет назад, в патриархальные времена. Ясно, почему люди снова потянулись в дома из срубов. «Нравится?» — усмехается плотник.





В отличие
от других плотников
Разгадовы обедают
дома, на белой
скатерти

Некоторые называют леса рядом с Морд-Поляной особенными. А они считаются окраиной Мещерского края. Пожары прошлого лета обошли здешние чащи, но все равно вопрос с хорошим лесом – главный. С каждым годом толщина бревен в срубах становится меньше. На срубы идет так называемый сосновый тонкомер. «Бывало, от села километр отойдешь – и лес. А сейчас за 50 километров возят!» – рассказывает Михаил. Но того, что лес кончится, а плотники останутся без работы, не боится. В соседнем селе Старое Бадиково рубили сруб, а отец заказчика, стариk, приходил, смотрел и вспоминал прежние годы. Раньше на себе лес вывозили до узкоколейной железной дороги. В войну прямо в лесу сколачивали



ящики для мин и снарядов. Громадные пилорамы были. Думали, все вырубят. А вот – срубы ставят. Расстет лес!

Михаил гладит белое бревно, счищает ногтем стружки и говорит: «Много сучков. Молодой лес!» Но не всегда сучки с бревен убираются. Оказывается, любители сруба «под старину» требуют оставить сучки, чтобы дом выглядел таким, как на иллюстрации к старой русской сказке.

Сегодня братья планировали закончить сруб на полтора этажа. Очищенные от коры белые бревна плотники обмахивали веником после каждого своего прикосновения. Перекрикивая вой бензопил, советовали не прислоняться. Смола! Капли смолы текут по древесине, выступают на срезах – при克莱иться можно запросто.

Плотники посматривают на горизонт. От жары под корой нечищенных бревен заводятся жуки, от жары бревна трескаются. Дерево даже срубленное продолжает дышать. Оно может рассохнуться, может сжаться. Бревно начинает в срубе «играть» и нарушать конструкцию. В прошлогоднюю жару плотники сильно переживали по этому поводу. А дождь зарядит – тоже мало хорошего: инструмент будет скользить по мокрому дереву, разбухшие бревна не будут входить в пазы. А то и плесенью начнут покрываться. Начинается эта зараза с синеватости, которая говорит о проникновении в бревно водорослей. За ними появится грибок, и бревно начинает гнить. Опасное дело! Сколько потом будет мороки! Поэтому считают зиму самым удобным временем для того, чтобы рубить срубы.

– Раньше, – объясняет брат Михаила Геннадий, – зимой собирали

По кольцам на срезе можно определить возраст дерева. Он редко превышает возраст самого старшего из братьев-плотников

сруб в один колодец. Стоял до лета. Потом ставили на фундамент. А сейчас торопятся. Не проветривают. Сырой сруб ставить – нарушение всех вековых технологий. Но клиенты подгоняют. С бревен кору снимают сами плотники. И всегда стараются сохранить защитный слой, чтобы дерево потом не портилось. Шкурят бревна топором или заточенной как лезвие четырехугольной лопатой. А недавно это делалось специальным дедовским скобарем. Но и он отправлен в сарай на покой.

Как при царе Городе

Геннадий показывает на стену сруба. Ни одного кривого бревна. Все ровные, как карандаши. Хотя бревна некалиброванные. «Видели бы, что привозят! – говорит плотник. – Просто мы умеем работать с бревнами!» Как из кривых и разных по толщине на своих концах бревен получаются ровненькие стены, братья не рассказывают. Говорят – секрет. Хоть старым дедовским инструментом плотники и не пользуются, но вековые хитрости еще используют, как говорится, на полную катушку. Кстати, катушки с нитками тут – необходи-



димый предмет. По нитке ставятся нижние бревна. А каждый венец измеряют гидроуровнем. Своему глазу плотники не доверяют. Другие плотники размечают длинный сруб (а бывают срубы длиной и до 14–16 метров) маркером, а у братьев – черная отбивочная веревка. Тоже из дедовских «рецептов». Ею наносится разметка на бревно. Веревка мажется сажей, которая разводится соляркой. Сажа легко сträgtивается с дерева. Но и это прогресс. Буквально два года назад использовали головешку, которой натирали веревку. «Все как в древние времена – при царе Городе», – смеются братья Разгадовы.

К старым разметочным инструментам, которыми пользовались веками, относится и «чертка». Выкованная в сельской кузнице более пятидесяти лет назад, она остается главным средством для разметки будущих пазов в бревнах. «Вот раньше рубили срубы: топор, «чертка», пила, и все!» – говорит Геннадий. Из всех братьев он – единственный обучался науке рубить срубы. Вернувшись в село после армии, попал в плотницкую бригаду. Ставили срубы и дубовые колодцы. Вот тогда сучки рубили топорами,



Как бы ни выла
бензопила,
а все равно
говорят, как и много
веков назад:
«Срубить сруб»

а не бензопилой, ошкуривали бревна скобарями, а не электрофуганком, поднимали бревна на пузе, а не трактором, как сейчас. Гидроуровней тогда тоже не было. Пользовались отвесами. Стыки бревен на углах делали в «чашу», а не в «лапу», как сегодня. Старики говорили: так теплее будет. Старики и командовали в той бригаде. Сами они только меряли бревна разметочной палкой, много курили и порой посыпали молодых в магазин за беленькой.

Геннадий и подумать не мог, что срубы станут главным делом его жизни. Срубил баню себе, потом другу. Первый сруб на дом поставили брату

Сергею. А потом Геннадий братьев стал учить. Сергей заведовал фермой, Александр работал водителем. Объединились братья в бригаду лет тридцать назад. Принимали в нее и дальних родственников. Главным в бригаде стал самый старший брат – Александр. Пригодился и купленный им по слухам для домашних нужд списанный воинской частью ЗИЛ-157, сошедший с конвейера в 1961 году. На старом грузовичке Александр возил работниц лесничества на дальние участки – сажать лес. За это вместо полагающихся денег ему выписывали лес. А он из него с братьями срубы ставил.

Александр тоже не думал, что связывает свою жизнь со срубами. Здесь, на поле, где сейчас плотники рубят срубы, он на комбайне хлеб убирал. Последним пришел в бригаду Михаил. С тех пор в Морд-Поляне и окрестных селах создалась и распалась не одна сотня бригад плотников, а братья Разгадовы по-прежнему работают вместе. В своей бригаде братья сразу же установили дисциплину. На работу нельзя опоздать даже на минуту. В шесть вечера – работе конец. Выходной – воскресенье. В отличие от плотников по соседству Разгадовы не едят и не пьют в своих срубах. На обед – топают домой. Если в других деревнях работают, то снимают домик, в котором и готовят себе еду. Не курят. Грызут рядом со своими срубами только желтые тыквенные семечки, а не черные подсолнечные. Боятся испачкать белые бревна. Даже зимой в сильный мороз никогда не разведут внутри сруба костер, чтобы согреться. Перед работой переобуваются в чистые кроссовки. Ведь в старину предки на срубах и вовсе босыми работали. Марку братья держат крепко, иначе – прямая дорога в лесорубы. В лесо-



рубах братья побывали, когда заказов было мало. Десятки кубометров дров за день привозили в село. Ничего, к труду приучены с детства. Отец их, единственный на все село кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, трактористом был. Умер в 40 лет. Братья не припомнят, чтобы отец плотничал. Поставил за всю жизнь лишь баню. «Он больше земледелием занимался. А это мастерство через кровь передалось, – рассуждают братья. – В нашем лесном краю тысячу лет назад полно было деревянных крепостей и городков!» Свидетельства былых битв тут часто находят археологи.

Уважаемый топор

На срубы, красующиеся в зеленой траве, заглядываются проезжающие. Иногда останавливаются, выходят из машин, любуются. Днем срубы сверкают на солнце, в темноте – светятся каким-то молочным светом. Однажды такие же любопытствующие позвали братьев работать во Францию. «Больших денег нам не надо, а на хлеб и тут хватает», – скромно ответил за всех Александр. Он вместе с Геннадием занимается самым сложным – сборкой сруба.



Другие братья собирают бревна по калибру и ставят на эстакаду. К месту сборки бревна подволакивает трактор. А еще лет пять назад тащили дровесину на веревках. Михаил ведет бухгалтерию, занимается обслуживанием электроинструмента, закупает бензин и цепи для бензопил. Когда цепи притупляются или рвутся, их точат и клепают тут же – на топорах, как на наковальнях. Топор не отправлен на покой. Без топора ни один

плотник не выходит на сруб. Топором подчищают бревна. Топор втыкают в торец бревна и, как рычагом, поворачивают бревно или подтаскивают его. Топором плотники, как и их прадеды, чешут спины, носы, кладут топор под голову во время короткого отпуска в тени. Топор остается символом сруба. Уважение к нему сохраняется неизменно. Между прочим, при желании братья могут поставить сруб и одним топором.

Топор навсегда
останется опорой
плотника



Никакими учебниками они не пользуются. Все придумывают сами, а вернее, берут из копилки много-векового опыта своих предков. В дальних поездках присматриваются к чужим срубам, сравнивают со своей работой. «Все вот в большие города рвутся, а мы Москву тут срубим!» – улыбаются братья-плотники и просят не отвлекать.

...Пилы, выплевывая сизый дым, вонзаются в пазы. Дымит и Т-40 –

трактор, перетаскивающий и поднимающий бревна. «Раньше бревна вагами поднимали! – говорит Геннадий, наблюдая за трактором. – Если б старики видели – они бы не одобрили!»

Ветер с поля шевелит вихры коры на неошкуренных бревнах, шуршит стружками. Бензопилы и трактор притомились и утихли. В воздухе снова разливается запах смолы. К вечеру она подсыхает. Капли на

бревнах становятся твердыми и мутными.

Михаил подсчитывает кольца на срезе бревна – 59 лет! Это дерево старше самого старшего из братьев Разгадовых – Александра.

Гладкие стены готового сруба хочется гладить бесконечно... Еще утром эти холодные бревна лежали в мокрой траве, а сейчас, уложенные в сруб, они становятся теплыми не только от солнца, но и от мозолистых рук плотников. К готовому срубу братья готовы подпустить всех желающих, даже женщин и детей, которым, пока дело не сделано, места на площадке нет.

Плотники стоят, облокотившись на венцы, и смотрят внутрь сруба, как в колодец. Им осталось лишь пронумеровать бревна краской, чтобы заказчик на месте мог собрать сруб сам. Листок с нумерацией бревен в срубе передается как самый важный документ. Без него сруб собрать трудно, а иногда и невозможно. Не забывают братья-плотники и напомнить новым хозяевам о старинном русском обычай – подложить под углы сруба монеты. Так дом будет стоять крепче, и в стенах его поселятся достаток. ●



ЛЕТО В ФИОЛЕТОВО

АЛЛА
БЕРЕЗОВСКАЯ

ПОЧТИ ДВА ВЕКА НАЗАД НА СЕВЕРЕ АРМЕНИИ НАШЛИ СЕБЕ ПРИБЕЖИЩЕ РУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-МОЛОКАНЕ, СОСЛАННЫЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ ИЗ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА РЕЛИГИОЗНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ.

3 ДЕСЬ, В ГОРАХ МЕЖДУ ДИЛДЖАНОМ И ВАНАДЗОРОМ, В 1840 ГОДУ 195 МУЖЧИН И 194 ЖЕНЩИНЫ ОСНОВАЛИ СЕЛО НИКИТИНО, НАЗВАННОЕ ПО ФАМИЛИИ ЧИНОВНИКА, УКАЗАВШЕГО ИМ МЕСТО ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ. КОГДА-ТО ЗДЕСЬ РАС-

ПОЛАГАЛСЯ ВОЕННЫЙ БЛОКПОСТ. ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ 30-Х ГОДОВ НИКИТИНО БЫЛО ПЕРЕИМЕНОВАНО В СЕЛО ФИОЛЕТОВО В ЧЕСТЬ ОДНОГО ИЗ 26 РАССТРЕЛЯННЫХ БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ – ИВАНА ФИОЛЕТОВА. ВО ВРЕМЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СОСТОЯТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ОБЩИНЫ МОЛОКАН ПОДВЕРГЛИСЬ РАСКУЛАЧИВАНИЮ, НО ОБИДЫ НА ВЛАСТЬ НЕ ЗАТАИЛИ. И КОГДА НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА, МУЖЧИНЫ ПОШЛИ СЛУЖИТЬ В СО-

ВЕТСКУЮ АРМИЮ, МНОГИЕ ИЗ НИХ СЛОЖИЛИ ГОЛОВЫ НА ПОЛЕ БОЯ.

ПОСЛЕ РАСПАДА СССР МОЛОКАНЕ ИЗ РЕСПУБЛИК ЮЖНОГО КАВКАЗА МАССОВО МИГРИРОВАЛИ В РОССИЮ, АВСТРАЛИЮ И АМЕРИКУ. СЕЙЧАС В АРМЕНИИ ИХ ОСТАЛОСЬ НЕ БОЛЕЕ 5 ТЫСЯЧ, ХОТЯ В 80-Е ГОДЫ ЗДЕСЬ НАСЧИТЫВАЛОСЬ ОКОЛО 50 ТЫСЯЧ МОЛОКАН. ОНИ ЖИВУТ В ЕРЕВАНЕ, ВАНАДЗОРЕ (БЫВШИЙ КИРОВАКАН), ДИЛДЖАНЕ, РАЗДАНЕ, СЕВАНЕ, А ТАКЖЕ В СЕЛЕ ФИОЛЕТОВО В ЛОРИЙ-



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ской области. Сейчас это практически единственное русское село в Армении, в котором проживает 1520 жителей (385 хозяйств). Фиолетовцы остались верны своей вере, себя называют духовными христианами. Молокане отвергают иконы, не носят кресты, не признают священников и церковных обрядов и не строят церкви. Они совершают моления в обычных домах, состоят в общинах (собраниях), которыми руководят выборные пресвитеры. Живут замкнутой общиной, не вступают в смешанные браки, не смотрят телевизор, у них запрещены разводы, аборты, алкоголь и курение. Женатые мужчи-

ны носят длинные бороды, женщины покрывают головы платком и не носят брюки. Дети учатся в русских школах, но в вузы поступают единицы. Местные жители заняты крестьянским трудом, на приусадебных участках работают даже маленькие дети, помогая взрослым при посадке картошки, капусты, моркови и других овощей, разведением которых славятся молокане в Армении. Во все времена молоканская квашеная капуста считалась самой лучшей в округе, а картошка – самой вкусной. Когда я собиралась в Армению, друзья посоветовали мне поехать в Фиолетово. Во-первых, отведать знаменитой молоканской капустки и поесть картошечки, во-вторых, побывать в не тронутой цивилизацией русской глубинке. Правда, терзали сомнения: согласятся ли молокане принять журналиста? Все сомнения развеял в телефонном разговоре глава сельской администрации Фиолетово Алексей Ильич Новиков: «Приезжайте – встретим, все покажем и расскажем!»

Совсем другая Армения

Дорога на машине заняла полтора часа. Скушать не пришлось: буквально с каждым километром местность разительно менялась. Сначала это были зеленые холмы, покрытые мелким кустарником, красными маками, желтыми лилиями, ромашками и васильками. Ближе к Севану едешь фактически по равнине, любуясь знаменитым озером, вытянувшимся почти на 70 километров. Вдоль дороги через каждые 300–500 метров стоят молодые парни с раскинутыми в разные стороны руками – так они показывают размер рыбы, которую предлагают купить автомобилистам.

Приближаемся к Дилижану. Симпатичные домики, разбросанные на зеленых холмах, утопающие в густой зелени, изумрудные леса с зарослями буков, орешника, вяза, клена и лип. Это уже совсем другая Армения, как сказали наши ереванские друзья, когда мы выехали на трассу через недавно отстроенный двухкилометровый Дилижанский тоннель. Стало заметно прохладнее, небо затянуло тучами. Север республики, Лорийская область. Не доехая 20 километров до Ванадзора,

резко сворачиваем вправо и вместо асфальтированного шоссе попадаем на разъезженную дорогу, всю в ухабах и ямах. Ужель та самая Россия? Точно – село Фиолетово, каким оно было, вероятно, сто лет назад и каким, похоже, осталось и в наши дни. …Выехавший нам навстречу старенький трактор передвигался с оглушительным треском. Но поражает, конечно, не это – нынешние армянские села тоже выглядят не слишком презентабельно. Однако, попав в Фиолетово, и впрямь оказывается в ином мире и ином времени: на фоне Кавказских гор как-то чудно смотрятся березовые рощицы, покосившиеся деревянные избушки в перемешку с каменными двухэтажными домами, фруктовые сады, огороды, русские палисадники. У забора сидят длиннобородые мужики в кургузых пиджаках, повсюду бегают русоволосые светлоглазые ребятишки, курносые и конопатые – не-привычные для кавказских широт. По дороге важно вышагивают петухи и куры… Идем и мы вправление по главной улице села – Центральной, помимо нее есть еще одна – Погребальная, в сторону кладбища, но нам туда не надо.

О дойных коровах и чиновниках

Сельская администрация находится в двухэтажном здании, рядом – развалины бывшего клуба, оставшегося после землетрясения без окон и дверей. В правлении нас встречает приветливая женщина в платочке – заместитель старосты Евдокия Суковицына. «Можно просто Дуся!» – улыбается она. Оказалось, глава администрации уехал по срочному делу к марспету (по-армянски – губернатор области). Напротив Евдокии за столом сидит симпатичный темноволосый мужчина совсем не «молоканской» внешности, он о чем-то оживленно говорит по телефону: «Наш секретарь Аарат Абрамян, он из соседней деревни, но у нас работает, – представляет помощника Дуся и смущенно добавляет: – Мы, конечно, знаем армянский язык, учили, но говорить не очень можем. Аарат у нас ведет все делопроизводство, его отец тоже когда-то с нами работал».



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Евдокия Суковицына рассказывает, что в Фиолетово число жителей практически не меняется на протяжении многих лет. Уехавший по делам к губернатору Лорийской области Алексей Ильич Новиков уже пятнадцать лет является старостой Фиолетово, хотя должность эта выборная, но каждые четыре года народ вновь и вновь назначает его своим головой. Что входит в обязанности старосты? «Да на нем вообще все, – уверяет Дуся, – как раньше председатель колхоза, так у нас сейчас староста. Еще есть совет старейшин, с которым согласовываются все основные решения, в том числе кому из селян нужно оказать материальную помощь из средств общины». На вопрос об отношениях с местными властями Евдокия ответила с присущей фиолетовцам искренностью: «Если честно, отношения с армянскими властями даже лучше, чем с российскими. По крайней мере, от них нам не приходилось слышать ничего обидного. Не то что от своих, русских...» Евдокия умолкает и пару секунд с грустью смотрит в окно. Да, я еще до поездки читала в одной из публи-

По Центральной
улице русского
села

Правая рука
сельского
старосты
Евдокия
Суковицына –
коренная
фиолетовка



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

каций, как однажды представитель российского посольства, заехавший на часок в Фиолетово, в ответ на просьбу о помощи ответил в том духе, что Россия, мол, это не дойная корова... Обиделись молокане? «Не то слово! – в сердцах махнула рукой собеседница. – Вы же сами видите, как живем – клуба нет, дороги ужасные, весной только на тракторе можно проехать. А сколько домов в землю вросло, видели? В них еще наши деды жили – да-да, те самые, с Тамбовщины, так что все мы

тут самые настоящие тамбовские волки! И что ж теперь – отстреливать нас?» Это Дуся вспомнила слова бывшего российского консула. Почему-то ему очень не понравились бороды у местных мужчин. О чем он тут же заявил во всеуслышание: «Ненавижу этих бородачей! Была бы моя воля, выдернул бы своей рукой!..» Евдокия в ответ предложила чиновнику не церемониться, а сразу отрубать головы вместе с бородами. Не так давно была у них тут очередная московская делега-

Пятое поколение
молокан
на Кавказе

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ



ция, походили по селу, посмотрели, и в итоге одна дама воскликнула: «Да вы тут живете даже лучше, чем мы, – у вас газ есть! А у меня на даче в Подмосковье газа нет, да и воду горячую постоянно отключают!»

Как бы там ни было, только с тех пор фиолетовцы без крайней необходимости стараются никого ни о чем не просить. Но добрые люди находятся. Так, железнодорожники школу в селе отремонтировали, а одна частная компания обрудовала компьютерный класс. Какие компьютеры? – удивляемся мы, если молокане даже телевизор не смотрят? «А век-то какой на дво-ре? Что делать! – спокойно возражает Дуся. – На уроках нашим детям теперь информатику преподают, как в обычной школе. Дети учатся по российским учебникам, вот за это посольству спасибо – помогли. Так что не все так плохо, они и направление дают нашим выпускникам для поступления в вузы, вот в Российско-Армянском (Славянском) университете учатся наши ребята. В этом плане жизнь сейчас немного налаживается». Евдокия уверяет, что у старшего поколения

технический прогресс не вызывает неодобрения. Главное для стариков – чтобы их потомки соблюдали основные христианские заповеди. Такой вот парадокс: мобильные телефоны и даже компьютеры у многих селян уже есть, а вот телевизоры молокане в домах практически не держат. Почему? «В субботу вечером и в воскресенье утром все мы должны идти на молитву в молельный дом, – терпеливо поясняет Евдокия. – А если в это время по телевизору начинается хорошая передача или фильм, то на молитву люди могут не пойти или пойдут с досадой. Это плохо!»

В местной школе учится более 200 человек, преподаватели приезжают на автобусе из соседнего Ванадзора. До недавнего времени из-за низкой зарплаты учителей не хватало, и селянам самим приходилось доплачивать за каждого ребенка по 1000 драм (около 3 долларов). Учитывая, что у молокан, как правило, по пять-шесть детей, для многих это была серьезная сумма. Сейчас зарплату в школе подняли, а также организовали для пятилеток подготовительный класс. Но

самый большой вопрос для фиолетовцев – практически полное отсутствие работы. Раньше селяне работали на швейном производстве и на химкомбинате, но эти предприятия давно закрылись. Увы, уходит в историю и производство знаменитой молоканской квашеной капусты: в Фиолетово осталось не более 10 семей, где еще делают капусту на продажу, остальные давно выращивают овощи только для себя. С закрытием границ стал невозможным сбыт продукции в Россию, а в Армении ее тоннами не продаешь. Последние годы большую часть урожая приходилось просто выбрасывать. Все лето молокане с утра до вечера заняты на огородах, включая маленьких детей, которые бросают рассаду в подготовленные лунки. «Эх, видели бы вы, какие у нас большие картофелины уродились в прошлом году! – сокрушается Евдокия. – А картошка у нас вкусная, нигде такой нет! И пришлось ее почти всю скоту скормить! Почему? Смысла не было продавать – килограмм картофеля стоил 50 драм, а комбикорм самый дешевый – 3 тысячи драм. Так выгоднее было скотину каждый день картошкой кормить, чем на стороне закупать корм. Капусту сажали-сажали все лето, заквасили, а продать не смогли – выбросили! Наш товар совсем не ценят. Хорошо, сейчас хоть молоко пошло, а то раньше закупочная цена на него была в два раза меньше, чем на питьевую воду».

Фиолетовские коровы отличаются прекрасной спортивной формой, все они – заядлые «альпинистки», ведь им, чтобы найти себе пищу, приходится каждый день ходить по высокогорной (2 тысячи метров над уровнем моря!) местности! Коров здесь необходимо подковывать у кузнецов. Зато какое вкусное и душевистое молоко они дают! Раз уж заговорили про молоко, то и само название «молокане» имеет к этому продукту прямое отношение. Правда, версии разные. По одной из них, это название пошло от того, что в дни поста приверженцы духовного учения Максима Рудометкина, в отличие от остальных православных, ели молочные продукты. По другой версии, слово Божие толкуется как духовное молоко – символ чистоты.



Коренной житель села
Виктор не хотел бы
покидать родные края,
но в Армении работы ему
не найти

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Только чай!

Не имея постоянной работы, фиолетовцы вынуждены массово выезжать на заработки. Несколько семей, перебравшись в Краснодар и на Ставрополье, организовали там производство квашеной капусты по молоканской технологии. И позвали на подмогу землячек. Кто-то отправился в Ереван, девушки в основном устраиваются в столице помощницами по дому в армянские семьи, здесь их ценият – за чистоплотность, скромность, трудолюбие и честность. Мужчины в Ереване и других городах заняты на строительстве домов и укладке пешеходных дорожек. Во время визита в Фиолетово мы застали около правления большую группу молодых молокан, их здесь собрал вербовщик, который набирал бригаду сварщиков для прокладки трубопровода в России. За рабочими в Фиолетово он приезжает уже седьмой год подряд, ведь сварка дело ответственное – нужны надежные люди, непьющие. Среди молокан таких большинство. Обращаю внимание, что среди молодых мужчин нет ни одного бородатого. Неужели все еще не женатые?

«Нет, мы – семейные люди, – отвечает на вопрос один из парней, Виктор. – Но каждые полгода я отправляюсь на заработки. А там неизвестно, в каких условиях придется

жить, бывает, неделями помыться негде – тут уж не до бороды». Виктор родился в Фиолетово в 1975 году, здесь окончил школу, потом техникум. Имеет специальности водителя, экскаваторщика, бульдозериста. У него двойное гражданство – российское и армянское, что облегчает ему въезд в Россию. Виктор уверяет, что в другом месте жить он не хочет, хотя родственники есть в Австралии и в России, но здесь его родной край, его семья – жена, двое детей. Уезжать приходится скрепя сердце, но иначе семью не прокормишь. В Фиолетово на полторы тысячи жителей наберется не более десятка армян. Они держат здесь магазин, где среди прочего продается и алкоголь. Товар этот в селе далеко не самый востребованный, спиртное у молокан запрещено. Но, как заметила Евдокия, в семье не без урода: всяко случалось. Но ни на свадьбах, ни на поминках, ни на крестинах пить у них не принято. «А как же праздники?» – спрашиваю я. «А мы самовары на столы ставим с чаем, – говорит Дуся. – О, в горах такие душистые травушки растут – вам и не снилось! Каждое воскресенье у нас – праздник. Утром – молитва, потом идем в гости, летом едем на природу с самоварами и едой, пекем картошку, шашлыки жарим. Моло-

дежь танцует – весело! Так же мы отмечаем Пасху, красим яйца, пекем пасхи, по-вашему – куличи, отмечаем Рождество, Троицу – а как же! Осеню у нас Праздник Кущей – отмечаем исход евреев из Египта, это у нас праздник урожая. Всю неделю мы жертвуем в пользу общины – кто сколько может, покупаем фрукты, мясо. Варим в чугунках домашнюю лапшу, сами ее делаем».

Молодоженов пресвитер венчает в молельном доме: просто читает им Закон Божий, дает свое наставление и объявляет мужем и женой. Потом новобрачные едут в городской ЗАГС и расписываются. Разводы у молокан запрещены, хотя все же случались. Смешанных браков – и того меньше. Лет двадцать пять назад был случай: девушка вышла замуж за азербайджанца – до карабахского конфликта они здесь частенько снимали дома на лето. Так рассказывают, скандал был – на всю общину! Все закончилось побегом из дома и отлучением непокорной дочери от семьи... Парни же женятся только на своих, правда, невест подбирают не только в Фиолетово, но и в соседних районах, а то и из России привозят, но обязательно из молоканской семьи. Кстати, все юноши добросовестно служат в армянской армии. Так молокане для



ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ



ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Михаил Морозов, как и его отец, родился в Фиолетово и уезжать отсюда не намерен

Молоканки Анна и Мария подтвердили: телевизоров в доме у них никогда не было – вера не позволяет, а вот книжки читать они любят

себя решили: раз живут здесь, то должны соблюдать все местные законы. Но в карабахском конфликте они участия не принимали – по негласному соглашению.

Фиолетовцы уверяют, что только благодаря вере и неукоснительному соблюдению молоканских уставов им удалось сохранить свою общину – маленький уголок России в Армении. Остается только удивляться, почему никто не изучает уникальный опыт компактно проживающих в одной небогатой деревне русских мужчин и женщин. «Ох, надоели! – отмахивается Дуся сразу двумя руками. – Вот до вас позвонили из турфирмы – хотят приехать в Фиолетово с туристами, надо им чай сде-

лать. Я вам честно скажу: во-первых, летом мы все здесь заняты по горло, во-вторых, мы не хотим, чтобы иностранцы нас изучали за деньги. Потому что потом пишут про нас всякую чушь – и что мы в Христа не верим, и что хлыстами себя изводим. А это все неправда, мы ведем нормальный образ жизни. Поэтому-то мы и отбиваемся от непрошеных гостей всеми правдами-неправдами!»

Не просить, а заработать

На просьбу сфотографироваться Дуся ответила согласием, развеяв еще один размноженный СМИ миф о молоканах. Да и другие молокане не возражали против фотосъемки, кроме одетого в косоворотку седовласо-

го и длиннобородого пресвитера, который запретил его снимать. Когда я подошла к стоящему у дороги мужчине средних лет с темной бородой, он не только разрешил себя сфотографировать, но и попросил обязательно прислать ему фото. Познакомились: Михаил Морозов, в Фиолетово жил его дед, родились его отец, он сам и его дочки-школьницы. На вопрос, ждут ли они помощи от исторической родины, молоканин ответил, что ни на чью помощь не рассчитывает. «Мы стараемся сами заработать, а не милостыню просить. Да и вера не позволяет, у нас даже пенсию многие отказываются получать, так как это не заработанные своими руками деньги. Поэтому если что и нужно от России, так это работа. Сейчас мы супругой трудимся в основном на своем участке, немного занимаемся животноводством. В советское время я работал на химзаводе в Кировакане, но сейчас там все стоит мертвое. Две наши дочки еще учатся в школе. Высшее образование? Не вижу смысла, ну окончат они вуз – в селе по специальности работу все равно не найти. Уезжать же отсюда мы никуда не хотим, здесь наши предки жили и нам завещали. С армянами отношения хорошие. Вот лет пять назад в село провели газ. Зимой теперь можно топить газом. Да, цивилизация – вещь хорошая, но слишком дорогая».

К нам подходят две молодые женщины в длинных юбках, на головах – платочки. Поздоровавшись, присоединяются к беседе. Анна и Мария тоже против отъезда, разве что на время – подзаработать. Но с детьми это сделать сложно. Да и летом уезжать из Фиолетово не хочется, ведь ягоды идут – малина, земляника, смородина, надо варенья на зиму наварить. В здешних горах и грибы водятся: опята, черные грузди, моховики – хоть косой коси! Так что скучать не приходится. Телевизор в доме они не держат, как и другие сельчане, а книжки – пожалуйста: русские народные сказки, Пушкин, Лесков, Бунин и, конечно, Толстой, молокане его особенно уважают.

…Мы прощаемся и под оглушительные петушиные крики покидаем это удивительное место. По кочкам и ямам выезжаем на главную трассу. Впереди нас ждет тоннель и – со всем другая Армения. 



БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

ДМИТРИЙ
ИВАНОВ
ФОТО АНДРЕЯ
СЕМАШКО

СТАРАЯ РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА ГЛАСИТ: «СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ НИ ВИТЬСЯ, А КОНЕЦ БУДЕТ». В ГОРОДКЕ ГОРБАТОВЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ВЫЮТ ВЕРЕВКИ УЖЕ ТРИ СТОЛЕТИЯ, И КОНЦА ЭТОМУ ДЕЛУ ПОКА НЕ ВИДНО.



Горбатов, расположенный на высоком правом берегу Оки, утопает в зелени садов – знаменитая горбатовская вишня известна всему Поволжью. Одноэтажные аккуратные домики с палисадниками придают городу уютный деревенский облик. Длинная прямая улица приводит к главной здешней достопримечательности – канатно-веревочной фабрике. По пути к фабричным цехам директор предприятия Юрий Надуев рассказывает о старинном горбатовском промысле: «В наших краях веревки и канаты делали издавна.

Когда Петр I начал строить флот, для кораблей понадобились снасти. В Петербурге при Адмиралтействе был открыт канатно-прядильный двор, а мастеров, умеющих вить канаты и веревки, собирали по всей России. В 1718 году царь приспал нижегородскому вице-губернатору князю Степану Путятину указ, в котором требовал отрядить в столицу 50 прядильщиков. Путятин сыскал мастеров и отправил в Петербург. Среди них было и несколько прядильщиков из Горбатова. Канатно-веревочный промысел появился в Горбатове неспроста: из-за не-

плодородных земель хлебопашество здесь не прижилось, зато развитие рыболовства и судоходства на бечевой тяге на Оке и Волге обеспечивало стабильный спрос на снасти. Пеньку для их изготовления всегда была под рукой: ее делают из конопли, поля которой занимали обширные площади и в Горбатовском уезде, и в других районах губернии. От ближайших соседей – из Вологды и Костромы – получали лен, из него тоже вили веревки и канаты. Позже, когда слава горбатовских мастеров распространилась по всей Волге, местного сырья оказалось мало. Пеньку стали завозить из Симбирской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской губерний. Зимой возами, а летом по воде в Горбатов доставляли до 200 тысяч пудов пеньки в год. Здесь из нее делали смоленные канаты, бечеву, веревки, снасти для рыбной ловли, постромки, вожки и т.д. Весь этот товар отправляли на Нижегородскую ярмарку, в Москву, Санкт-Петербург, Ярославль, Рыбинск, Саратов, Астрахань.

Архивы Нижегородского городового магистрата сохранили любопытный документ, датированный 1797 годом. Это жалоба нижегородских купцов, упустивших выгоды прядильного дела из-за мастеров, «самовольно» изготавливающих канаты и веревки: «...в селах: Кадницы, Работках, Лыскове, Избыльце и городе Горбатове крестьяне производят промысел деланием весьма великого количества снастей, в чем им ни малого запрещения, как бы должно было, ни от кого не чинится и купечеству через то делается в коммерции подрыв». О том, как от-

фоторепортаж

ВЕРЕВОЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ



Директор
горбатовской
канатно-веревочной
фабрики Юрий
Надуев



реагировали власти на купеческую жалобу, неизвестно. Однако веревочный промысел не прекратился, напротив, распространился по всему Горбатовскому уезду. Лишь с приходом на Волгу пароходов, которым не нужны были ни бурлаки, ни бечева, популярность прядильного производства упала, но дело все-таки сохранилось.

В одном из справочников середины XIX века о Горбатове говорилось: «Главное ремесло, которым занимаются почти все мещане, есть прядение пеньковых разного рода снастей для рыболовства и судоходства».

Вить веревки здесь выходили целыми семьями. Инструмент для этого промысла нужен был нехитрый: крутильное колесо да поперечные гребни. Ну и еще требовался «просад» – свободное, ровное место, где можно было протянуть веревку



длиной 200–250 метров. Поэтому пряли обычно во дворе или саду, а некоторые – в длинных сараях. Говорят, раньше в импровизированную мастерскую превращался едва ли не каждый горбатовский двор. Зимой веревочное производство перемещалось на лед Оки. Рабочий день обычно начинался затемно. Женщины трепали пеньку, мужчины обматывались растрепанной пенькой, цепляли один ее конец к крюку вращающегося крутильного колеса и, пятаясь, постепенно отходили от него, по мере того как пенька превращалась в бечевку. Вращать колесо должны были дети. Обычно мальчики уже лет с семи приучались помогать взрослым. Порой ребенок еще даже не мог добраться до колеса, и тогда его ставили на скамейку. В конце XIX века в Горбатове кустарей уже было мало: в городе откры-

Воздух в прядильном цехе наполнен пылью от растительных волокон, поэтому работать приходится в респираторах

Пеньковые, льняные, джутовые и сизалевые ленты выходят из трепальных машин



ВЕРЕВОЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ



лись три фабрики, выпускавшие канаты и веревки. В память о тех временах старинные деревянные колеса долго еще хранили по домам, но теперь уж их не сыскать.

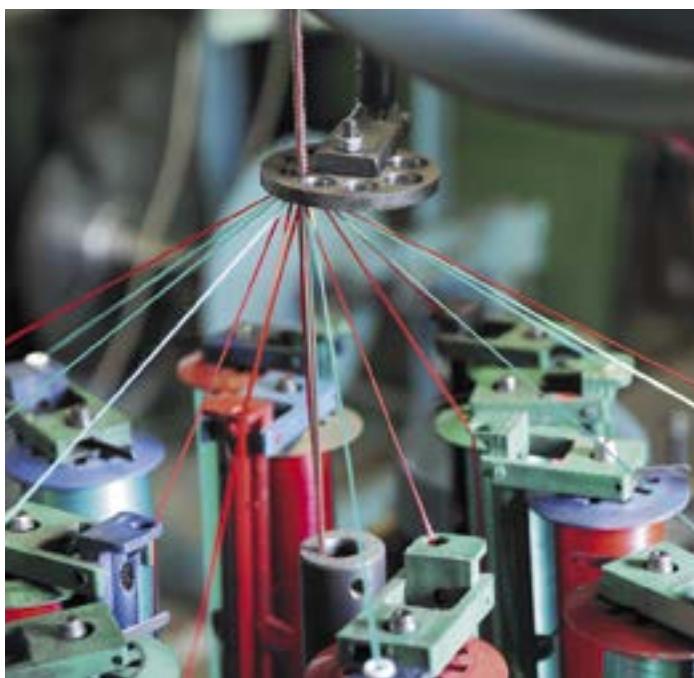
— Конечно, сегодня почти все производственные процессы механизированы, — рассказывает Юрий Надуев. — Но принцип изготовления веревок и канатов остался таким же, каким он был и сто, и двести, и триста лет назад. За это время ничего нового и лучшего люди не придумали. Даже современные материалы — капрон и полипропилен — не могут конкурировать на равных с пенькой и льном, из которых мы по-прежнему изготавливаем веревки и канаты.

В прядильном цехе стоит грохот многочисленных машин и механизмов. Шум такой, что приходится кричать, а временами переходит на язык же-

Пройдя через барабаны прядильных машин, эти длинные «косы» превратятся в шпагат

Главная продукция прядильного цеха — шпагат





В цехе ширпотреба делают шнур, который затем отправляют на обувные фабрики и в магазины

Капроновые и полипропиленовые нити, из которых плетут шнур, радуют глаз разнообразием красок

стов. Большинство рабочих трудятся в респираторах: воздух наполнен пылью от пеньки, льна, джута и сизаля – их отбивают и расчесывают машины. Здесь начинается процесс превращения бесформенной растительной массы в веревки и канаты. Тюки с сырьем ровными рядами уложены вдоль стен прядильного цеха. Пеньку закупают в Орловской, Саратовской, Пензенской и Курской областях, лен доставляют из Вологодской и Костромской. Экзотический джут поставляет Бангладеш, а сизаль – Бразилия. Но откуда бы ни прибыли растительные волокна, судьба у них одна – попасть в трепальную машину, которая, пропустив сырье, выдаст аккуратную длинную ленту, напоминающую косу. Пеньковые, льняные, джутовые и сизалевые ленты попадают



Пеньковые канаты из Горбатова, как и в петровские времена, славятся своей прочностью

в барабаны прядильных машин, которые выют из них шпагат. Бобины шпагата едва успевают складировать. Чтобы облегчить перемещение продукции, пол в цехе сделан из металла. По стальным плитам огромные веревочные тюки скользят как по льду, и управиться с ними может даже один человек. От обилия крутящихся катушек и веревочных клубков рябит в глазах, дышать тяжело, поскольку воздух пропитан резкими запахами. Но те, кто работает на фабрике не первый год, этих неудобств не замечают – привыкли. Бобины шпагата штабелями выстраиваются в прядильном цехе. Даже не верится, что из этих ниточек делают огромные канаты, которыми морские корабли швартуются к причалу.

Помещение, где изготавливают канаты, это ангар длиной более 250 метров. Возле входа – десятки бобин шпагата, насаженных на сердечники. От каждой из них через направляющие тянутся нить к металлической раме с крючьями. Когда все нити закреплены на крючьях, машину включают, крючья начинают вращаться, собирая многочисленные нити в три толстые веревки. После этого остается свить канат, собрав воедино все три веревки. Весит 250-метровый канат, на изготовление которого требуется около часа, 180 килограммов. Больше времени уходит на подготовку, ведь каждую ниточку шпагата надо пропустить через несколько направляющих отверстий, иначе они наверняка перепутаются между собой.

Прежде чем канат попадет к потребителю, его ждут нелегкие испытания: проверка на разрыв, кручение, трение. Главные потребители канатов отнюдь не моряки, большая их часть отправляется на металлургические комбинаты, где канаты пеньковые превращаются в сердечники канатов стальных. Пеньковая сердцевина, пропитанная маслом и антисептиками, придает стальным канатам и тросам больше гибкости, смазывает металлические волокна, уменьшает их трение и не позволяет им ржаветь. Спрос на продукцию горбатовской фабрики растет, производство надо расширять, так что на фабрике подумывают хотя бы частично перейти на собственное сырье. Для этого в следующем году в окрестностях Горбатова директор собирается засеять несколько полей технической коноплей. Обработка конопли – дело не такое уж хитрое. В конце лета ее скашивают и оставляют на поле, дожидаясь, когда отслоится клетчатка. В дело идут только стволы. Затем коноплю собирают, сушат и треплют. Получается пенька – самое лучшее и дорогое сырье для производства канатов и веревок.

– А какой максимальной длины веревку вы можете сделать? – спросили мы у Юрия Надуева. Директор улыбнулся и ответил: – Любой. Веревка ведь бесконечна. ●